

НОВАЯ ПОЛЬША

№12₍₁₅₎

2000

Знакомьтесь: Тадеуш Конвицкий

Лешек Бальцерович: 10 лет спустя

ЧЕМ БЫЛ КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ

Польский парень и 118 с «Курска»

КРАКОВ ВЗЯТ ПОЭТАМИ

Майор Закиров уже не боится

Астафьева и Британишский перевели 90 польских поэтов

Марек Рудницкий: Последний путь Корчака

Кшиштоф Пендерецкий: Конец века это не конец искусства

ВАРШАВА

*Редакция поздравляет всех
Читателей и Сотрудников «Новой Польши»
со светлым праздником Рождества Христова
и наступающим Новым годом — первым
годом III-го тысячелетия.*

*Пусть этот год принесет Вам мир,
благополучие и даст много поводов для радости,
в числе которых, надеемся,
будут и новые встречи с нашим журналом.*

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 12(15)

2000

ДЕКАБРЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	Тадеуш Конвицкий ФРАГМЕНТЫ ПРОЗЫ	3
	Ксения Старосельская ЗАРАЖЕННЫЙ РОССИЕЙ	3
	Тадеуш Конвицкий ПОЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС	10
	Лешек Бальцеревич ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ	19
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	21
	ВАРШАВСКИЙ СВЯЗНОЙ <i>Беседа со Збигневом Ромашевским и Александром Лавутом</i>	27
	КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ	32
	Марек Зеленовский <i>ПОДАЙ РУКУ КОЗАКОВ!</i>	34
	Александр Липатов <i>В СТРУНЫ ВЕЛИКИХ ИГРАЕТ ВОСТОК...</i>	36
	Кристина Курчаб-Редлих МАЙОР ЗАКИРОВ УЖЕ НЕ БОИТСЯ	41
	Александр Наумов ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО В ПОЛЬШЕ	44
	Эдвард Бальцежан ИЗБРАННИКИ ВЕКА	47
	Вислава Шимборская ПСАЛОМ	49
	Камила Шиманчик ПОЛЬСКИЕ ТАТАРЫ	50

ТАДЕУШ
КОНВИЦКИЙ

	Селим Хазбиевич СТИХОТВОРЕНИЯ	53
	Наталья Подольская НЕ ЗАБЫВАТЬ О КОРЧАКЕ	54
	Марек Рудницкий ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ	56
	НАШИ ЛЮДИ	
	Рената Радловска ПОЛЬСКИЙ ПАРЕНЬ И 118 С «КУРСКА»	59
	ИЗ-ПОД СПУДА	
	Нина Молева-Белютина ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ МОСКОВСКИХ ПОЛЯКОВ	65
	Анджей Наймродзкий Я – ЧЛЕН КЛУБА ДРУЗЕЙ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ	68
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	71
	ГАЗЕТНЫЙ КИОСК	
	Витольд Бересь «ГАЗЕТА ПОЛЬСКА»	76
	Ежи Садецкий КРАКОВ ВЗЯТ ПОЭТАМИ	78
	Лешек Шаруга ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	81
	Кшиштоф Пендерецкий КОНЕЦ ВЕКА – ЭТО НЕ КОНЕЦ ИСКУССТВА	84
	КАК БЫТЬ МУЗОЙ КОМПОЗИТОРА <i>Интервью с Эльзбетой Пендерецкой</i>	86

Переводчики: Н.Астафьева, А.Базилевский, А.Бондарев, В.Британишский, Н.Горбаневская, Я.Горбаневский, О.Дешю, К.Старосельская, С.Тонконогова, С.Филипчак, Е.Шиманская.

Фото ©: Fotoarchiwum Muzeum Literatary (стр. 3), E.Ciolek (стр. 19), Fotoarchiwum Ośrodek «Karta» (стр. 27, 29, 32), T.Boit (стр. 50, 51, 52), J.Mielnikiewicz (стр. 72, 73), East News (стр. 80).

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
телефоны: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ: Издательство МИК, М-ва, ул. Большая Переяславская, д.5, кв.49
Тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

Тадеуш Конвицкий

**Перевод
Ксении Старосельской**

ИЗ ДВУХ КНИГ

«Памфлет на самого себя» (1995)

Я думаю о зараженных Россией. Фамилий называть не стану — это можно неправильно понять. Есть в Польше категория людей, которые соприкоснулись с Россией. Разумеется, я не говорю об агентах и ренегатах, каких развелось без счета во времена гегемонии Советского Союза. И оставляю без внимания патологический инстинкт лакейства, заискивания перед чужой силой, этого нашего мазохистского свойства, ставшего причиной гибели польской государственности.

Я имею в виду тех людей — преимущественно интеллектуалов, — которые, чаще всего в молодости, попадали в среду русской интеллигенции, увлеченной философией, общественной деятельностью или искусством. Человек в свои юные годы — период наибольшей восприимчивости — оказывался под завораживающим, истерическим, мощным влиянием склонной к анархии российской духовности.

Что в ней есть такого, что нас ослепляет и восхищает? Психологи и социологи, конечно, могли бы найти ответ, если б пожела-ли задуматься над этим явлением, скрывшимся за темной завесой после революции в результате возникновения государства большевиков. Ведь русофилы, бежавшие после 1918 года к себе в свободную Польшу, уехали не от России, а от революции. Их антисоветскость часто принимали за антироссийскость. А самих даже почитали образцовыми патриотами: ведь из Петербурга и Москвы они кинулись на родину.

Чем завораживает Россия бедных «привислинцев»? Не знаю. Возможно, масштабами гигантского континента. (Я где-то читал, что один свежее испеченный губернатор добирался до своей губернии полтора года и, не доехав, в дороге умер.) Возможно, сочетанием азиатского, византийского и европейского типов мышления. Возможно, экстремальностью реакций на добро и зло. Возможно, красивой манихейской фальшью, которой пропитано все российское искусство, а не только творчество Достоевского.

Зараженные Россией играли в нашей интеллектуальной жизни положительную роль. У них были открыты глаза, их взгляд не был замутнен провинциальным национализмом. Они никогда не забывали, что у нас в стране есть восточные или почти восточные национальные меньшинства. Они выступали против косной реакционности. Правда, на наши местные проблемы они взирали как бы с высоты кремлевской башни.

Ксения Старосельская ЗАРАЖЕННЫЙ РОССИЕЙ

Тадеуш Конвицкий. Писатель, кинорежиссер, сценарист. Блестящий, парадоксальный, язвительный и лирический, загадочный и пронзительно ясный. Читая Конвицкого, не устаешь восхищаться его нетускнеющим мастерством и безграничной изобретательностью. Называемый «писателем одной темы», автором, чьи романы «так или иначе связаны с его собственной биографией», он в этой своей монотематичности необыкновенно разнообразен и не перестает удивлять читателя. Которого он, автор, любит, но над которым непрочь и подшутить, догадливость и умственные способности которого он подчас исподтишка подвергает провер-

ке. Кажется, он с интересом следит за всяким, кто берется за его книги, сам оставаясь незамеченным или неузнанным — точь в точь как в кадрах снятого по его роману Анджеем Вайдой фильма «Хроника любовных происшествий», где Конвицкий играет самого себя, всевидящего и всезнающего, присутствующего одновременно «там и тогда» и «здесь и сейчас». И читатель охотно включается в предложенную ему игру, перескакивает, следуя за автором, из одного пласта действительности в другой, не совпадающий с предыдущим по времени, и картина в результате открывается объемная, живая, яркая. Конвицкий — один из лучших современных писателей Польши; очень польский писатель, он при этом очень близок русскому читателю, очень тесно связан с русской культурой. К счастью, в России его знают — хуже, чем он того заслуживает, но все же лучше, чем некоторых других, не менее достойных его собратьев по перу.

Тадеуш Конвицкий — часть моей переводческой биографии. Впервые он «заговорил» со мной по-русски. В 1966 году — я только недавно научилась читать по-польски и делала робкие попытки переводить небольшие рассказы — в московском издательстве вышел «Современный сонник». Я, можно сказать, присутствовала при его создании: это была последняя, опубликованная за четыре месяца до смерти работа моей тети и учительницы Юлии Мирской, замечательного человека и великодушного переводчика, хорошо известной и любимой в Польше, на своей родине (она и ее сестра, моя мама, родились в Лодзи, откуда семью заставила уехать в Москву I Мировая война). Прочитав «Сонник» на русском языке, я перечитала его по-польски. И с тех пор не пропускала уже ни одной книги Конвицкого, а потом сама стала его переводить. Но это случилось уже много позже. Долгое время Конвицкий в СССР был *persona non grata*: во второй половине 60-х он вместе с другими польскими литераторами попал в «черный» список, около двадцати последующих лет не только не сокращав-

Кто знает, не обусловлено ли наше восхищение Россией тем, что по сути мы очень похожи на них, а они на нас. Что наши грехи в них вырастают стократ, а их высокие достоинства в нас странным образом мельчают.

Однако же эта духовная близость может оказаться для нас роковой. И не спустя столетия, а в не слишком отдаленном будущем. Мы исторгли из себя советскую Россию, чтобы припасть к России мессианской и загадочной.

Я тоже заражен Россией, то есть трагическим, сакрализованным злом.

«Восходы и закаты луны»

(Самиздатский журнал «Запис», №21, 1982)

Впервые столкнувшись с русской литературой, я вошел в ее здание точно в огромный чудесный зимний сад, знакомый мне с детства... нет, еще раньше. И сразу почувствовал: это мое. Пафос и язвительность этой литературы, ее грубость и невероятная утонченность, святость и кощунственный цинизм, божественность и хамский анархизм, поэтичность и суровая простота, ее бесстыдная фальшь и глубочайшая, беспредельная искренность, ее препротивная дидактика и поразительная многозначность, ее приторное мессианство и юмор, равно которому нет на свете, — для всего этого, для всех этих противоречий, сумасбродств, погрешностей против хорошего вкуса, красоты, разума, для всего этого, повторяю, в моей анемичной душе имелись какие-то уже готовые матрицы, непроявленные негативы; сидела во мне какая-то проклятая предрасположенность к принятию этого дявольского наследства-не наследства, бакшиша-не бакшиша, цукуты-не цукуты.

Я — мерзкий гибрид на пограничье двух миров. На рубеже польскости и российскости. Во мне щелкает бойкими костяшками практичный разум римско-католического поляка и гуляет степной сквозняк православия. Утром я барабаню на клавишках Иоганна-Себастьяна Баха, а вечером пьяный валяюсь в канаве. Вчера баловался силлаботоническим стихосложением, а завтра вспорю вам живот и кишками украшу памятник Костюшко. Я — выродок, балансирующий на стыке двух галактик, на той самой пограничной звезде, что горит бело и кроваво и вот-вот исторгнет пламя, сплавляя края этих галактик. Объединяя их. В единое целое.

Да, мы часто думаем о России. Россия и теперь, как в былые времена, занимает большое место в нашей жизни, точнее, в наших сердцах, умах, а также печенках. Но Россия о нас думает не часто. Вспоминает изредка с красным блеском злобы в прозрачном глазу старой чекистки. Россия держит за глотку сорок четыре народа. Ей некогда думать о каждом из них.

Да, я люблю коварную Азию в России, но ужасно тоскую по разумной Европе в России. Я падаю ниц перед Достоевским, но

мечтаю о новом Чаадаеве или Амальрике. Я склоняю голову перед Солженицыным со всеми его холщевыми рубахами и портками, но сердце мое отдано Мандельштаму, хоть мы и не одной крови. Я преклоняюсь перед русским мужиком-богоносцем, но мне хотелось бы где-нибудь на прогулке повстречать Михаила Лунина, такого русского и такого нерусского декабриста.

Да, я каждый день читаю все, что говорят о России и что рассказывают о Польше, что рассказывают о моей России и говорят о моей Польше. Прекрасная, возвышенная Россия предстает мелкой и ничтожной в сравнении с Польшей, мелкая и ничтожная Польша выглядит прекрасной и возвышенной рядом с Россией. Это какое-то перетягивание каната, постромок судьбы или веревки висельника между Вартой и Волгой. Поверх головы Белоруссии, над макушкой Украины. То мы их, то они нас. С помощью Белоруссии, при содействии Украины. Через Белоруссию полонизировать, через Украину русифицировать. Почему? Зачем?

*

Из всех литератур наиболее мне близка русская. Не считая польской, конечно. Русской литературой я пропитан от плечи на темени до пят. Она звучит во мне, бормочет, гудит, как ветер в трубе. Когда по телевизору показывают никудышный советский фильм на производственную тему, я запросто просиживаю перед экраном битых два часа, а салонная французская драма со всякими там диорами, стриптизами и сартровской меланхолией надоедает мне уже через пятнадцать минут.

Половину времени, которое я уделяю чтению, занимает Россия. И такой интерес мне не обстоятельства навязали, хотя и они играют свою роль. Для меня притягательность России — в широте пространства, заключенного между полюсами великого зла и беспредельного добра. Россия — это почти целый мир. Мир человеческой боли, греха, беды. Мир человеческой порядочности, духовного родства и сентиментальной надежды.

Одна полька преклонных лет, которая родилась и провела детство и юность в Петербурге, говоря о нравах тогдашнего общества, едва ли не с гордостью добавляет: у нас дома из русских бывал только почтальон. А Антоний Слонимский* рассказывал мне, что, когда его дядя, полковник царской армии, собирался навестить свояченицу, то есть маму Антония, он вначале заходил к дворнику, дабы убедиться, что доктора Слонимского нет дома, и лишь тогда, крадучись, по черной лестнице, поднимался наверх.

Русские тоже брезговали всем польским. Достаточно почитать Достоевского; полонофобия писателя, возможно, подогревалась его якобы польским происхождением. Не дай бог, если поляк отречется от своей нации. Более качественного ренегата днем с огнем не сыскать.

* А.Слонимский (1895-1976) — поэт и фельетонист, один из основателей поэтической группы "Скамандр" (1919), в межвоенное двадцатилетие объединившей вокруг себя польскую литературную интеллигенцию.

щийся, но постоянно расширявшийся, в частности благодаря усердному «сотрудничеству» с нашими идеологами и цензорами польских чиновников от культуры, да и кое-каких писателей, ретиво служивших режиму. Внесение в этот список Конвицкого было более чем оправдано: он позволил себе роскошь инакомыслия и не пожелал это скрывать. Вышел из партии (1966 год). Вместе с другими деятелями культуры подписывал письма протеста. Выступил в защиту взбунтовавшейся молодежи в марте 68-го и против «дружественной агрессии» в Чехословакию в августе. Писал что хотел (в том числе «пак-вили» на коммунистического соседа — «Польский комплекс» — и на собственные власти — «Малый апокалипсис») и издавался в «самиздате». В результате Конвицкий выпал из круга чтения русского книголюбца. Не лучше обстояло дело и с его фильмами. В прокате их не было, однако время от времени они все же просачивались на экраны. В 60-70-е годы киноманы бегали в «Иллюзион» и на ночные сеансы в кино клубы, где тайно крутили добытую ненадолго копию того или иного фильма. Так многим счастливицам удалось посмотреть «Последний день лета», «День поминовения», «Сальто» со Збигневом Цибульским, «Как далеко отсюда, как близко» с Густавом Холубеком. И только в 89-м киноверсия «Дзядов» Мицкевича «Лав» была допущена на Московский кинофестиваль, где получила главный приз; на широкий экран она, впрочем, не вышла.

Доступ к прозе Конвицкого открылся в России с перестройкой.* Первой ласточкой стал «Малый апокалипсис», опубликованный в журнале «Искусство кино» осенью 1991-го в переводе Андрея Ермонского; за ним последовала «Бохинь» — эту повесть я перевела в 1991 году для журнала «Дружба народов». Хорошо помню день, когда я закончила читать корректуру: было это 21 августа — утром мы узнали, что в нашей стране произошел путч. По дороге к Белому дому, куда — «на защиту свободы и демократии» — устремились тысячи москвичей, я заеха-

ла на Поварскую в редакцию. «Неужели опоздали, неужели все кончено?» — спросила я, отдавая корректуру, у тогдашнего заведомо прозы, критика и литературоведа Александра Архангельского. Ответом были оказавшиеся пророческими слова: «Чепуха, через три дня от „этих“ следа не останется, обратно нас не повернуть».

Первые годы перестройки открыли перед нами, переводчиками, ошеломительную, долгожданную возможность: теперь ничто не мешало печатать лучшее, что есть в польской литературе. В своем вступлении к «Бохини» я тогда написала: «И вот настали новые времена. Мы наверстываем упущенное, стираем белые пятна на страницах истории, заполняем пробелы в культуре». И действительно, кое-что удалось, вернее, кое-что мы успели сделать. «Успели» — потому что благоприятные для польской словесности времена довольно быстро закончились. Польша перестала быть «окном в Европу», каковым была в унылые времена застоя. На книжные прилавки хлынула запретная прежде литература других народов мира, далеко не всегда первоклассная. Свобода пьянила издателей; кто-то спешил наверстать упущенное, заполнить поистине вопиющие пробелы, но кто-то, заботясь прежде всего о материальной выгоде, накинудся на «массовую» — раньше тоже недоступную — литературу. (Иные издатели оправдывали свои отнюдь не изысканные пристрастия тем, что они намерены, выпуская ширпотреб, заработать деньги, а затем переключиться на «высококачественный товар», однако, чаще всего до этого дело не доходило.) И польская литература оказалась вытесненной на обочину российского книжного рынка. Присутствие польских авторов на этом рынке в середине 90-х резко сократилось; правда, мои коллеги-переводчики не складывают оружия и время от времени «пробивают» замечательные книги — к сожалению, гораздо реже, чем всем нам бы того хотелось.

На этом безрадостном фоне положение Конвицкого не столь уж пло-

В XIX веке русские терпеть не могли поляков. Наша история, традиции, религия, ментальность и психологические особенности вызывали у русских искреннее отвращение. Польское всегда было тrefным. Польское распознавалось издали, за сто верст, за семью стенами и семью запорами.

И вот, наконец, во второй половине XX века смекалистая советская власть придумала, как с этой польскостью поступить. Вместо того чтобы ею гнушаться и от нее отмежевываться, лучше ее захватить и перемешать с российской субстанцией, превратить в региональное российское явление. Шлюзами в этом процессе послужили Белоруссия и Украина. В белорусских и украинских декомпрессионных камерах польскость выветривается, утрачивает свою латинскость, блекнет, теряя западный дух, и перестает быть польской. Она постепенно приобретает белорусские формы, православную окраску и начинает издавать московские звуки. И тогда — вполне уже белорусская, а фактически полурусская — может быть брошена в плавильный котел истинной российскости, промеж жерновов вся Русь, в купель нового Израиля.

Незаметно имя Станислав стало распространенным московским именем. Незаметно Сераковский, Семирадский, Томаш Зан, Аполлинарий Контский и даже Мельхиор Ванькович** обосновались в белорусском зале российского Пантеона. Ни с того, ни с сего восстание 1831 года превратилось в бунт российских просвещенных сословий, а восстание 1863 года — в буржуазную революцию либеральной российской интеллигенции с центрами в Москве и Петербурге, а также в западных губерниях; очаги этой революции попадались — констатирует добросовестный советский историк — даже в «исконной Польше». А наш танец «краковяк» вдруг оказался провинциальной разновидностью «казачка».

Кое-кто из советских журналистов, например, любит при случае с особым удовольствием сообщить, что ленинградское НКВД возглавляет генерал Костюшко. Им смешно, что вождем ленинского комсомола в Рязани является некий товарищ Пилсудский, а на плоту с Хейердалом плавает Сенкевич. А также кажется забавным, что один из аферистов, проходящих по так называемому «рыбному делу», — А. Мицкевич.

Я твердо убежден, что где-то в Мордовии живет и что-то там сочиняет местный литератор Тадеуш Конвицкий; как раз сейчас он трудится над книгой, для которой уже придумал название: «Последний листок календаря». И в один прекрасный день он заме-

** Зигмунт Сераковский (1826-1863) — рев. демократ, офицер царской армии, казнен за участие в польском национально-освободительном восстании 1863 г.; Генрик Семирадский (1843-1902) — художник; Томаш Зан (1796-1855) — поэт, друг Мицкевича, в 1824 г. за участие в польских патриотических организациях в Вильно сослан на Урал, после освобождения служил библиотекарем в Петербурге; Аполлинарий Контский (1825-1879) — скрипач, придворный музыкант в Петербурге; Мельхиор Ванькович (1892-1974) — писатель, публицист, род. в Белоруссии.

нит меня на моем посту польского литератора, будто отработавшего свою смену водителя такси. Возможно, мудрая, хоть и изрядно уже помятая большевиками Россия, вдруг возьмет да поменит измученную, вялую, плесневеющую Польшу новой Польшей — свежей, бодрой, не один год заботливо пестуемой где-то в глубине этого удивительного континента, отечества истинного греха и поддельной святости.

У меня нет друзей среди русских, но и среди поляков немного. Так что я не напишу рифмованной апострофы ни к друзьям-москалям, ни к друзьям-полячишкам. А ведь я мог бы стать русским. Если бы не уехал из Вильно. Если бы там остался и через чистилище Белоруссии вознесся в российский рай. И писал бы теперь на языке Пушкина и Гоголя о прелестях колхозной жизни.

Мое первое путешествие в Россию зимой 52/53 года было ужасным. Снежные завалы еще не европеизированной совдепии, разгар сталинизма, канун дела врачей... Мы ехали то ли с севера на юг, то ли с юга на север в литературной кибитке, под неусыпным присмотром охранников в мундирах писателей. (...)

Раньше я знал только окраину страны, ее дальний угол. А теперь увидел Россию во всей ее бескрайности, как бесконечную прямую. И меня восхитили ее размеры, масштаб, вместительность. И люди с их судьбами, с их великолепной нищетой и жалким величием. Нет, неверно — с их величием, от которого дух захватывает, и поистине безмерным ничтожеством. Мне то и дело становилось обидно: ну почему мы такие практичные, предусмотрительные, благоразумные, логичные, прилично живущие, европейские? Я завидовал безумию русских, их жестокому Богу и лагерям.

Но ведь у нас тоже мозги набекрень. Многовековое соседство не прошло для нас даром. Нет уже европейской Польши Пястов, которая, вероятно, мало чем отличалась от Саксонии или Моравии. Нынешняя Польша — вместилище недостатков, пороков и увечий, заимствованных у братьев из Великого Княжества Литовского и Малороссии. Нынешняя Польша — это пирамида грехов и легкомыслия аристократии и шляхты с наших восточных окраин. Нынешняя Польша — это не Польша. Это нечто совсем иное, только именующееся Польшей. Но мы любим это «нечто», мы к нему привязаны и готовы биться за него до последней капли крови.

*

Вспоминается еще один визит в Москву. Я был приглашен на симпозиум сценаристов; в качестве охранной грамоты привез с собой свой фильм «Как далеко отсюда, как близко». Принимали меня вежливо, но прохладно. Показ моего творения устроили в восемь утра для узкого круга из двадцати человек. Но там ко мне бочком, незаметно подошел какой-то молодой человек и пригласил на встречу в заводской кино клуб.

Я поддался искушению. На завод мы поехали на такси. В большом зале толпа людей. Неофициальный кино клуб. Нелегальное

хо. За журнальными публикациями последовал однотомник (1995), в который, кроме «Бохини» и «Малого апокалипсиса», вошла еще «Хроника любовных происшествий» (перевод М.Игнатова). Потом были еще две публикации. Для серии «Школьный роман-газета» у меня взяли долго пролежавший в столе «Зверечеловекоморок» — одну из самых удивительных книг Конвицкого, в которой автор, насмешник и любитель задавать загадки, повернулся неожиданной стороной, открыв свою нежную душу. Еще один роман — «Чтиво» — я предложила журналу «Иностранная литература», где он и был напечатан в 1996 году. Роман этот идеально подошел для рубрики «Литературный гид» с подзаголовком «КИЧ, или К Интеллектуальному Чтиву». В этом Литгиде «Чтиво» соседствует с «Макулатурой» американца Чарльза Буковски и двумя статьями: Алексея Михеева «Мак-Культура» и Петра Вайля «Похвальное слово штампу, или Родная кровь» (о фильме Квентина Тарантино «Pulp Fiction»).

Пока знакомство российского читателя с Конвицким-прозаиком этим ограничилось. Будем надеяться, что временно. Буквально в последние месяцы стали заметны новые тенденции нашего книжного рынка: «серьезная» литература понемножку начинает теснить литературу развлекательную, в ряды переводной англоязычной классики там и сям встречаются переводы со славянских языков. Как-то разом несколько издательств заинтересовались знаменитыми поляками — Гомбровичем, Виткевичем, Мрожеком, Милошем. Очень хочется верить, что вскоре рядом появится имя Конвицкого. И не только как автора романов — должен, наконец, прийти черед его книг, жанр которых трудно определить точно: автобиографическая эссеистика? воспоминания? размышления?.. Пока же я хочу предложить читателям «Новой Польши» несколько фрагментов двух таких книг — в подтверждение слов, вынесенных в заголовок.

общество любителей кино. Старики, молодежь, рабочие, университетские профессора, красивые женщины, энергичные мужчины. Какую занять позицию? Выступить в роли покорного слуги зрителей или высокомерного интеллектуала с прекрасного Запада? Назойливо подчеркивать свою скромность или хвастаться творческой свободой и какой-то там наградой, подцепленной в Пернамбуко? Разговаривать как равный с равными или снисходительно похлопывать по плечу?

«О чем мы будем говорить?» — спрашиваю тихонько своего гида. — О ваших фильмах, — отвечает молодой человек в яркой рубашке. — «Да вы же мой последний фильм не видели». — Видели, я четыре раза смотрел. — «Не может такого быть, — говорю, — в прошлый раз фильм всего четыре часа пробыл в посольстве. Посол, некий товарищ Новак, посмотрев его, приказал немедленно отвезти в аэропорт». — Но по дороге, — усмехается мой покровитель, — по дороге мы организовали для себя сеанс.

Ну и начался разговор — я аж вспотел от волнения. Это была самая интересная дискуссия о современном кино, в какой мне когда-либо доводилось участвовать. Публика в корне отличалась от той, которая в былые времена была окна в кинотеатрах, чтобы попасть на любую польскую халтуру. Передо мной был блестящий, образованный, остроумный, прекрасно разбирающийся в искусстве, требовательный зритель высокого европейского класса. Он вовсе не спешил восторгаться фильмом только потому, что фильм был польский. Какое там — собравшиеся в зале измывались над нашими классиками, без труда распознавали блеф, дешевку, мошенничество, конъюнктуру и желание добиться успеха любой ценой. Не скажу, что мне было неприятно присутствовать при этой вивисекции нашего киноискусства. Правда, я дрожал от страха, что сейчас примутся за меня и сотрут в порошок, но вместе с тем ощущал какую-то странную бодрящую радость от того, что есть еще на свете люди с неразмягченными мозгами, незатертыми суждениями, невылинявшими вкусами и нерастерянными критериями. Опасаясь за свою голову, я одновременно наслаждался общением с людьми, отмеченными печатью возвышенности — в гомбровичевском смысле, той возвышенности, которой я на старости лет, утопая в океане низменности, начинаю бить поклоны. Бью поклоны я, разумеется, так, как это может делать человек тонущий. А вообще, отцепитесь от моей стилистики — я добиваюсь функциональности, логичности и эмоциональной выразительности. Такая стилистика сейчас ко двору, такой требуют массы. Массы моих недалеких почитателей.

Итак, я мечтал, чтобы вечер, на который я попал по своему легкомыслию, поскорей закончился. А он все тянулся и тянулся и затянулся далеко полночь. Меня препарировали как на секционном столе. Каждую косточку отдельно, каждое сухожилие отдельно. Припомнили все, что я когда-либо где-либо сказал или написал о кино как об искусстве. Пару раз надо мной сгущались тучи, казалось, что я вот-вот получу оплеуху или пинок под зад, но всякий раз напряжение, вроде бы отрицательное, разряжалось простейшим катарсисом, ибо в первую очередь моих собеседников интересовало искусство кино, принципиальная трактовка гуманистических ценностей и не меньше моего им хотелось простых радостей общения с живым, авторским, умным кинематографом.

И внезапно я понял, что в этом довольно-таки неприглядном зале сидят мои сестры и братья. Что благодаря именно таким людям я еще не повесился, тоскуя на морском пляже или мерзкой гнилой зимой, что благодаря этим русским, а может, грузинам или узбекам, я еще пишу книги и время от времени хватаюсь за кинокамеру. Неизвестно зачем.

«Памфлет на самого себя» [2]

Встреча российских и польских литераторов в старинной усадьбе под Варшавой***. Российские коллеги впервые слышат правду о том, какой видится их страна Польше и Западу. И хотя у себя на родине они диссиденты, но привыкли думать, что советские люди — любимцы всего мира. Государст-

*** С российской стороны в этой встрече (1990 г.) участвовали С.Аверинцев, В.Ерофеев, Н.Иванова, Ф.Искандер, Ю.Мориц, Е.Попов, А.Приставкин, В.Пьецух, К.Старосельская, О.Чухонцев; с польской — Я.Бохенский, В.Ворошильский, А.Дравич, З.Жакевич, Т.Конвицкий, И.Левандовская, Р.Маршалек, священник Я.Пасерб, А.Поморский, М.Ягелло, М.Янион.

ва-сателлиты так долго курили фимиам всему российскому, что даже у этих умных и порядочных людей в головах кое-что сместилось. Ну и в лагере наших московских коллег мы наблюдаем некоторую растерянность. Неприятную ситуацию нужно как-то разрядить. То есть вечером, в неофициальной обстановке, выпить огненной воды.

Это время я беру на себя. Мне такое по силам. Усаживаюсь с друзьями-москалями за стол. Открываем одну бутылку, вторую, третью.

А потом я вижу, что ничего не вижу. Тьма и клиническая смерть.

Наутро просыпаюсь, в тревоге осматриваюсь. Все в порядке. Костюм висит в шкафу, башмаки чинно стоят возле кровати, а я лежу, аккуратно прикрытый одеяльцем.

Усердно привожу себя в чувство и постепенно возвращаюсь к жизни. Спускаюсь к завтраку. Подсаживаюсь к своим слабакам соплеменникам.

— Задал я русским жару, а? Но потом пленка оборвалась, — бросаю небрежно.

— Да. Ты свалился со стула, и наши гости отнесли тебя в твою комнату, уложили в постель, а потом вернулись и только тут начали пить.

«Восходы и закаты луны» [3]

Ex oriente lux. Дорогие братья россияне. Не буду распинаться в том, как я вас уважаю и люблю, как вами восхищаюсь. Это и так по мне видно. По тому, как я думаю, как чувствую, как пишу.

Милые мои братики. Пора, самое время, последний звонок. Надо европеизироваться, то есть очеловечиваться. Надо очеловечиваться, то есть избавляться от животных свойств. Избавляться от животных свойств, то есть уважать законы, данные Богом. Конец двадцатого века. Летайте в космос. Заглядывайте в глаза Господу Богу.

Нельзя хныкать, жаловаться и клянчить помощи у цивилизованного мира. В семнадцатом году грузины, латыши, евреи и поляки — все ваши невольники — устроили вам революцию, избавили от тирании царя. Следующую революцию вы должны совершить сами и одним прыжком догнать цивилизованное человечество. Дорогие наши близнецы, потерянные на византийском кладбище, на кургане Чингисхана.

Еще раз затянутое дымкой солнце восходит на востоке. Еще раз. Но, возможно, уже последний. Ex oriente lux.

Как скверно это написано. Без экспрессии, непродуманно, топорно. Правильная апострофа в правильной форме. Так часто бывает. И никого мой призыв не убедит. Даже меня самого.

А я часто думаю о русских, о России. Гораздо чаще, чем русские думают о нас — если вообще думают, если не ограничиваются инстинктивным раздражением или досадой.

Формирование моей личности — если можно так сказать — связано с польско-российскими отношениями, с их проблемами. Россия меня интригует, поражает, восхищает. Россия притягивает меня и затягивает в какую-то пучину обид, восторгов, неприязни и стихийных симпатий.

Про наши общие проблемы — было бы желание! — можно написать целые тома. А я попытался в нескольких фразах. Злобно, во внезапном порыве гнева. Потому и не вышло. Потому косноязычно. Потому кое-как.

О Россия — милая и грозная. Россия богоносцев и азефов. Россия — в сермяжной рубахе до колен, бредущая с Божьей миссией на Запад, и Россия, летающая в космосе с атомной бомбой. Россия, Россия...

Тадеуш Конвицкий

ПОЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС

«Пристрастно» цитируя Конвицкого, просто невозможно обойтись без «Польского комплекса», в котором русская нота звучит, пожалуй, громче, чем в других его романах. Впервые «Комплекс» вышел в 1977 г. в «Записе» — подпольном журнале, «посвященном проблемам интеллектуальной и художественной свободы во всем мире и публикующем произведения писателей, преследуемых цензурой в своих странах»; о публикации в государственном издательстве тогда нечего было и думать, ведь речь шла о польских комплексах, рожденных почти двухсотлетним тесным общением с Россией. Герой книги проводит канун Рождества в пестрой компании своих соотечественников, нетерпеливо ожидающих, когда на прилавок ювелирного магазина, где торгуют в основном советскими изделиями, «выбросят» золотишко. Комическая ситуация, гротескные персонажи, карикатурная действительность — и тут же, рядом, авторские отступления, и среди них две самостоятельные новеллы, герои которых — реальные исторические личности, а действие происходит во время антирусского восстания 1863 года. В первой новелле — едва ли не самом сильном образце прозы Конвицкого (представить который не позволяют тесные журнальные рамки) — описан трагический эпизод короткой жизни юного повстанца Зигмунта Минейко; во второй — октябрьская ночь 1863 года, проведенная одним из повстанческих вождей Ромуальдом Траугутом в небольшом городке на пути в Варшаву, где ему предстоит взять на себя тяжкое и почетное бремя диктатора восстания.

К.С.

Так могло быть: Траугут не спеша спускался по ажурным ступенькам вагона. Не глядя по сторонам, наметанным глазом конспиратора успел заметить, что перрон почти пуст. Возле паровоза стоял начальник станции и о чем-то расспрашивал машиниста. В дверях вокзала, рядом с медным колоколом, сонно покачивался огромный бородатый швейцар. Вдоль поезда неторопливо шагал жандармский патруль: молодой щеголеватый офицер в голубом мундире и два унтер-офицера. Они уже видели Траугута. И он их видел, хотя был занят — проверял свои старенькие карманные часы по станционным.

Поставив саквояж на гравий перрона, он лениво огляделся в поисках носильщика. Несколько их стояло за зеленым заборчиком, отделявшим вокзальную территорию от обсаженной молодыми липами улицы. Но ни один не спешил на помощь одинокому путешественнику. Они тоже ждали.

Траугут аккуратно спрятал часы в жилетный карманчик. И тут патруль остановился в двух шагах от него. Офицер вежливо козырнул, фельдфебели красными от холода руками придерживали длинные сабли в кожаных ножнах.

— Можно попросить ваш паспорт? — сказал офицер.

— Конечно, пожалуйста, — Траугут протянул сложенный вчетверо большой лист бумаги.

Жандарм внимательно читал документ, со сдержанным любопытством поглядывая на приезжего. Вокзальный швейцар ударил в колокол и крикнул что-то по-русски с волжским акцентом.

— Фамилия? — спросил офицер, не отрывая глаз от бумаги.

— Чарнецкий.

— Так. А имя?

— Михал.

— Купец? По делам?

— Да, по делу. На один день.

— Остановитесь, я полагаю, в «Европейской»?

— Если получу номер.

— Надеюсь, получите. Желаю приятно провести время, — снова козырнув, офицер вернул документ.

Тогда только подбежал носильщик в большом дерюжном фартуке. Наверняка старовер, плечистый, заросший до глаз бородой, хмуро улыбающийся мужик.

— Есть у вас тут дрожки? — по-польски спросил Траугут.

— Сколько угодно, — по-русски пробасил носильщик. — Дрожек у нас сколько хошь, ваша милость.

— Тогда веди.

Они пошли к выходу, провожаемые незаметным взглядом жандармского офицера. В золотистом воздухе летали спутанные паутинки. Траугут приостановился и посмотрел на затянутое дымкой небо — небо, которого он уже много месяцев не видел.

Резво подъехала пролетка. Носильщик поставил саквояж в ноги молодому еще извозчику. Траугут торопливо протер концом шарфа запотевшие очки, сел в шаткий экипаж. Извозчик на секунду обернулся и пристально посмотрел ему в глаза. Но Траугут не послал извозчику ответного взгляда, хотя сразу заметил у него на спине пришитый вверх ногами порядковый номер, что в некоторых губерниях было знаком принадлежности к тайной организации.

— В «Европейскую», — сказал он, глядя в глубь извилистой улицы, вымощенной красноватым булыжником.

— Я город хорошо знаю, — извозчик хлестнул вожжами по гладким бокам вороной лошади. — Если чего помочь...

— Спасибо. Я сюда на один день.

Извозчик снова обернулся, на этот раз с испытующей улыбкой.

— Может, с весьма красивыми дамами желаете познакомиться? Я знаю адреса. Тут можно неплохо поразвлечься. Из Лодзи, даже из самой Варшавы приезжают купцы и офицеры.

Траугут избегал его взгляда. Сощурил глаза под очками, потому что из глубины улицы налетел ледяной ветер, гоня перед собой облако кровавых листьев.

— У меня времени нет, дружок. Как-нибудь в другой раз.

Извозчик отстал. Занялся ленивой лошадей, которая, задрав хвост, принялась сыпать зеленовато-коричневыми яблоками. Город притаился, насторожась, в последних лучах предзакатного осеннего солнца. Прохожие торопливо шагали, не кланяясь друг другу, городовые на перекрестках терли закочевшие руки, только в окнах можно было разглядеть прячущиеся за занавесками лица людей, которые ждали — много месяцев ждали с отчаянием и надеждой.

Внезапно улица оживилась. По мостовой скакал на коне офицер с саблей наголо.

— Разойдись! Разойдись! — пронзительно кричал он.

Извозчик мигмом съехал в канаву и остановил лошадь. Мимо с шумом промчалась вооруженная кавалькада: полсотни казаков, окруживших открытый экипаж, в котором на черном стеганом сиденье

Рис. Piotr (Długi) Gidlewski

развалился генерал в орденах, а рядом с ним — словно аршин проглотил — сидел молодой офицер, видимо, адъютант.

— Губернатор, — сообщил извозчик. Потом осторожно добавил: — Суров.

— Да, вижу, — равнодушно произнес Траугут.

Опять стало тихо. Из подворотен высыпали попрытавшие там люди. Где-то во дворе завел свою протяжную песню, расхваливая товар, лоточник. Северный ветер дул все сильнее. Траугут решил поднять синий бархатный воротник пальто.

Пролетка снова остановилась. Извозчик показал кнутовищем на смутно виднеющийся сквер над рекой, где в предвечернем свете маячили три высоких надломленных столба.

— Губернатор у нас суров, — повторил он.

Теперь только Траугут разглядел под столбами три темных, закручиваемых ветром мешка. Это были виселицы. Три виселицы будто три креста.

— Ну, приехали, — сказал извозчик.

Траугут очнулся.

— Сколько с меня?

— Сколько не жалко, сударь.

Входя в гостиницу, он еще увидел, что извозчик не уезжает, а смотрит ему вслед, словно ждет чего-то. Потом к пролетке подошел человек в фуражке, с минуту они с извозчиком о чем-то поговорили, наконец тот, в фуражке, вскочил на подножку, и пролетка на рысях двинулась обратно на вокзал.

— Шпик или из повстанцев? — сам себя спросил Траугут.

В вестибюле гостиницы сновали туда-сюда офицеры в походном обмундировании. Одни бегом поднимались по лестнице в номера или, одетые, сбегали вниз, другие присаживались на краешек вытертых кожаных кресел, словно — по обычаю — перед дальней дорогой. Невысокий лысый бородач за стойкой вопросительно посмотрел на Траугута.

— Мне нужна хорошая комната на одну ночь.

Лысый бородач снисходительно усмехнулся.

— Самые лучшие номера разобрали господа офицеры. Тоже на одну ночь.

Траугут зашелестел радужным бумажным рублем.

— Надеюсь, голубчик, ты меня не подведешь. Я уже назначил здесь встречу, дело деликатное, сам понимаешь.

— Я все понимаю, — ответил лысый, пряча рубль в рукав. — Может, и найдется для вашей милости кое-что подходящее. Только попрошу паспорт, по нынешним временам без паспорта никак нельзя, — и подмигнул клиенту двусмысленно, но при этом весело.

Порылся в книге, почему-то удивленно вскинув кустистые брови, снова улыбнулся еще двусмысленнее, шелкнул пальцами и, наконец, протянул ключ, утяжеленный дубовой грушей.

— Насчет дамы доложить или сразу впускать? — спросил, понизив голос.

— Впускай сразу — жалко время терять.

— Что верно, то верно, — загоготал бородач. — Время сейчас такое — каждая минута дорога. Винцентий, возьми у его милости багаж.

Седой слуга молча окинул Траугута неприязненным взглядом, взял саквояж и, ни слова не сказав, стал подниматься на второй этаж.

Молча открыл дверь номера, молча взял чаевые и молча направился к выходу, но Траугут жестом остановил его на пороге.

— Шампанское у вас хорошее?

Винцентий пожал плечами.

— Хорошее. Такое же как везде.

— Отчего ты такой нелюбезный?

— А с чего любезным быть? Сами должны понимать.

— Что понимать, голубчик?

— Что гоже, а что негоже.

Траугут на минуту задумался, стоя с пальто в руках. В водосточной трубе за стеной вдруг взвыл ветер, голое дерево наклонилось и заглянуло в окно.

— Ну ладно. Вели поставить бутылку шампанского на лед, если у вас есть лед.

— Есть, почему нет, — буркнул Винцентий и вышел, закрыв дверь чуть громче, чем следовало бы.

Траугут подошел к большому зеркалу, стоящему в углу. В мутном почерневшем стекле увидел свое отражение: невысокий худой мужчина в очках в проволочной оправе. Вздохнул словно бы разочарованно и пригладил темные волосы над торчащими ушами. Ветер рванул окно, тихонько задребезжали скверно укрепленные стекла. В соседней комнате кто-то ходил большими шагами по скрипучему полу.

Траугут подошел к окну, отодвинул грязную липкую занавеску и вздрогнул, как давеча, в пролетке. Поверх хилого голого дерева он увидел тот же сквер, полосу реки и белые столбы виселиц. Лысый расстарался, дал хорошую комнату с фасада.

Траугут плотно задернул занавеску и выглянул в коридор.

— Винцентий!

— Чего? — отозвался простуженный голос снизу.

— Принеси огня.

В соседнем номере разговаривали несколько мужчин. Траугут с минуту прислушивался к их невнятным голосам, прежде чем распознал, что это русские. Невольно подошел к окну и еще раз осторожно отдернул занавеску. На улице темнело. Деревья, терзаемые ураганным осенним ветром, в истерике били поклоны, черные редкие тучи летели на юг как огромные хищные птицы. Но виселицы уже поглотила тьма. Сквер таял во мраке, видны были только очертания клумб с засохшими цветами прежневременной осени.

Скрипнула дверь. Винцентий внес два луженых подсвечника, на которых металась робкие огоньки. Поставил один подсвечник на стол, второй — на шаткую этажерку, припорошенную пылью. Вышел и снова вернулся с мокрым ведерком, из которого торчало горлышко зеленоватой бутылки.

— Что у вас на ужин? — спросил Траугут.

— А что пожелаете? Можно телячьи отбивные.

— Давай.

Винцентий остановился у двери, протяжно вздохнул.

— Хочешь что-то сказать?

— Нет. Ничего.

Еще раз вздохнул и вышел из комнаты, а огоньки встрепенулись, потревоженные невидимым сквозняком. Траугут достал часы, глянул на циферблат, потом попробовал ключиком завести механизм, но оказалось, что часы заведены до упора. Тогда он спрятал их и подошел к саквяжу. Открыл его, вынул флакон с большой стеклянной пробкой, плеснул на ладонь немного прозрачной жидкости, натер шею, виски, руки. Хотел подойти к зеркалу, но передумал, махнув рукой, и заодно понюхал эту сильно пахнущую руку. У соседей зазвенела посуда. Там тоже готовились к ужину.

Потом он сел на кровать, застеленную вылинявшим покрывалом, и стал ждать. Перемогал бесконечно длинные секунды и минуты. За стеной забренчали струны гитары. Какая-то муха, не успевшая помереть при первых заморозках, нудно жужжала под потолком с почерневшей гипсовой лепниной. Траугут вставал, будто собравшись спешно куда-то идти, но тут же снова садился, потирая костлявые руки. Время тянулось немилосердно.

Наконец он услышал тихий стук. Вскочил, одним резким движением распахнул дверь. Она стояла в темноте, но он сразу узнал эти зеленоватые, сверкающие, будто кошачьи, глаза и вздернутый носик.

Он втащил ее в комнату, захлопнул дверь. Они упали друг к другу в объятия и долго стояли так, собираясь с мыслями.

— Ну что, панна Костюшко? Как жизнь, как все?

Она высвободилась, подняла тонкую вуаль. Улыбалась — робко, смущенно.

— Может быть, сядем, — сказал Траугут, сдерживая дрожь рук. — На этом стуле тебе будет удобней. Или на кровати.

- Нет, здесь хорошо, — она быстро села на плетеный стул, руки спрятала в меховую муфту.
— Сам не знаю, с чего начать, Тоня. Что дома, как дети?
— Дома по-старому. Дети растут. Мы о тебе тревожимся. Так давно не было известий.
— Теперь все будет хорошо.
— Как хорошо? Почему ты не возвращаешься домой?
— Война, Тоня. Я не могу вернуться.

Они впились друг в друга глазами, будто увиделись впервые. Она смотрела на его первые седые волосы и на очки, в которых горели две крохотные свечки, на его трогательную неказистость, он разглядывал ее молодое разрумившееся от холода лицо, ее вздернутый носик — эту реликвию, унаследованную от двоюродного деда, — и полные губы, которые были ее личным достоянием.

Отворилась дверь, вошел Винцентий с ужином. Поставил поднос на стол, покосился укоризненно на Тоню и вышел, закрыв дверь чуть громче, чем следовало бы.

- Может, выпьем сперва шампанского? — спросил Траугут.
— Как хочешь, — шепнула она.

Выстрелила пробка, и по случайному совпадению за стеной раздался взрыв смеха.

- Тебе ничто не грозит?
— Как всем, — он поднял бокал. — Знаешь, за что я пью?
— Знаю.

Они неловко отпили по глотку — очень уж неподходящей была эта гостиница, эти крики за стеной и это шампанское. Где-то в городе громыхнул далекий выстрел, тотчас же заглушенный внезапным воем ветра.

Траугут встал, подошел к женщине. Неуклюже обнял, задев вуаль, которая снова скрыла ее лицо.

- Ну что, Тоня, ну что?
— Стесняет меня эта гостиница.
— Меня тоже. Но что поделаешь. Может быть, снимешь пальто?

Она послушно встала, отдала теплое, пахнущее вереском пальтишко. В ладони у нее сверкнуло что-то темным пламенем. Она перехватила его взгляд.

- Дай руку, — сказала.
Высыпала горстку маленьких теплых каштанов.
— Из Островья, — добавила. — Куда ты едешь?
— В Варшаву. Может быть, ты голодна? Отбивные стынут.
— Мне не хочется есть.
— Мне тоже. Давай сядем на кровать. Говорить надо шепотом.

Они устроились на высокой постели, опершись спиной на огромные, пахнущие утюгом подушки. За стеной кто-то брал на гитаре низкие меланхолические аккорды.

- Зачем ты едешь в Варшаву?
— Возглавить Национальное правительство.
— Почему именно ты?
— Почему именно я? Должно быть, такова воля Провидения.

Огоньки свечей сонно колыхались в темноте, точно язычки пламени в лампадках на могиле. Гостиница жила вечерней хмельной жизнью. Кто-то пробежал по коридору, кто-то кричал снизу, кто-то нетерпеливо молотил в дверь. В этот шум иногда врвался зловецкий, полный трагической решимости голос ветра недоброй осени.

- Говорят, восстание умирает, — шепнула она.
— Положение тяжелое. Но Польша ведь не умрет.
— Да был ли смысл восставать против такой силищи?
— И это ты говоришь, панна Костюшко?
— Именно я это говорю.
— Не знаю, был ли смысл. Знаю, что иначе было нельзя.

— Предательство вождей, глупые политики, разброд в обществе и везде полчища шпионов. Мне иногда приходит в голову страшная мысль, будто восстание еще тлеет только потому, что его поддерживают провокаторы охранки.

Траугут молчал. Они слышали собственное дыхание да гомон в соседнем номере. Снова отозвалась гитара. Усердный аккомпанемент убыстрялся, призывая вступить человеческий голос. Наконец несмелый хрипловатый тенор начал:

— Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ...

Траугут поискал маленькую горячую руку женщины.

— Да, есть уйма оснований подозревать, что в патриотическое движение проникло множество агентов и провокаторов. Возможно, стерлась граница между акцией стихийной и спровоцированной, между поступком благородным и низким. Так что же: спрятаться за пассивную подозрительность, оправдывать пагубное бездействие благородумием?

— Народ должен выжить.

— А кто отличит выживание от агонии?

— Я понимаю, дорогой, понимаю. Но сердце кровью обливается, когда я что ни день вижу кибитки, увозящие молодежь в Сибирь, когда смотрю на виселицы с телами страдальцев.

— Боюсь, иного пути нет, Тоня. Нет иного пути, если мы не хотим оподлеться, измельчать и умереть, презираемые другими народами.

За стеной несколько голосов уже смелее подхватили:

— Быть может, за хребтом Кавказа

Укроюсь от твоих пашей.

От их всевидящего глаза,

От их всеслышащих ушей.

Тоня слушала, наморщив лоб в венке светлых волос. Сжала тоненькими пальцами руку мужа.

— Они поют запрещенные стихи? — шепнула.

— Им все можно. Сегодня поют, завтра будут вешать.

— Ты не устал? Такой далекий был путь...

— Мне сейчас нельзя уставать. На меня ложится страшная ответственность.

— Я чувствую, ты дрожишь?

— Это от холода. Я забыл сказать, чтоб истопили печь.

— Укроюсь периной. Но сперва погаси свечи.

Он задул оба огонька и трясущимися руками стал снимать одежду возле плетеного стула. Краем глаза он видел тень Тони, возившейся с платьем. Слышал хрусткий шелест нижних юбок. Из черноты постепенно выступал мертвенный призрачный свет.

Босиком по ледяному полу он подбежал к высокой кровати. Тоня ждала, откинув угол влажной перины. Они укрылись с головой и собственным дыханием стали согревать свое убежище.

— Помнишь еще меня, Тоня?

— А ты меня помнишь?

— Всегда помню. Каждую ночь. И каждый день.

— Ты забыл снять очки.

— Забыл.

Он высунулся из горячего гнезда и ощупью положил очки на пол.

— Ох, и натерпелась же я стыда, когда входила одна в гостиницу.

— Мне тоже стыдно принимать в номере молодую даму.

Он робко положил руку на ее прикрытую тонкой сорочкой грудь. Она напряженно ждала. Сухими губами он поцеловал кудрявую прядку около горячего уха. Но в эту минуту кто-то постучал в дверь.

— Ты не запер? — встревоженно шепнула она.

— Не запер.

Выскочил из кровати, набросил на плечи пальто и открыл дверь. В коридоре стоял Винцентий с фонарем в руке.

— Пан Чарнецкий, я пришел предупредить. В полиции задержали ваш паспорт, — тихо сказал старик без прежней враждебности.

Рис. Piotr (Długi) Gidlewski

— Проверить получше хотят, но бумаги у меня чистые, купеческие. Завтра вернут.

— Если захотите уехать тайком, я могу пособить.

— Спасибо на добром слове. Мне незачем убегать. Нет нужды.

— Как знаете. Но в случае чего — я внизу.

Старик пристально всматривался Траугуту в глаза, видно, желая прочитывать там правду. Из соседнего номера кто-то выбежал и стремглав помчался вниз по лестнице.

— Ну что ж, спокойной ночи.

— Спасибо, — сказал Траугут, поворачивая ключ в замке.

Вернулся в кровать, Тоня ждала, вытянувшись, напрягшись, скрестив на груди руки.

— Океан самоотверженности. И этому уготовано истребление... — прошептал он и поднял руку к виску, чтобы снять очки, но очки лежали на полу, смутно отражая сероватый прямоугольник окна.

Тогда она повернулась к нему, прильнула вдруг, пряча лицо в изломе плеча.

Он хотел ее обнять, но в тесноте жаркого укрывища сорочка задралась, и он вдруг ощутил под рукой молодое пульсирующее тело. На него накатила сладкая паника, дрожащими губами он стал торопливо целовать горячую кожу, шершавость затвердевших сосков, влагу пахнущего травами пота. Она крепко обняла его тонкими руками за шею, спрятала под веками блеск глаз и ждала, затаив дыхание. А он с каким-то странным, отчаянным, чуть ли не звериным стоном врывался в нее вслепую и, врываясь, уже слышал в себе страшный гул крови, и, едва ворвался в судорожно сжавшееся, обжигающее тепло, его вдруг охватил великий покой, никогда прежде неведомый.

Опять стало слышно жужжание этой упрямой мухи под потолком. Тоня лежала не шевелясь в напрасном ожидании. Смотрела в потолок широко раскрытыми глазами, в которых металась крошечные тени сотрясаемых ветром деревьев за окном.

— У меня давно не было женщины, — с отчаянием прошептал он наконец.

— У тебя давно не было меня, генерал, — и она улыбнулась, повернув к нему голову.

Он принялся целовать ее горячие влажные губы, вдруг совершенно утративший желание, а она, чувствуя это, возвращала ему поцелуи со снисходительной сдержанностью.

— Прости, — хотел прошептать он, но она не позволила, закрыв ему рот ладонью.

— У нас впереди целая ночь.

— Да, целая ночь.

— А потом ты уедешь в Варшаву.

— Да, Тоня, уеду.

— Но почему ты, почему ты, а не кто-то другой?

— Это мой долг, — он хотел было добавить: мужской, — но не стал.

За стеной раздался дикий, нечеловеческий крик и кто-то пустился вприсядку; вторя топоту, мелко затряслась бамбуковая этажерка.

— Ты понимаешь, что едешь на верную смерть? — спросила вдруг Тоня.

— Я, как всякий человек, не хотел бы умереть прежде времени, — прошептал он, подумав.

— Если выстоишь на посту до конца, погибнешь.

— Кто-то должен умирать...

— ...Чтобы другие могли жить, — язвительно докончила Тоня.

— Кто я, Тоня? Безымянный человек. Не отличающийся ни красотой, ни особыми способностями, ничего не значащий для большинства. Я просто частица этого народа. И самому мне себя не жаль.

У соседей со звоном разбилось стекло. Кто-то выл на невидимую луну.

— Не дадут уснуть.

— Тоня, кто мне дал право беречь свою жизнь? Чем она отличается от любой другой?

— А я? А твои дети?

— Не знаю, дал ли я тебе счастье. И дал ли что-нибудь вообще. Я чувствую себя мошенником.

Теперь она его поцеловала. Он видел перед собой ее затененное ночным мраком лицо — точно на темной русской иконе.

— Глупый ты у меня, генерал.

За стеной ломали мебель. Кто-то бился головой об стол под аккомпанемент хриплого смеха. Траугут молча поднялся с кровати и прямо на исподнее стал надевать пальто.

— Брось. Ни к чему обращать на себя внимание, — отозвалась Тоня.

— Мы не выдержим до утра. Они только начинают.

Он вышел в коридор и постучался в соседнюю дверь. Никто не открывал — в пьяном гомоне стука никто не услышал. Он нажал на ручку, дверь подалась: перед ним была большая комната, полная офицеров в расстегнутых мундирах. В глаза бросился голубой мундир жандармского офицера — того самого, что на вокзале проверял у него документы. Заметили его не сразу. Поочередно умолкали, переводя взгляд на открытую дверь. Наконец стало тихо, только в углу размеренно капала из разбитой посуды вода.

— Прошу прощения, господа, но моей жене нездоровится. Если можно, потише, а то она никак не уснет.

Из-за стола поднялся молодой капитан, и Траугут с ужасом узнал саперский мундир со знаками полка, в котором он сам не так давно служил.

— Это мы просим прощения, пан... — сказал, шелкнув каблуками, капитан.

— Чарнецкий, — поклонился Траугут.

— Покорнейше просим вашу супругу и вас, пан Чарнецкий, извинить нас, право слово, за этот кавардак, — он с трудом сохранял вертикальное положение. — Не судите строго, право слово, уж так получилось, это наш, право слово, холостяцкий прощальный вечер. Завтра в поход, пан Чарнецкий, и завтра в эту пору, право слово, половины из нас может уже не быть в живых.

— Я понимаю, и тем не менее...

— И я понимаю, пан Чарнецкий, мы, офицеры его величества...

— Прекрати, Алеша, — отозвался жандарм, глядя на дно высокого бокала.

— Тихо, ша, — капитан качнулся в сторону гостя. — Желаем мадам Чарнецкой доброй ночи, право слово.

Траугут вернулся в свой номер. Снимая пальто, сказал негромко:

— Они тоже боятся смерти.

Залез под перину, согретую Тониным телом.

— Полиция отдаст тебе завтра паспорт?

— Думаешь, судьба меня помилует? Думаешь, завтра меня схватят и сошлют в Сибирь вместо того, чтобы повесить через месяц или через год. Нет, завтра мне отдадут паспорт, и я поеду в Варшаву и возглавлю несуществующее государство.

— Ты говоришь это с горечью?

— Я говорю как есть. Так на роду написано.

В соседнем номере было тихо. Только скрипнет время от времени половица или кто-нибудь обронит слово погромче. Ветер носился поверху, колотясь о старые щелявые крыши.

— А у нас в Литве, верно, уже зима. Видишь, как здесь с погодой. Пройдет дождь, пролетит ветер, вот и все. Ты спишь, Тоня?

Но тут заметил, что она снова устремила неподвижный взгляд в потолок. Быстро привлек ее к себе.

— Я так тебя люблю, Тоня. Стольким тебе обязан.

— Чем ты мне можешь быть обязан?

Он отыскал край сорочки, обхватил ладонями, точно сноп свежего жита, молодые бедра, начал жадно целовать быстро пульсирующую шею — гибкую, пахнущую забытым домом, далеким Островьем, утраченной беззаботностью. Ему показалось, будто возвращается желание, он подмял ее под себя, а она, полная унижительного ожидания, поддавалась с застенчивой покорностью; он безумно старался удержать это желание, он пробуждал в себе нежную силу, он сдвигал трясущимися пальцами ее груди — она даже застонала от боли, — и придавил ее собою, и так замер, ибо мимолетное желание уже растворилось в сонной вялости, в тупой отрешенности. Он лежал на ней и отчаянно пытался собрать разбегающиеся мысли. За окном слышалось сочное цоканье копыт по булыжной мостовой. Казацкий патруль пролетел из темноты в темноту.

— У меня рука занемела, — пожаловалась Тоня.

Он понимал, что она пытается придать обыденность происходящему. С благодарностью поцеловал ее еще раз и откинулся на огромную подушку рядом.

— Плохое время для любовных свиданий, — шепнула она. — Но, может быть, все обойдется, и ты вернешься в Литву.

— Хотелось бы надеяться, Тоня, но могу и не вернуться.

Она отгородилась от него худенькой спиной. Долго лежала так, и Траугут подумал, что, наверно, она уснула. Но кудрявая прядка над горячим ухом дрожала едва заметной дрожью, как птичье перышко.

— Панна Костюшко, ты плачешь? — спросил он со сжавшимся сердцем.

— Да нет, ничего, — шепнула она, пряча лицо в подушку. — Бабам нужно иногда пореветь.

На улице кто-то заорал благим маттом:

— Караул! Караул!

Залились полицейские свистки, какие-то люди забегали туда-сюда мимо гостиницы. Тоня села, укрывшись уголком перины.

— Слышишь?

— Тоня, война еще не кончилась.

— Да, гонятся за каким-то человеком. Незвестным.

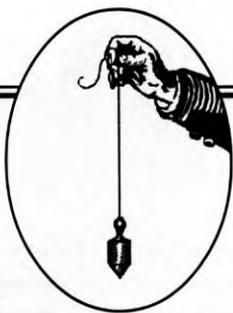
— Свободу всегда добывали неизвестные. Чтоб не умирала память, чтобы не угасал дух, сохраняли имена провозглашенных героями, но кандалы разгрызал собственными зубами во всякую пору, в каждую — добрую или худую — минуту, в любой момент вращения земли безымянный человек.

— Смотри, светает, — тихо сказала Тоня.

Окно помалу серело, и ветер стихал, словно бы в ожидании дня, очередного короткого осеннего дня этого зловещего года.

— Надо встать и пойти навстречу смерти, — шепнул себе Траугут.

Она хотела спросить у мужа, что он сказал, но, охваченная внезапным страшным предчувствием, не стала спрашивать и замерла, робко протянув руку к лицу, на котором отпечатался след проволочной оправы очков: так могло быть.

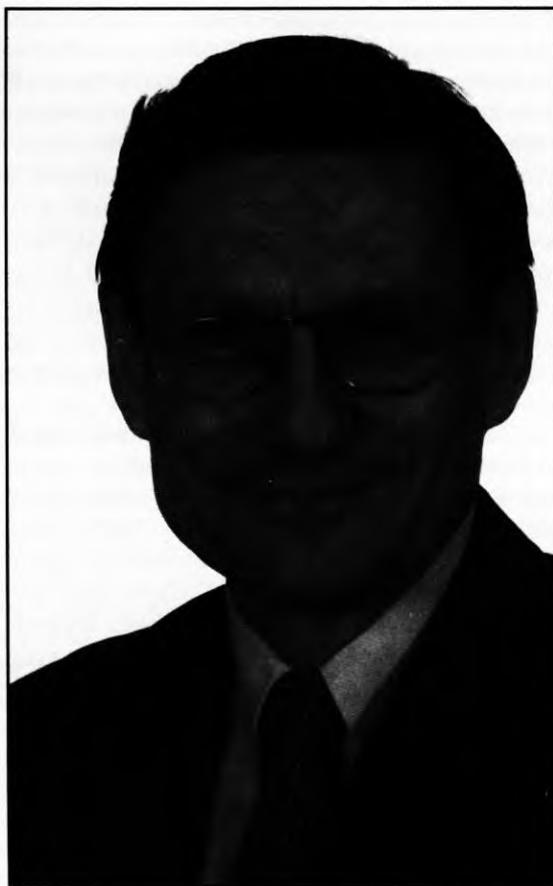
Лешек Бальцерович

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В 1999 году, через десять лет после начала постсоциалистических преобразований, в Варшаве по инициативе Центра социально-экономических аналитических разработок состоялась крупная конференция, посвященная ходу этих преобразований и их результатам. В ней участвовали почти все те, кто принимал участие в этом процессе в качестве экономических теоретиков, советников или политиков, а ряд из них – даже во всех этих трех ролях одновременно. Недавно я прочитал подготовленные к печати труды этой конференции и подумал, что стоит поделиться с читателями по крайней мере некоторыми выводами из представленных в этой публикации результатов проведенных исследований.

Все бывшие социалистические страны унаследовали значительный разрыв в развитии по сравнению со странами Запада. Этот разрыв чрезвычайно увеличился не только со временем, но и как следствие особенностей социализма, который оказался строем, крайне неблагоприятным для экономического развития. Например, в 1955 году доход на душу населения в Польше несколько превышал соответствующий показатель для Греции, а в 1988 году он составлял всего лишь 50% от дохода, приходящегося на среднестатистического жителя Греции. А ведь Греция ни по каким меркам не входила – по крайней мере до недавнего времени – в число лидеров экономического развития в Европе! Разумеется, бессмысленно сожалеть об упущенном времени – его нужно наверстывать. Что это означает на практике – скажу ниже.

В течение десятилетия после падения социализма произошла колоссальная дифференциация экономического положения стран, которые на старте характеризовались довольно схожими экономическими условиями. Одни страны, как я сказал, наверстывали упущенное время, тогда как другие продолжали отставать. На сегодняшний день к передовому отряду в отношении темпов роста относятся

страны Центральной Европы (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия) и страны Балтии. С другой стороны, практически во всех республиках бывшего СССР (за исключением прибалтийских) было отмечено значительное падение валового внутреннего продукта (ВВП). Заметнее всего этот показатель вырос в Польше: в 1991 г. наш ВВП был в 5 раз меньше ВВП России, а в 1998 г. составлял уже 50% от российского. Аналогично, в 1991 г. польский валовой внутренний продукт был несколько меньше, чем на Украине, а в 1998 г. уже в 2 раза превышал его.

В эти показатели следует внести определенные коррективы, связанные с более высокой долей участия

«теневой» экономики в хозяйственной жизни наших восточных соседей. Однако эти коррективы не меняют основного вывода: в течение истекшего десятилетия наша экономика по сравнению с ними неизмеримо укрепилась – а в результате укрепилась и международная позиция нашей страны.

Возникает очевидный вопрос: чем обусловлена столь ощутимая дифференциация? На этот вопрос пытались ответить выдающиеся участники варшавской конференции. Они отвергли предположение, что эта разница является и вытекает главным образом из различия экономических условий на старте. Как раз наоборот – как отметил, в частности, Стенли Фишер, экономист мирового класса и первый заместитель управляющего директора Международного валютного фонда (МВФ), – страны, достигшие самых крупных экономических успехов (Польша и прибалтийские страны), стартовали из наименее благоприятных условий.

Таким образом, источники экономического успеха кроются в чем-то ином. И здесь исследователи практически единодушны: самой могущественной дифференцирующей силой оказались *качественные особенности* экономической политики. Говоря более конкретно: наибольшего успеха достигли страны, которые быстро, решительно и последовательно ликвидировали социалистическое наследие, приватизируя государственный сектор, обеспечивая развитие вновь создаваемых частных фирм, либерализируя экономику, укрепляя финансовую систему и национальную валюту. Больше всего отстали страны, проводившие противоположную экономическую политику.

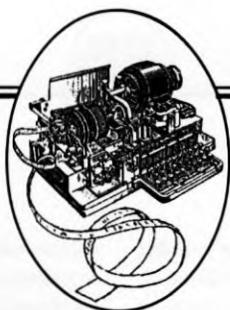
На конференции было отмечено любопытное различие в области привлечения зарубежных капиталовложений. Вначале почти во все постсоциалистические страны поступала в основном официальная, правительственная помощь с Запада, поскольку частные инвесторы не были уверены, что в эти страны имеет смысл вкладывать капитал. Затем, однако, положение изменилось. Страны, которые начали оздоравливать свою экономику, стали привлекать все больше прямых зарубежных инвестиций, что дополнительно способствовало их развитию. Приток внешних частных капиталовложений оказался, таким образом, своего рода «премией» за грамотную экономическую политику. Эта «премия» недоступна для стран, которые ухуждают качество своей экономики; они могут в

лучшем случае рассчитывать на приток спекулятивного капитала.

Выступающие также справедливо подчеркивали, что недостаточно обращать внимание только на достигнутые темпы развития – важно одновременно не упускать из виду базовые факторы, на которые оно опирается, чтобы своевременно улавливать предостерегающие сигналы и оперативно на них реагировать. А к этим факторам относятся здоровое состояние государственных финансов (чем меньше дефицит бюджета, тем лучше для будущего развития страны), стабильность валюты, правовые акты, регулирующие трудовые отношения, конкурентоспособность предприятий, качество деятельности основных структур государства (в том числе судебной системы), здоровье банков и других финансовых учреждений, доступность качественного образования.

Почти во всех этих направлениях Польше предстоит сделать еще многое – вероятно, это важнейший для нас практический вывод из хода преобразований. И пусть наш сравнительный успех послужит основой для дальнейших усилий в проведении грамотной экономической политики – именно она является ключом к нашему лучшему будущему.

wprost

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Президент Польского национального банка Ханна Гронкевич-Вальц с января займет пост вице-президента Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). Бывший премьер-министр, ныне представитель Польши в ЕБРР Ян Кшиштоф Белецкий сказал: «Это самый высокий пост из занимаемых поляками в международных организациях с 1989 года». (*«Жечпосполита»*, 21-22 октября)

Апелляционный суд вынес постановление о том, что бывший премьер-министр Юзеф Олексы в 1970-1978 гг. был сознательным секретным сотрудником военной разведки ПНР, а его лжестрационное заявление не соответствует истине. Теперь Олексы в течение 10 лет не может занимать крупные государственные посты. «Трудно недооценить значение постановления суда, признавшего, что Олексы утаил правду. Олексы по-прежнему остается одним из ведущих политиков «Союза левых демократических сил», депутатом. В прошлом, но уже в Третьей Речи Посполитой он был маршалом Сейма и премьер-министром, принимал решения по важнейшим государственным делам. Постановление показывает, что он не был достоин занимаемых постов», — написал Кшиштоф Готтесман. (*«Жечпосполита»*, 16 октября)

Апелляционный суд постановил, что в 1977-1985 гг. Роберт Мрозович был сознательным секретным сотрудником спецслужб ПНР. В 80-е Мрозович был одним из редакторов подпольного журнала «Критика», а с 1992 г. — помощником государственного секретаря по иностранным делам и (позднее) по обороне. На последнем посту он отвечал за интеграцию с НАТО. Теперь он, как и Олексы, в течение 10 лет не сможет занимать крупных государственных постов. (*«Жечпосполита»*, 31 октября — 1 ноября)

Стефан Братковский: «Зрелая демократия должна внимательней присмотреться к о. Гадеушу Рыздику и к деньгам, благодаря которым он основал свое «Радио Мария». Следует выяснить, каким образом он достал в России передатчик и почему его национализм, антиевропейская пропаганда и разжигание социального недовольства так близки интересам постсоветской России». (*«Жечпосполита»*, 28 октября)

Россия хочет на несколько десятков процентов повысить цену газа, поставляемого в Польшу. Российская сторона считает, что договориться о более высоких ценах нетрудно, так как Польша полностью зависит от российских поставок газа. Не на пользу пошла Польше и оказан-

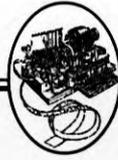
ная ею Украине поддержка в вопросе о строительстве нового газопровода в обход Украины. (*«Впрост»*, 29 октября)

Замминистра иностранных дел России Иван Иванов повторил, что Европейский союз «должен очистить все пути для транзита российских энергоносителей. То есть никаких капризов со стороны Украины, Польши и других стран». Виталий Портников из «Ведомостей» прокомментировал это так: «В Москве общераспространен взгляд, что такие страны, как Польша или Украина, несамостоятельны, всегда вынуждены кого-то слушаться. Сегодня Россия слишком слаба, чтобы ее слушались. Поэтому мы зовем на помощь партнера посильней, чтобы он навел то, что у нас считается порядком» [приводим в обратном переводе]. (*«Газета выборча»*, 31 октября — 1 ноября)

Евген Марчук, секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины, сказал в Варшаве: «Мы благодарны за поддержку Польше, президенту Александру Квасневскому. Однако мы понимаем, что Россия не хотела бы принимать решения, наносящие ей ущерб либо приводящие к потере доходов. А транзит газа может принести вашей стране миллиард долларов». (*«Жечпосполита»*, 3 ноября)

Журналистам в Варшаве Евген Марчук сказал: «Украина не может быть ни за, ни против строительства газопровода из России на Запад в обход ее территории». Марчука в Киеве считают настроенным пророссийски. Он был генералом КГБ, потом начальником Службы безопасности Украины и соперником Леонида Кучмы на прошлых президентских выборах. (*«Газета выборча»*, 4-5 ноября)

Безопасность страны требует поставок газа из нескольких источников. Польша зависит от единственного поставщика — России. Стороны, участвующие в газовом бизнесе, снабжают СМИ ложными данными. Информационным пробным шаром были слова президента Путина о том, что Польша может рассчитывать на миллиард долларов в год от транзита газа через ее территорию. Между тем «Европоль-Газ», владелец идущего через Польшу газопровода, освобожден от подоходного налога и пока что приносит одни убытки. Специалисты расхохотались, когда услышали об этом миллиарде. У нас есть надежда на газопровод из Норвегии через Балтийское море в Щецин или частично через Данию. Нынешние переговоры о новой большой трубе с Ямала через Польшу в Западную Европу могут привести к тому, что контракт с норвежцами будет отложен и в конечном счете отменен. Возможно, только это и окажется единственным результатом перегово-

воров о большом контракте Ямал — Западная Европа. (Витольд Гадомский, «Газета wyborча», 6 ноября)

☞ Три фирмы: норвежская, датская и польская — подписали соглашение о намерениях относительно строительства газопровода из Норвегии через Данию в Польшу. Соглашение о поставках норвежского газа в Польшу может быть подписано еще до конца этого года, а межправительственный договор — в будущем году. С 2020 г. Польша не сможет получать больше 49% газа из одной страны. В настоящее время этот лимит составляет 92%. («Жечпосполита», 10 ноября)

☞ «Газпром» строит проходящую через территорию Польши линию связи Москва — Берлин, которая должна войти в действие до конца этого года. Польское министерство связи, выдающее концессии на такие инвестиции, ничего об этом не знает. («Газета wyborча», 20 октября)

☞ Один из правительственных экспертов сказал: «Такую линию передачи данных на лазерных световодах можно сравнить с прокладкой через территорию Польши экстерриториальной восьмиполосной автострады. Результаты невозможно предвидеть». («Газета wyborча», 21-22 октября)

☞ Как сообщили в министерстве связи, использование линии передачи данных на лазерных световодах, обслуживающей связь вдоль Ямальского газопровода, не соответствует польским законам. («Жечпосполита», 23 октября)

☞ Российские таможенники в Дербенте задержали и конфисковали четыре 20-тонных контейнера, перевезших из Польши в Грузию воинское обмундирование. По накладным контейнеры содержали дипломатический груз. («Газета wyborча», 26 октября)

☞ В присутствии послов стран НАТО Польша ознакомила Россию со своей оборонной инфраструктурой. Польша по-прежнему безуспешно ищет возможности создать хоть какие-то, пусть скромные, плацдармы доверия. Несмотря на это, «состояние взаимоотношений все еще таково, что нам не остается ничего другого, как дожидаться какого-то перелома с российской стороны. Отсутствие воли к сближению видно невооруженным глазом», — сказал помощник государственного секретаря по делам обороны Богдан Клих. («Жечпосполита», 23 октября)

☞ С нового года польское посольство в Минске будет представлять в Белоруссии интересы НАТО. Польское посольство в Киеве еще с сентября прошлого года выполняет роль координатора деятельности НАТО на Украине. («Впрост», 29 октября)

☞ В Люблине создается Польско-украинский университет. Решение об этом было принято в Киеве на встрече ректоров Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской и Люблинского католического университета с ректорами украинских университетов. Первыми слушателями станут аспиранты, специализирующиеся в различных областях науки. Набор 200-300 аспирантов проведут

украинские университеты. Доску с названием нового университета на его здании в центре Люблина торжественно открыл премьер-министр Украины Виктор Ющенко. («Газета wyborча», 6 ноября)

☞ В Люблине положен краеугольный камень под памятник воинам украинской армии атамана Петлюры, погибшим в борьбе с большевиками в 1920 году. Это пятая братская могила петлюровских солдат и офицеров в Польше. В церемонии участвовали посол Украины, президент (мэр) Люблина и православный епископ Люблинско-Хелмской епархии. Инициатор воздвижения памятника — Общество опеки над могилами украинских воинов. («Жечпосполита», 30 октября)

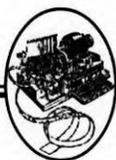
☞ На приходском кладбище в Крапокувице близ Ополе (Силезия) освящен памятник приблизительно 15 жителям деревни, в т.ч. местному священнику, убитым в январе 1945 г. Красной армией. Памятник с надписями по-польски и по-немецки воздвигнут на средства комитета, состоящего из членов семей погибших. («Жечпосполита», 30 октября)

☞ В Варшаве на здании, где в 1945-1954 гг. размещалось министерство общественной безопасности, открыта мемориальная доска памяти жертв — тех, кого там мучили и убивали. («Газета wyborча», 8 ноября)

☞ Мариан Глушек, офицер Армии Крайовой, скончавшийся в 1990 г., был в заключении 12 лет — сначала в Белоруссии, затем в казахстанских лагерях, откуда был отправлен в ссылку в Сибирь. В консульстве Казахстана семье умершего пришлось заплатить 30 долларов за справку о его пребывании в лагерях. Консульства Белоруссии и России выдали справки бесплатно. («Жечпосполита», 7 ноября)

☞ Полякам из Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и азиатской части РФ облегчена репатриция в Польшу. Государственный бюджет покрывает расходы на переезд, обустройство и обучение детей. Закон об этом Сейм принял 9 ноября. В двухмесячный срок после публикации закона совет министров должен назначить уполномоченного по делам репатриации. («Жечпосполита», 10 ноября)

☞ В день Поминования (1 ноября, день Всех Святых) на Театральной площади в Варшаве прошло общенациональное поминование сибирских ссыльных. Ольгерд Лукашевич, организатор поминования, сказал: «За последние 200 лет Сибирь отпечаталась в сознании поляков. Последний этап депортации происходил в тот момент, когда Европа праздновала конец II Мировой войны. О ссыльных и лагерниках никто не вспоминал. Среди нас еще живут последние свидетели — сибирские жертвы. Лишь недавно они смогли прервать молчание». Предыдущий варшавский день Поминования был посвящен памяти евреев — жертв Катастрофы. («Газета wyborча», 31 октября — 1 ноября и 2 ноября)

☞ День Поминования. Толкучка, дождь, пробки, столкновения автомобилей и несчастные случаи — так выглядел день Всех Святых вокруг варшавских кладбищ. Читатели звонили в редакцию, пораженные заторами пешеходов, из-за которых нельзя было добраться на кладбище. Многие с цветами и лампадками возвращались домой. Инфаркт уличного движения. Машины «скорой помощи» с трудом пробивались сквозь толпы людей. («Газета выборча», 2 ноября)

☞ Польские цветоводы, выращивающие хризантемы, не выдерживают конкуренции с импортерами, занижающими цены. Поэтому с начала ноября правительство ввело дополнительную таможенную оплату на хризантемы из Евросоюза. Да только у польских цветоводов хризантем уже нет: почти все распродано ко дню Поминования. («Газета выборча», 26 октября)

☞ Одержимость покупками добралась и до Польши. Лихорадочная страсть к покупкам встречается как у безработных, так и у владельцев «золотых» кредитных карточек. Даже люди, которые говорят, что сегодня живется хуже, чем раньше, многое накупили за прошедшие годы. Люди тратят сбережения — это синдром бедняка. Он мало зарабатывает, но, заработав, покупает видеомагнитофон. Так люди защищаются от социального упадка. Кроме избытия товаров, причиной чрезмерных покупок стало подражание. У соседа есть — значит, и мне надо. Другая причина — развитие рекламы. Ее жертвами оказываются главным образом люди, легко поддающиеся внушению. Со временем их охватывает настоящая одержимость.

☞ По данным бюро уполномоченного по гражданским правам, потребителя в Польше обманывают в 20-30 раз чаще, чем в США и странах Евросоюза. По данным Европейской комиссии, права потребителей в Польше защищены хуже, чем в США сто лет назад. («Впрост», 12 ноября)

☞ Почти треть поляков одалживают деньги в банках, берут кредиты на машину, бытовую технику, покупку квартиры или строительство дома. За один год задолженность польских семей удвоилась, возрастая с 18,4 до 36,6 млрд. злотых. («Газета выборча», 17 октября)

☞ Вальдемар Кучинский (на основе статистических данных): «Мы — общество, в котором темпы покупок в несколько раз превышают темпы заработков, что возможно лишь при уменьшении сбережений и росте кредитов на потребление». («Впрост», 12 ноября)

☞ В начале текущего года лишь в десяти крупнейших банках Польши открыто около 900 тыс. новых личных сберегательных счетов. Такими счетами в польских банках располагают почти 10,3 млн. индивидуальных клиентов. («Жечпосполита», 23 октября)

☞ Социологи предупреждают, что наследование социальных ролей представляет для страны серьезную опасность. Дети безработных, жители бедной провинции наследуют судьбу родителей. («Газета выборча», 23 октября)

☞ Ян Винецкий (Европейский университет во Франкфурте-на-Майне): «Политики создали нам экономику, отягощенную бременем привилегий наемных работников, которого не выдержать рядовым фирмам. Поэтому безработица растет и будет расти, пока не наступит отрезвление». («Впрост», 12 ноября)

☞ Кишитоф Павловский, ректор Высшей школы бизнеса в Новом Сонче, которая считается одним из лучших частных вузов Польши: «Нет никакой возможности решить проблему безработицы иначе, нежели побуждая молодежь к временной эмиграции». («Газета выборча», 3 ноября)

☞ Во время предвыборной кампании звучали популистские призывы повысить налоговое бремя и затраты на оплату труда во имя всеобщей доступности плодов экономического роста. В результате мы устроили себе диковинку в мировом масштабе: экономик, которая при более чем 50-процентном росте не создает новых рабочих мест, но уменьшает число существующих. Повышая расходы на оплату труда, профсоюзы получают сервитуты. Отвергнута единственная последовательная стратегия «бегства вперед» Лешка Бальцеровича, основанная на радикальном снижении налогов. («Впрост», 29 октября)

☞ 57% поляков боятся, что в недалеком будущем наступит экономический кризис, но только 23% выступают за то, чтобы потуже затянуть пояс. 72% — против такой политики. («Впрост», 12 ноября)

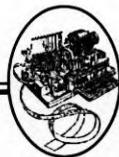
☞ По проведенному ЦИОМ-ом опросу общественного мнения, три четверти профессионально активных поляков выступают за сохранение нынешней 42-часовой рабочей недели и против ее сокращения до 40 часов. («Жечпосполита», 2 ноября)

☞ Половина поляков ожидает от государства, что оно займется выкупом частных предприятий, которым грозит крах, а свыше половины не желает приватизации таких предприятий, как Польские железные дороги и Польская почта. Лишь треть поляков сознаёт, что чем больше государственного участия в экономике, тем меньше денег в бумажниках граждан. («Впрост», 5 ноября)

☞ Дискуссии о реприватизации продолжаются уже 11 лет. Польское общество по этому вопросу разделено. 41% граждан — за возврат отобранного имущества, 38% — против. Нерешенность этого вопроса приводит к тому, что суды выносят постановления о возврате имущества целиком вместе с процентами за период пользования. («Впрост», 5 ноября)

☞ Подавляющим большинством голосов Сейм принял закон, позволяющий жителям квартир, принадлежащих предприятиям и кооперативам, выкупать свои квартиры за несколько процентов их рыночной стоимости. («Тыгодник повшехний», 5 ноября)

☞ Фирма «Хеллена» из Калиша, принадлежащая Зенону Сронинскому и производящая напитки, купила строительный участок и построила на нем полностью оснащенный четырехэтажный жилой дом. Затем фирма передала его в собственность 26 беднейшим семьям города. Договор купли-продажи за символический злотый составлен так, что

все члены семей (112 человек) стали совладельцами. (*«Жечпосполита», 4-5 ноября*)

📰 14-летний Куба Стемпняк организовал благотворительный концерт с участием звезд польской эстрады в пользу убежищ для животных. На доходы от концерта, составившие 30 тыс. злотых, убежищам были предоставлены конуры для собак, подстилки и корм. Конуры сделаны по стандартам Всемирной организации охраны животных: в каждой есть тамбур, в стенке между двумя слоями дерева заложена пенопласт, а съемная крыша обита оцинкованной жестью. (*«Газета wyborча», 16 октября*)

📰 Вальдемар Кучинский: «Огромная волна реформ, захлестнувшая Польшу, — это необходимое выпрямление страны, развитие которой было изуродовано несколькими десятилетиями величайшей в наше время экономической патологии; и даже ошибки в реформах — результат выхода из советской системы, из дома неволи». (*«Впрост», 15 октября*)

📰 За годы реформ, в 1990-1999 гг., число чиновников центральной администрации возросло с 46 до 125 тысяч. Канцелярия президента в 1993 г. насчитывала 292 служащих, а в 1994-м их уже было 474. В Варшавском муниципалитете — 779 депутатов (в Нью-Йорке — всего 81). Вторая из трех ступеней самоуправления, повят (район), насчитывает в среднем 80 тыс. жителей (для сравнения: во Франции — 580, в Испании — 752, в Греции — 206 тыс.). (*«Газета wyborча», 28 октября*)

📰 Зофья Мильская-Вшосинская, член оргкомитета II конференции Польского психологического общества: «Смена строя способствовала тому, что к психотерапевтам обращается больше людей, поскольку развился рынок этих услуг». (*«Газета wyborча», 25 октября*)

📰 Информатик, пожелавший остаться неизвестным: «Профессия, которой занимаешься сегодня, завтра может исчезнуть. Важно мыслить концептуально и приспосабливаться к постоянным изменениям. Это вовсе не легко. Тот момент, когда я перестану учиться, станет концом моей карьеры». (*«Впрост», 15 октября*)

📰 Коррупция в системе образования за последние годы возросла. По опросам общественного мнения, проведенным ЦИОМ-ом, в 1997 г. лишь 2% опрошенных подтверждали наличие коррупции, а в 1999-м — уже 10%. «Прейскурант» взятков содержит пункты от нескольких десятков злотых до 10 тысяч. (*«Жечпосполита», 31 октября — 1 ноября*)

📰 Платное стояние в очереди за пациентами в учреждениях здравоохранения — допустимая форма экономической деятельности. Такое постановление, носящее характер прецедента, приняла Апелляционная коллегия самоуправления в Тарнове по делу Тадеуша З., зарабатывающего на жизнь стоянием в очередях. (*«Жечпосполита», 4-5 ноября*)

📰 Постоянно повышается стоимость лицензий на грузовые перевозки и расходы на содержание грузовиков. В результате польские фирмы грузовых перевозок не вы-

держивают конкуренции с предприятиями из стран бывшего СССР, прежде всего Литвы, где облегчено получение концессий и налоговых льгот. В странах бывшего СССР зарегистрировано около 2 тыс. фирм грузовых перевозок, настоящие владельцы которых — поляки. Эти фирмы предлагают перевозки по ценам, с которыми не могут соперничать даже крупнейшие польские фирмы. (*«Впрост», 22 октября*)

📰 Люди, едущие в Польшу в поисках «левой» работы, надеются попасть в землю обетованную. Через несколько дней они обнаруживают, что попали в трудовой лагерь. Отдав предпринимателю паспорта, они узнают, что не могут выходить в город. Работают они по 12-14 часов в день, спят в задних помещениях предприятия. В таких условиях находится около 5 тыс. иностранцев, работающих в сотне нелегальных, замаскированных швейных, литейных, монтажных мастерских, в цехах штамповки пластинок. Они приехали с Украины, из Белоруссии, России, Румынии, Болгарии, Грузии, Армении, Азербайджана, Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Некоторые в таких условиях не выдерживают и недели — совершают попытки самоубийства или калечат себя. В одной нелегальной фирме женщины, работавшие и жившие в жутких условиях и вдобавок эксплуатируемые сексуально, подняли бунт: оглушили и кастрировали трех измывавшихся над ними бригадиров, уничтожили запасы товара и бежали на принадлежащем фирме микроавтобусе. (*«Впрост», 29 октября*)

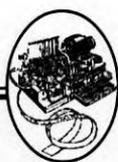
📰 Четыре рэкетира из Белоруссии, нападавшие на русскоговорящих проезжих на варшавском Западном вокзале, приговорены к трем годам тюремного заключения каждый. (*«Газета wyborча», 2 ноября*)

📰 В 1999 г. Польша заработала на иностранных туристах 6,1 млрд. долл., что равно почти четверти доходов от экспорта. Однако это на 2,1 млрд. меньше, чем в 1998 г., и более чем на 2,7 млрд. меньше, чем в 1997-м. (*«Впрост», 5 ноября*)

📰 Уменьшение числа иностранных туристов в Польшу приближается к тому, какое отмечалось в Турции после землетрясения и в Египте после террористических актов мусульманских фундаменталистов. Сильно убывает число молодых и образованных западных туристов. Как правило, они не решаются поехать в Польшу вторично, считая нашу страну грязной и... дорогой. Кризис коснулся и туризма внутри страны. В 2000 г. число поляков, отъехавших в Польшу, оказалось на полтора с лишним миллиона меньше, чем в прошлом году. Зато 3,2 млн. поляков — на 800 тысяч больше, чем в прошлом году, — в отпуски и на каникулы ездили за границу. (*«Впрост», 22 октября*)

📰 За нападение на гражданина Мали из расовых побуждений суд приговорил 22-летнего Лешека М. к году и трем месяцам тюрьмы. Суд счел, что подсудимый совершил весьма опасное общественно деяние. (*«Жечпосполита», 27 октября*)

📰 Интернавт (пользователь Интернета) Кшиштоф Н. приговорен к 10 месяцам тюрьмы условно за оскорбление

евреев в электронном письме, отправленном на радио «Шалом» в Кельце. Еще раньше он был исключен за эту выходку из вуза. На суде Кшиштоф Н. выразил раскаяние. (*«Тыгодник повисхный»*, 5 ноября)

В Лейпциге открыта мемориальная доска памяти польского консула Феликса Хичевского, который в 1938 г. укрыл в консульстве 1300 евреев, помогая им спастись. (*«Газета wyborча»*, 27 октября)

77-летний житель Щецина Хенрик М. арестован по обвинению в соучастии в геноциде. Он — единственный из восьми поляков, которые вместе с немцами входили в команду лагеря массового уничтожения евреев в Хелмно-на-Нере. Там были удушены газом и сожжены 310-330 тыс. человек. Дело поляков из юманды этого лагеря расследовалось дважды, в 1945 и 1963 гг., но оба раза было закрыто. (*«Жечпосполита»*, 4-5 ноября)

Бронислав Геремек, бывший министр иностранных дел: «Польская идея — так же, как русская или немецкая, — становится проектом, устремленным в будущее именно по той причине, что несет в себе ответственность за будущее». (*«Газета wyborча»*, 10 ноября)

В годовщину «хрустальной ночи» (с 9 на 10 ноября 1938), когда произошел гитлеровский погром еврейского населения, ставший предвестием Катастрофы, во Вроцлаве планировался марш памяти. Однако накануне годовщины марш был отменен, чтобы не провоцировать польские нефашистские организации. (*«Газета wyborча»*, 10 ноября)

В докладе Совета Европы отмечено: «Польское общество не проявляет открытости по отношению к лицам иного национального или расового происхождения и к иммигрантам». За 10 лет Сейм так и не утвердил закон о национальных меньшинствах, а президент за пять лет не ратифицировал конвенцию Совета Европы об охране меньшинств. (*«Жечпосполита»*, 21-22 октября)

До конца 2000 г. 34 тыс. иностранцев получит постоянный вид на жительство в Польше и общее число имеющих постоянный вид на жительство возрастет до 50 тысяч. Получить статус политического беженца в Польше желают около 4 тыс. человек — рекордное число по сравнению с прошлыми годами. (*«Жечпосполита»*, 8 ноября)

Число преступлений против иностранцев, в т.ч. преступлений из расистских побуждений, снизилось по сравнению с предыдущими годами на 10%. Почти 60% опрошенных поляков считают, что присутствие людей иных национальностей приносит нам только пользу. Согласно исследованиям Эвы Новацкой из Института социологии Варшавского университета, Польша стала удобным местом жительства для граждан бывших советских республик. Хорошо себя чувствуют здесь и вьетнамцы, латиноамериканцы, арабы, несколько хуже — африканцы. Постепенно становится успешной борьба с самым опасным проявлением расизма — антисемитизмом. Нгвакве Нкомо, врач из Ниге-

ри, сказал: «Я в Польше уже восемь лет. Сначала не проходило и недели, чтобы кто-нибудь не оскорблял меня или не цеплялся. Теперь это случается лишь время от времени». Рави Патик из Индии сказал: «Я люблю поляков, потому что они живут «на краю», любят повеселиться и не строят детальных планов на будущее». (*«Впрост»*, 5 ноября)

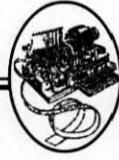
Проф. Карл Дедедиус из Немецкой Академии языка и поэзии, выдающийся знаток и переводчик польской литературы на немецкий язык: «Число польских книг, переведенных и изданных в Германии после 1945 г., достигает тысяч. (...) Принимают их прекрасно, хотя это ограничено небольшим кругом как авторов, так и читателей. (...) Поляки смеются иначе, чем мы, и печаль у них иная. (...) Если говорить о достижениях польской литературы XX века, то ей есть что показать миру». (*«Жечпосполита»*, 8 ноября)

Мазлум Саня — албанец из Дьяконицы в Косово. Он, в частности, перевел на албанский произведения Збигнева Херберта, Виславы Шимборской, Кароля Войтылы и Станислава Ежи Леца. На протяжении 20 лет Мазлум курсирует между Дьяконицей и Варшавой. На скромную стипендию от министра культуры он снимает дешевое жилье под Варшавой, питается хлебом, плавлеными сырками и молоком, иногда ест суп в столовой для бездомных. С утра до поздней ночи он сидит над книгами в Национальной библиотеке, переводя польскую поэзию на албанский язык и албанскую — на польский.

Польский «Caritas» основал в Косово амбулаторию. Расходы на строительство, на медицинское и диагностическое оборудование (около 300 тыс. долл.) были покрыты из средств, собранных в прошлом году по призыву польского «Caritas'a» помочь Косово. Очередной груз — шесть тонн лекарств, медицинского оборудования и одежды — уже отправлен по назначению. (*«Жечпосполита»*, 28-29 октября)

Каждые 15 секунд женщину, ребенка или кого-то из родителей бьют по лицу, избивают, царапают или пинают. Жертвой насилия в семье оказывается каждый пятый ребенок, каждая четвертая замужняя женщина и каждая вторая женщина, подавшая на развод. В больших городах полицию вызывают по таким делам 250-300 раз в сутки. Выявляется всего лишь 10% актов насилия в семье. Насилие выступает как в семьях, находящихся на дне общества, так и в семьях вузовских профессоров. Агрессивность наследуется, и, подрастая, жертва становится палачом. По крайней мере 500 из полумиллиона рождающихся в год детей испытывают дурное обращение, избиения, запущенность. 25-50 из них погибнут от руки своих взрослых опекунов. (*«Впрост»*, 22 октября)

Хенрик К. подал жалобу на Польшу в Европейский суд по правам человека за назначение такой высокой платы для лиц, желающих подать судебный иск, что это ограничивает более бедным доступ к правосудию. В странах

Евросоюза такой предварительный взнос не обязателен. (*«Впрост»*, 5 ноября)

Матери детей, начавших принимать наркотики, сами установили личности семи торговцев наркотиками и известили об этом полицию. Процесс торговцев проходит в окружном суде в Ольштыне. (*«Жечпосполита»*, 9 ноября)

Банда, состоящая из 17 гангстеров, была отпущена на волю, так как показания свидетелей, выступающих инкогнито, не могут быть единственным доказательством вины, а те полтора десятка из 200 потерпевших, которые согласились дать показания, отказались повторить показания на суде под своей фамилией. (*«Газета wyborча»*, 24 октября)

Преступник, дающий показания против других участников преступления, получит право на секретность этих показаний, смену фамилии, административно-учетных и налоговых регистрационных номеров и всех других личных данных, на пластическую операцию, изменяющую лицо. Программой охраны свидетелей уже охвачено 50 человек — полтора десятка бывших преступников и их семьи. (*«Жечпосполита»*, 18 октября)

Сотрудники Службы заповедников получили право на ношение и использование огнестрельного оружия, ручных газометов, служебных дубинок и наручников, а также на использование служебных собак. Кроме того, они имеют право останавливать и проверять машины, производить обыски в домах, собирать вещественные доказательства и налагать штрафы. (*«Жечпосполита»*, 16 октября)

Сейм принял поправки к закону об охране природы, практически предоставив местным органам самоуправления право вето в вопросах создания заповедников, расширения или сокращения их территории. В результате в Польше в ближайшие годы не будет создано ни одного нового заповедника. (*«Газета wyborча»*, 27 октября)

Работники военной индустрии совершили паломничество в храм Пресвятой Девы Марии в Скажиско-Каменной. Депутат Станислав Гловацкий поручил эту отрасль промышленности опеке Божией Матери. Замминистра обороны Ромуальд Шереметев просил паломников обратиться с особой молитвой к Матери Божией, ибо «это огромная сила, благодаря которой военная промышленность сможет многого достигнуть». (*«Газета wyborча»*, 7 ноября)

Художник-график Дмитрий Шевионков-Кисмелов, автор оформления «Новой Польши»: «Хотя я уже десять лет живу в прекрасном Кракове, мне, коренному русскому, все еще бывает трудно понять страну, лежащую на берегах Вислы». (*«Газета wyborча»*, 24 октября)

Пожалуй, ни один спорт не приобрел в Польше такой популярности за такое короткое время, как игра в кегли. В кегельбаны рвутся толпы. С утра приходят целые семьи, вечерами — молодежь. В субботу и воскресенье самые большие кегельбаны принимают по тысяче человек, и нужно заранее заказывать места. Иногда даже в будние дни ожидание свободного места продолжается полтора часа, хотя час игры стоит 40-120 злотых. (*«Впрост»*, 29 октября)

СЕСТРЫ, НО ЛИШЬ ДВОЮРОДНЫЕ

20 ноября президент Польской республики Александр Квасневский принял патриаршего экзарха Белоруссии, митрополита Минского и Слуцкого Филарета, находившегося в Польше по приглашению митрополита Варшавского и всея Польши Саввы. В беседе шла речь о роли Церкви — католической и православной — в культурном, общественном и экономическом сближении Польши и Белоруссии. Митрополит Филарет подтвердил, что патриарх Московский и всея Руси Алексий II получил приглашение посетить Польшу и приедет в удобное для него время.

Во время встречи с журналистами экзарх Белоруссии сказал, в частности, что представленный 5 сентября этого года, одобренный Папой Иоанном Павлом II 16 июня, ватиканский документ «*Dominus Jesus*» не представляет собой ничего нового в учении католической Церкви. Фразеология, согласно которой Римская Церковь — это «единственная святая Церковь, в которой только в единстве с Папой человек может найти самого себя», весьма стара. По мнению экзарха, этот документ перечеркнул создавшееся в последнее время представление о католичестве и православии как о Церквях-сестрах.

По неофициальным данным, римская курия еще раньше разослала епископам тайное письмо, в котором рекомендует отойти от такого определения отношений между обеими Церквями.

Свящ. Генрик Папроцкий, пресс-секретарь православной Церкви в Польше, заявил даже, что декларация «*Dominus Jesus*» вообще не нужна. Если говорить об экуменическом движении, то это, по его мнению, шаг назад, особенно по отношению к протестантству, оцененному там достаточно резко. Документ ухудшит межконфессиональные, а также межрелигиозные отношения, ибо что может подумают верующий еврей, когда его религия перечислена там в составе «других», в то время как иудаизм, в конце концов, — источник всего христианства?

С. Ф.

ВАРШАВСКИЙ СВЯЗНОЙ

*Со Збигневом Ромашевским
и Александром Павловичем Лавутом
беседует Татьяна Косинова*

Ромашевский: Все это началось с того, что мы, члены Комитета защиты рабочих, в 1978 г. осенью встречались с чехами на границе — с Гавелом, Динсбиром и другими. Абсолютно нелегально. Там была такая... «тропинка дружбы», по которой могли и чехи ходить, и мы, поляки. В сентябре, когда горы были уже пустыни, мы встретились с ними и установили связи с «Хартией-77». После этого надо было дальше пробовать создавать нечто вроде «Интернационала» диссидентов. И я попробовал связаться с русскими.

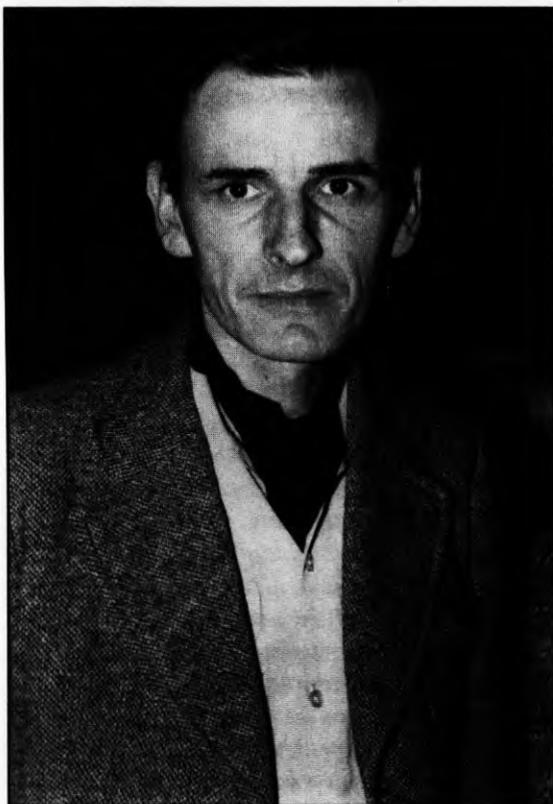
Тема взаимосвязей с Россией была в то время довольно сложной, так как в среде диссидентов уже тогда происходил довольно сильный раскол между национальной группой, связанной с Солженицыным, Шафаревичем, Барбановым, и группой, близкой Андрею Дмитриевичу. Моими героями были Марченко, живший «из тюрьмы в тюрьму», Галансков, Наташа, которая с ребенком вышла на Красную площадь. Это были мои герои. Я всегда задавал себе вопрос: сумел бы я сделать это? Это мой жизненный вопрос. Как у героя Конрада — с тех пор как я прочитал его книгу — вот этот вопрос: сумел бы я?

— *Если говорить о роли советских диссидентов, какое влияние они на вас оказали?*

Ромашевский: По-моему, огромное. Те, кто в 76-м году вместе со мной организовали Комитет защиты рабочих, почти все были увлечены русской оппозицией. Все. И Михник, и Куронь, и Букяк, и его жена — это мои близкие друзья в те времена, — все они были под очень сильным влиянием.

— *А чем был для вас Париж?*

Ромашевский: Там была связь Гедройца и «Культуры» с «Континентом». Гедройц был членом редколлегии «Континента», который был пер-

Збигнев
Ромашевский

вым, я бы сказал, по важности журналом. Настоящий серьезный толстый журнал... Эти связи между «Континентом» и «Культурой» были очень сильные, а «Культура» организовала всю польскую оппозицию в те времена. Мы все, так или иначе, поклонники Гедройца, мы должны считаться его детьми: на «Культуре» все выучились.

— *А то, что тогда, в 79-м, именно вы поехали в Россию, — это было связано с тем, что вы знаете русский, что у вас уже есть контакты, или с чем-то еще?*

Ромашевский: Да, это было связано, но это была моя идея. Я даже об этом никому не говорил сначала, потому что стены имеют уши. Я не хотел,

чтобы у меня возникли какие-то препятствия, чтобы это сорвалось. До последней минуты, до последнего момента почти никто не знал — только одна наша подруга.

— *А вы не думаете, что ваш приезд в Москву к Сахарову все же был фантастическим?*

Ромашевский: Конечно.

— *А почему это вам все-таки удалось, как вы думаете? Почему они допустили это?*

Ромашевский: Почему позволили... Знаете, мне кажется, «они» тоже были неоднородные. Возможно, кто-то там что-то разыгрывал против кого-то. Мне трудно сейчас сказать... Но, по-моему, это было под контролем нашей и вашей госбезопасности или даже одной нашей. Меня сопровождали с польской стороны одна женщина и четверо мужчин. Что они делали уже в России, мне неизвестно: когда я ходил по Москве, я не наблюдал никакой слежки. Я от Андрея Дмитриевича уходил часа в два ночи. Там была совершенно пустая улица. Я еще потом пошел по каким-то перекресткам, переулкам — абсолютно никого не было. Я жил в то время в гостинице «Югославия» и тоже не доехал до самой гостиницы, снова бродил. Думаю, они следили в самой гостинице и в окрестных домах около Андрея Дмитриевича.

— *Я думаю, они могли, не выходя никуда, все слышать. Они наверняка пользовались оперативной прослушкой.*

Ромашевский: Возможно... Я, знаете, все равно думал, что это будет моя последняя поездка. В то время я уже очень активно работал в Комитете защиты рабочих, моя фамилия была известна, я уже открыто выступал, и я очень сильно сомневался в том, что мне вообще разрешат выехать за границу. Я не хотел обращаться к своим русским друзьям за приглашением, чтобы их не компрометировать, и пошел в бюро путешествий «Орбис», чтобы мне организовали, как было в то время, индивидуальный выезд в Союз. Они взяли с меня деньги, но спустя неделю или 10 дней сказали, что мне отказано. Ну, не удалось — так не удалось, ничего не поделаешь. И, представьте себе, сижу я у себя в институте, и вдруг звонят из «Орбиса»: «Вы хотели ехать в индивидуальном порядке в Советский Союз?» Я говорю: «Да». — «Видите ли, тогда это никак не получалось, а сейчас есть возможность выехать в другие сроки. Вы бы хотели?» Я ничего не понимаю, но говорю: «Конечно. Да». — «Тогда, пожалуйста, придите завтра». Я

подумал, что это шутки ради, но меня и вправду пустили. Так что, наверное, где-то этот вопрос решался. Возможно, они считали, что я какой-то скандал устрою, где-нибудь в ГУМ-е публично протестовать буду. И какие-то «бетонные» круги считали, что таким образом я скомпрометирую Герика... Черт знает, я этого не могу разобрать, какая у них цель была. Но несомненно они об этом знали.

— *А вы не боялись провокации? Ни на границе, ни на таможене ничего не было?*

Ромашевский: Нет, зачем? Они за мной все время следили. Я в Варшаве от них ускользнул, потому что боялся, что меня на границе снимут. Я переоделся в Варшаве, ездил много, все поменял: садился в поезд не на том вокзале, на котором должен был садиться. Со мной ехал такой директор завода машиностроения из Радомского воеводства. И ехал какой-то из торговли человек. Вдруг я стою в коридоре, а тот торгующий подходит ко мне и говорит: «Слушайте, он стучит на вас». Когда вошли русские, директор пошел к ним и сказал, что тут едет известнейший польский диссидент. Они взяли мои бумаги, посмотрели, понюхали... Но приказ есть приказ. Приказа нет — значит, лучше знают в Москве, если разрешили въезд.

В Москве я хотел встретиться с Сахаровым, но Андрея Дмитриевича в то время не знал, и меня к нему должен был вести Войнович. Он был приятелем нашей подруги, и она договорилась с Войновичем. Но Войновича я вообще не смог найти: когда я пришел, его как раз не было, а там консьержка сидела и смотрела сверху вниз, так что записку под дверью я тоже не мог оставить. А это из конца в конец Москвы — три дня могло пройти, и я бы вообще никуда не попал. И тогда я решил прямо зайти. Мать Елены Георгиевны мне открыла. Я сказал, что приехал из Польши, что я из Комитета защиты рабочих и хотел бы встретиться с Андреем Дмитриевичем. Она сказала, что он сейчас на даче, но, наверное, захочет увидеться. И в десять часов вечера, когда я был у своих знакомых, позвонил Андрей Дмитриевич. Я, конечно, хотел, чтобы это было уже скорее позади, потому что боялся, что меня арестуют. Он спросил, когда мы можем встретиться. Я сказал: «Хоть сейчас». — «Тогда, пожалуйста, заезжайте». Я в одиннадцать часов приехал.

В своей книге Андрей Дмитриевич пишет, какой я элегантный пришел на встречу. А дело было

в том, что когда я выезжал из Варшавы, я хотел совершенно поменять свой вид. Я у этой нашей подруги переоделся и надел именно этот костюм, галстук — все как надо, почти как сенатор выглядел, — надел какую-то шубу, чтобы вся эта «делегация», которая за мной шла, меня потеряла. А обычно я, конечно, ходил в свитере...

Часа в два беседа кончилась. Андрей Дмитриевич сначала меня проэкзаменовал по физике. Он хотел узнать, действительно ли я профессионал или кого-то ему подбрасывают. Мы разговаривали о физике: о том, чем я занимаюсь, о новых публикациях, о том, что я думаю на такую-то тему, о том, что он занимается тем-то, а я слышал об этом... Так мы разговаривали с час. И он, я думаю, уверился, что я нормальный физик, а не гебешник. Никакой гебешник не мог знать физики так, как я ее знал, когда защитил кандидатскую и читал все подряд. Думаю, экзамен я сдал. И тогда он меня пригласил в другую комнату. Он как раз принимал какого-то лагерника, и мы с ним побеседовали. А потом, где-то в час ночи он позвонил Тане Великановой, и мы договорились на следующий день с ней и с Лавутом.

— *А что это была за встреча? Где? Вы не помните?*

Ромашевский: У Станислава Нейгауза в доме. Это я как раз помню: стоял большой рояль...

Лавут: Этих людей сейчас нет, они в Америке. Дом семейства Закс, хорошо известного литератора Бориса Германовича Закса, он долго работал в «Новом мире». Это тоже на улице Чкалова, в доме, где много всяких мемориальных досок: там Чкалов когда-то жил, Маршак, еще кто-то. Дом Заксов, как мы считали, тоже был под наблюдением, поэтому мы перешли в другую квартиру. Збигнев рассказывал, что у них происходит, как они действуют, об изданиях, которые у них выходят. Издания уже не самиздатские в нашем понимании, изданные типографским способом. О том, что МВД производит налеты, забирают что найдут — где-то забрали 5000 экземпляров. Я сказал, что мы только и мечтаем о том, чтобы у нас забрали пять тысяч экземпляров. У нас забирали по пять экземпляров.

Говорили мы по-русски. Збигнев хорошо знает язык. Были планы сотрудничества. Конкретно обсуждалась идея издания. Не помню сейчас, говорили мы о каком-то совместном сборнике или

Александр
Лавут

речь шла уже о регулярном издании: что там будут опубликованы несколько статей советских диссидентов. Речь шла о статье Сахарова и еще каких-то материалах по правозащитной деятельности, а также о связях, которые мы, может быть, сумеем подготовить. Мы договорились о следующей встрече, но она уже не состоялась... Мы обсудили, что там происходит, что здесь и что мы могли бы делать вместе — речь шла о публикациях. Может быть, еще о какой-то помощи, потому что, хотя их там свирепо преследовали, у них были свободные связи с заграницей. Например, Збигнев мне дал телефон Куроня и сказал, что по этому телефону можно звонить в любое время суток, там всегда кто-нибудь дежурит, это как бы такой штаб. Что звонят все время — из Польши, из Франции, откуда угодно. Но это тоже по нашим понятиям было верхом либерализма... Один разговор с заграницей, в котором мы лишь чуть-чуть касались какой-то темы, — и телефон отключался.

Хорошие планы были. Что они издадут наши материалы и будут регулярно передавать свои. Что они будут передавать нам свои издания. Несмотря на все трудности, все-таки кто-то будет ездить и привозить. Говорили о нашем самиздате, о «Хронике» тоже. Кстати, одно из первых заграничных изданий «Хроники» было по-польски. У меня эта книжка была, но кто-то ее зачитал. Там было первых 16 выпусков с предисловием. Это издание середины 70-х. Издано не в Польше, а за границей, 16

выпусков: первые 12 — полный перевод с очень несущественными сокращениями, а 4 — в изложении.* У меня она была много лет и даже при обыске ее не взяли. Не догадались.

Ромашевский: Это была странная встреча. Я всегда ходил по такой перепуганной серой Москве, где все так смотрели, разговаривали тихим голосом. И вдруг я выхожу на улицу с Татьяной Михайловной и с Лавутом, и они прямо говорят все, что думают. Никаким не шепотом, а прямо. Вообще это было для меня удивительно. Мы у Курского вокзала шли тогда и разговаривали. Я в первый раз такое в Москве видел, что существуют люди, которые вообще не боятся. Татьяна Михайловна — очень симпатичная женщина.

Говорили о конкретных изданиях. Я им рассказывал, как это у нас делается, сколько людей, какие вопросы. Вступление какое-то сделал, потому что их не было при моем разговоре с Андреем Дмитриевичем. Говорил о наших связях с чехами, с кем мы встречались, какие у нас планы, что мы хотим делать и так далее. Чехам мы просто печатали, но здесь переброска тиражей была бы намного труднее. Так что этого вопроса мы тоже касались.

— *У вас с чехами были совместные издания?*

Ромашевский: Нет, их издания печатались в Варшаве и перебрасывались через границу. У нас более развитая полиграфия.

— *А о чем еще говорили?*

Ромашевский: О технических вопросах: кто, где, какие адреса, какие контакты, что мы можем для них напечатать, какие мы примем совместные решения, каким образом пересылать их друг другу... О совместных выступлениях — например, о Катыни, в защиту заключенных и так далее. Об этом говорили. Я хотел просить Андрея Дмитриевича, чтобы он написал для нас какую-нибудь большую статью о ситуации у русских оппозиционеров. Но до этого не дошло. Посыпались все эти удары, и он не сумел ее закончить.

— *А для какого издания?*

Ромашевский: О, в то время много было уже изданий. «Информационный бюллетень», «Го-

лос» и многое другое. Наши масштабы в то время — по пять-десять тысяч тиражи. У нас это немножко по-другому решалось. Госбезопасность довольно глубоко инфильтрировала активные круги. Не было полного террора по всей стране, но была глубокая инфильтрация всех активных кругов, католических движений и вообще всех движений. Даже какое-нибудь Общество разведения канареек, и то было инфильтрировано.

— *По ощущениям эта поездка все-таки была для вас приключением?*

Ромашевский: Я был уже довольно взрослый человек. 39 лет мне было в то время. Но, конечно, это было приключение. А кроме того, это был прецедент, который показывал, что можно преодолеть этот контроль. Эти связи поддерживались некоторое время. Не я ездил — ездили другие люди.

Потом очень быстро круг Андрея Дмитриевича разбили. Вскоре арестовали Лавута, потом Таню Великанову. А потом и Андрея Дмитриевича отправили в Горький... Но до тех пор мы успели выпустить совместное заявление о процессе 1979 г. в Праге, а потом Комитет защиты рабочих выступил в защиту арестованных Великановой и Лавута. Так что эти связи по мере возможности осуществлялись. Это были очень тяжелые времена для русских диссидентов: многих выгнали за границу, остальных посадили.

Мой последний разговор с Андреем Дмитриевичем был 7 или 8 декабря 1989 года, за несколько дней до его смерти, во время пресловутых дебатов на тему 6-й статьи конституции... Это был очень надломленный человек: чувствовалось в его гололе, что он очень сильно все переживал. Год 79-й, когда я его встретил, — это было очень трудное время... Конечно, он предчувствовал, что надвигается сильный удар по диссидентам, что будут аресты и что у нас это развивается намного быстрее и легче. Но все равно тогда он не испытывал такого... ну, что ли, разочарования. Чувствовалось, что он будет стоять на своем посту, принимать всех этих лагерников, все, что сможет, будет делать... Что это суть его жизни и это ясно и определено. А через десять лет, в декабре 1989-го, когда я с ним разговаривал, я слышал в его голосе много сомнений: надо ли вообще вместе с этой — как бы сказать? — сволочью что-либо делать... Хотя, казалось бы, он депутат и что-то может. Но оказалось, что его возможности не так сильно возрос-

* А.П.Лавут говорит о первом томе трехтомного польского издания (27 выпусков «Хроники текущих событий» полностью), вышедшего в Лондоне в переводе Шимона Шехтера и Нины Карсов. — *Ред.*

ли, как можно было ожидать. Что проблемы остались те же, а возможности очень-очень слабо возрасли. Я приглашал его в Польшу — приехать и представить ситуацию в России. Он сказал, что, возможно, в январе найдет время, чтобы приехать на 2-3 дня в Варшаву, что он очень заинтересован... Но через два дня я узнал, что его уже нет в живых. Тогда я сел прямо в самолет и прилетел на похороны.

Когда я в 1979 г. приехал в Москву, я тогда прощался со всеми своими тамошними друзьями, сказав, что, может быть, это мой последний приезд: я не хотел, чтобы за ними начали следить, выяснять связи со мной. Тем более, что это были люди, совершенно непричастные к диссидентским, оппозиционным действиям. И когда мы прощались, я

сказал, что приеду теперь в Москву или в качестве посла, или каким-нибудь подобным образом.

Когда я приехал в Москву в декабре 1989-го, перед аэропортом стояла машина посла с флажком. И я ездил на посольской машине. Они боялись, как чёрта, того, что будет происходить: приехал такой известнейший оппозиционер, — и посол отдал свою машину. Уже в Шереметево — я летел самолетом — оказалось, что я прилетел с эскортом в пять человек с полным арсеналом: наручниками, эполетами, черт знает с чем еще они летели со мной самолетом. Я вышел в аэропорту и увидел милицейскую машину и подумал: все, конец моему путешествию.

— *Так оно и вышло?*

Ромашевский: Нет, они всего лишь ждали этих пятерых, взяли их и увезли.

Збигнев Ромашевский (род. в 1940 г. в Варшаве) после окончания физфака Варшавского университета работал в Институте физики Польской АН (1964-1983), где в 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1967 г. собирал подписи в защиту исключенного из университета Адама Михника; в 1968-1969 гг., будучи стипендиатом Физического института в Москве установил знакомства в близких к правозащитникам кругах. В 1975-1976 гг. подписывал письма протеста против поправок к конституции ПНР. В сентябре 1976 г. стал сотрудником только что созданного Комитета защиты рабочих, вместе с женой Зофьей руководил оказанием материальной помощи репрессированным участникам рабочих демонстраций в Радоме. С сентября 1977 г., будучи членом Комитета общественной самозащиты КОР (в который преобразовался Комитет защиты рабочих), вместе с женой руководил бюро помощи, которое собирало и публиковало информацию о нарушениях прав человека милицией и судами и помогало преследуемым. Соавтор «Документов беззакония», вышедших в 1979 г. в независимом издательстве НОВА; один из организаторов Хельсинкской комиссии, которая в 1980 г. составила «Мадридский доклад» о состоянии прав человека в ПНР. С сентября 1980 г. возглавлял комиссию помощи и правозаконности «Солидарности» Мазовии. Во время военного положения работал в подполье, был членом подпольного регионального руководства «Солидарности» Мазовии и организатором (вместе с женой) подпольного радио «Солидарность»; в 1982 г. арестован, осужден на 4 с половиной года тюрьмы. Во время отсидки проходил по новому делу — членов Комитета общественной самозащиты КОР. Освобожден в 1984 г. по амнистии. Выйдя из тюрьмы, работал редактором в научном журнале по физике; вновь организовал комиссию помощи и правозаконности, которую возглавлял до 1989 г. В 1988 г. был одним из главных организаторов неофициальной Международной конференции прав человека в Кракове, в которой приняли участие свыше 1200 человек. В 1989 г. как член Гражданского комитета при Лехе Валенсе принимал участие в заседаниях «круглого стола» (в подгруппе по делам реформы законодательства и правосудия). В том же году был избран сенатором по списку «Солидарности» и председателем сенатской комиссии прав человека и правозаконности. С 1996 г. — один из лидеров правого «Движения реконструкции Польши» и сенатор, избранный по его списку.

Александр Лавут (род. в 1929 г. в Москве) — математик, правозащитник. В мае 1969 г. стал членом Инициативной группы защиты прав человека в СССР, за что был уволен с работы в Московском университете одновременно со своим другом Сергеем Ковалевым. Подписывал многочисленные открытые письма в защиту жертв политических преследований. С начала 70-х принимал участие в составлении «Хроники текущих событий», в частности целиком подготовил 31-й выпуск «Хроники», посвященный проблеме крымских татар. После ареста Татьяны Великановой (ноябрь 1979) взял на себя обязанности редактора, издателя и организатора «Хроники». В апреле 1980 г. арестован и за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» осужден на три года лагеря, которые отбывал в Хабаровском крае. Перед концом срока вновь арестован и осужден на пять лет ссылки за то же «распространение... среди лиц, лишенных свободы». освобожден в декабре 1986 г., вернулся в Москву. В настоящее время сотрудничает с обществом «Мемориал», был, в частности, наблюдателем во время первой чеченской войны. В 1996 г. побывал в Польше, на международной конференции «Время диссидентов», организованной центром «Карта» в Подкове-Лесной.

К.М.

КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ

Телеграмма Комитета общественной самозащиты КОР Андрею Сахарову от 19 июля 1978 года

Мы направляем Вам наш протест против жестоких приговоров трем правозащитникам: Пяткусу, Гинзбургу и Щаранскому. Мы едины с Вами в солидарном противостоянии драконовским гонениям, обрушивающимся на инакомыслящих. Мы поддерживаем Ваш призыв ко всем людям доброй воли во всем мире предпринять действия в защиту осужденных.

А.Д. Сахаров

В защиту арестованных членов Комитета защиты незаконно преследуемых в ЧССР

Заявление Комитета общественной самозащиты КОР и московских правозащитных групп, июль 1979

Мы, русские и поляки, объединенные общей борьбой за соблюдение прав человека, обращаемся к нашим чешским и словацким друзьям из «Хартии-77», незаконно арестованным властями ЧССР. Мы обращаемся ко всем людям доброй воли в СССР,

В июне 1976 г. в ответ на объявленное резкое повышение цен на продукты питания на нескольких десятках предприятий по всей Польше вспыхнули забастовки. В Радоме рабочие вышли на улицы. Милиция жестоко подавляла демонстрации: их участников и случайных прохожих хватили, а потом в камерах предварительного заключения прогоняли сквозь строй (это называлось «тропинки здоровья»). Вскоре начались процессы.

Представители оппозиционной интеллигенции предложили семьям обвиняемых и осужденных из Радомы и Урсуса финансовую и медицинскую помощь, а самим обвиняемым — помощь юридическую: лучших адвокатов, известных по политическим процессам.

В результате возникла первая в ПНР открытая оппозиционная организация, которая публично вела кампанию помощи репрессированным и в то же время информировала общественность о действиях властей. 23 сентября 1976 г. был оглашен «Призыв к обществу и властям ПНР», подписанный Комитетом защиты рабочих и 14 его членами-основателями:

«Жертвы нынешних репрессий не могут рассчитывать ни на какую помощь и защиту созданных для этого институтов, например профсоюзов, роль которых плачевна. В таких обстоятельствах эту функцию должно взять на себя общество, в интересах которого выступили репрессированные, потому что у общества нет других методов защиты от произвола, кроме солидарности и взаимопомощи.

Поэтому нижеподписавшиеся создают Комитет защиты рабочих в целях организации всесторонней защиты и помощи. Не менее важна полная информация о репрессиях. Мы уверены, что успешную защиту можно обеспечить, только предавая огласке действия властей».

В КОР входили представители разных кругов и поколений — довоенные социалисты, такие, как выдающийся экономист профессор Эдвард Липинский или адвокат Анеля Стейнсбергова, руководители подполья времен войны, борцы за независимость Польши, репрессированные после войны коммунистами Юзеф Рыбицкий и Антоний Пайдак, харизматический священник о. Ян Зея, герои марта 68-го Яцек Куронь и Адам Михник, борец за независимость Войцех Зембинский, представители независимого харцерского [скаутского] движения Антоний Мацеревич и Петр Намский, выдающаяся актриса Галина Миколайская, писатели Ежи Анджеевский, Станислав Баранчак, Анка Ковальская, наконец, пер-

вые организаторы помощи радомским рабочим (в т.ч. Мирослав Хоецкий и Богдан Борусевич), а также Ян Юзеф Липский.

В общей сложности КОР, а затем КОС-КОР насчитывал около 40 членов; круг его помощников неуклонно расширялся. При КОРе было создано бюро помощи, выпускались два подпольных издания: «Информационный бюллетень» и литературный ежеквартальный журнал «Запис».

В мае 1977 г. был убит один из помощников КОРа, краковский студент Станислав Пыяс. Это спровоцировало первую за несколько лет независимую массовую демонстрацию: в Кракове тысячи людей приняли участие в траурном шествии. Был создан Студенческий комитет солидарности.

Деятельность КОРа за год, хоть и была оплачена многочисленными преследованиями и арестами самых активных его членов, в конце концов привела к освобождению в июле 1977 г. всех арестованных за Радом и Урсус.

26 сентября 1977 г. КОР был преобразован в Комитет общественной самозащиты, в число задач которого, в частности, входило: «Борьба с репрессиями по политическим, идеологическим, религиозным, расовым мотивам и оказание помощи жертвам этих репрессий (...) Поддержка и защита любых общественных начинаний, направленных на осуществление прав человека и гражданина».

КОС-КОР старался установить контакты с оппозиционными организациями в соседних странах. В августе 1978 г. удалось провести встречу с представителями «Хартии-77» на польско-чехословацкой границе. Тогда же было сделано совместное заявление в связи с десятой годовщиной вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию.

В октябре 1979 г. в варшавском костеле Св. Креста в течение недели проходила голодовка в защиту арестованных членов «Хартии-77».

Важной областью деятельности КОС-КОР были формирование и поддержка независимых общественных начинаний, таких, как независимые профсоюзы, Товарищество научных курсов или независимое книгоиздательство НОВА. Так оппозиционная деятельность становилась широким общественным движением.

КОС-КОР прекратил свою деятельность 23 сентября 1981 г., когда счел, что его роль теперь выполняет независимый самоуправляющийся профсоюз «Солидарность».

Польше и во всем мире, к правительствам и гражданам всех государств.

Мы верим, что каждый, кого сажают и преследуют за то, что он говорит правду и защищает справедливость, одерживает победу уже своей жертвой. Мы верим, что идеи, за которые преследуют Ярмилу Беликову, Вацлава Бенду, Отку Беднаржову, Иржи Динстбира, Вацлава Гавела, Ладислава Лиса, Иржи Немеца и Дану Немцову, Петра Уля, Ярослава Шабату и других защитников прав человека в Чехословакии, России и Польше, будут побеждать в сердцах и умах чехов, словаков, поляков, русских и сблизить наши народы вопреки политике их правительств. Мы верим, что все вместе — нашим трудом, свидетельством, жертвой — мы завоюем победу правды и справедливости в жизни наших обществ.

Мы знаем, что только под общественным давлением наши чехословацкие друзья, арестованные в конце мая, смогут выйти на свободу. Мы сделаем все, чтобы сократить их пребывание в тюрьме, и верим, что в этом нам помогут люди доброй воли во всем мире.

Комитет общественной самозащиты КОР (подписи всех 33 членов комитета):

члены Московской Хельсинкской группы: Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Мальва Ланда, Елена Боннэр, Юрий Ярым-Агаев, Наум Мейман, Софья Калистратова;

распорядитель Русского общественного фонда помощи политзаключенным Арина Жолковская-Гинзбург;

член Инициативной группы защиты прав инвалидов Юрий Киселев;

члены Рабочей комиссии по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях: Леонард Терновский, Вячеслав Бахмин; Андрей Сахаров, Татьяна Великанова, Георгий Владимов, Александр Лавут, Иван Ковалев, Нина Комарова, Владимир Малинкович, Мария Петренко, Ирина Гривнина, Игорь Хохлушкин.

К.М.

Марек Зеленевский

ПОДАЙ РУКУ КОЗАКОВІ...

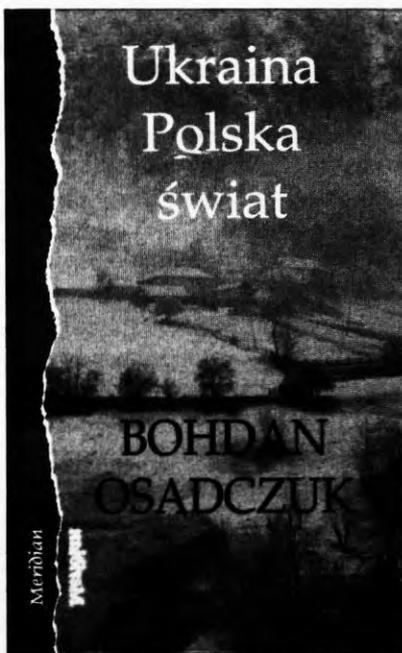
«Украина, Польша, мир» Богдана Осадчука

«Это не вопрос веры. Для того, чтобы наши кости могли лежать рядом, должно вымереть мое поколение, а может, и следующее», — говорил мне десять лет назад в одной деревне Жешувского воеводства старый украинец. Сам он был тогда уже почти при смерти — слег от туберкулеза. Этими словами Вольчко (я запомнил его фамилию) отвечал мне, в то время молодому репортеру журнала «Впрост», который все еще был способен «удивляться миру», на вопрос: почему поляки и украинцы в деревне, насчитывающей сто домов, лежат на двух разных кладбищах, почему не могут уместиться на одном? По прочтении книги «Украина, Польша, мир» замечательного украинского публициста Богдана Осадчука (1920 г.р.), неутомимого исследователя Восточной Европы, я осмеливаюсь утверждать, что, может быть, не понадобится десятилетий, чтобы смогли лечь рядом бранные останки представителей столь близких и, вместе с тем, столь отдаленных народов.

Почему я говорю об «отдаленных народах»? Потому что нас по-прежнему разделяют ложные стереотипы, выборочно воспринимаемая история и несведенные счета. Недавно в эфире радиостанции, пользующейся популярностью на берегах Вислы, я услышал признание известного ведущего: желая, вероятно, развлечь слушателей, он сказал, что когда ему «особен-

но тяжело на душе», он утешается мыслью, что ему «не выпало родиться и жить, например, на Украине». Стоп, господин журналист. Прежде чем с таким легкомыслием ассоциировать с Украиной все дурное и болезненное, примите во внимание хотя бы факты. А факты таковы: в 2000 г. эту «например, Украину» ожидает прирост ВВП свыше 5%, промышленное производство возросло там на 12%, в приватизированных отраслях, которых на Украине становится все больше, динамика роста достигла 35%, рост реальной зарплаты — 10%, внутренняя задолженность страны понизилась на 2 млрд. долларов. Европейская комиссия признала это государство «страной с рыночной экономикой». Разумеется, молодому, чрезвычайно амбициозному и динамичному премьер-министру Украины Виктору Ющенко предстоит преодолеть еще не-

малый путь к нормальной экономике и скромным жизненным стандартам, какими сегодня может похвалиться даже самая бедная страна Европейского союза. Но не забудем, что и нам, «тигру Центральной Европы», в последнее время, пожалуй, несколько захромавшему, тоже еще далеко до выполнения брюссельских требований. Гордясь иногда перед гражданами Западной Европы тем, что у нас «гастарбайтеры — украинцы», не забудем, что для многих из нас еще недавно пределом мечтаний была немецкая виза и «левая» работа за несколько ма-

рок в час. Так что давайте относиться без высокомерия к нашим восточным соседям и воспринимать факты с большей долей смирения. А главное, не надо стремиться любой ценой «нести цивилизацию» — на наш манер и с катехизисом в руках — «дикому Востоку», чем отличается «Польская община» во главе с Алицией Гжеськовяк и Анджеем Стельмаховским, достигая при этом результатов, прямо противоположных задуманному.

Но настоящее, к счастью, можно изменить. Изменить прошлое, увы, нельзя. Мое поколение — те, кому сегодня под сорок, — росло, читая «Зарево в Бещадах» или смотря по телевидению «Сержанта артиллерии Каленя». Мне, в то время подростку, врезалась в память сцена с участием благородных, героических польских солдат, которых губили бандиты-бандеровцы на минном поле. Предполагаю, что она еще долго определяла бы мои представления о польско-украинских отношениях середины 40-х (потому, хотя бы, что о бесславной «Акции Висла» ученикам школ в ПНР особо не рассказывали), если бы, уже пробуя силы в журналистике, я не встретился с одним, ныне давно покойным генералом, начинавшим офицерскую карьеру еще в довоенной Польше. Этот генерал (из жалости не назову его) долго с пафосом рассказывал мне о «рыцарственности и чести польского воина», а потом вдруг — кажется, после третьей порции виски — крайне сентиментально принялся вспоминать, как он «со своими парнями, с уланами, въехали в украинскую деревню и головы сукиных сынов падали под саблями, как маковки». «Сукиных сынов», т.е. украинских мужчин, женщин, детей и стариков.

Глубокоуважаемый читатель «Новой Польши»! Я вполне умышленно не пишу о «стратегическом партнерстве» Третьей Речи Посполитой и с недавнего времени свободной Украины, о котором не устают напоминать политики, ибо декларации политиков — не самое главное. Зато я вполне умышленно обращаюсь к свободным ассоциациям, эпизодам, мифам и всему, чем когда-то кормили мое поколение, как только раздавалось слово «Украина». В конце концов, к реальным отношениям между на-

родами количество рукопожатий Кучмы и Квашневского имеет весьма малое отношение. В сто раз важнее, как в ближайшее время почувствует себя поляк во Львове, на кладбище «Львовских орлят», или как будет обращаться с украинцем на границе польский таможенник. Пусть вместе с вышеупомянутым престарелым Волычко скончаются и предубеждения. В совершении этого труда, действительно заслуживающего памяти в веках, труда, которому столько энергии и решимости посвятил Ежи Гедройц, может помочь книга Богдана Осадчука «Украина, Польша, мир».

В ней нет всеобъемлющего образа, чудесного универсального рецепта — это всего лишь избранные статьи и репортажи «восточного европейца». Всего лишь — но в то же время, как это много! Осадчук, который мог бы быть моим дедом, говорит со мной совершенно внятно, почти с юношеским жаром и надеждой. С надеждой, говоря высокопарно, на строительство моста между былыми и новыми временами, между поколением, отравленным памятью о пролитой крови, и теми, кто без эмоций пожелает — здесь и сейчас — попытаться убедить своих отцов и детей в чем-то весьма рациональном. «Без Украины европейский дом не будет вполне устойчивым», — сказал недавно на страницах журнала «Впрост» премьер-министр Ющенко. Вопрос, который, как мне кажется, задает Осадчук и который, пожалуй, по-прежнему остается без ответа, можно сформулировать так: станем ли мы в этом будущем европейском доме относиться к нашим соседям-украинцам как к бедным родственникам — время от времени одаряя их красивыми фразами, — или же гостеприимно встретим их как друзей?

Автор — заместитель главного редактора еженедельного журнала «Впрост»

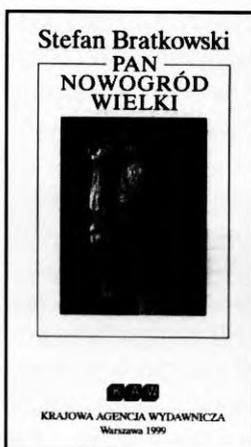

Александр Липатов

В струны великих играет Восток...

Размышления по прочтении

«Господина Великого Новгорода» Стефана Братковского

Польский публицист и писатель, увлеченно занимающийся историей и современностью, журналист и общественный деятель, мыслящий в универсальных категориях историософии, культурологии, межнациональных отношений и общесоциальных проблем, Стефан Братковский являет собой тип поляка-европейца. «Родословная» таких польских мыслителей, издревле противостоящих национальному провинциализму со всем букетом присущих ему «добродетелей»: от самовосхваления и самопротивопоставления другим народам до осознанной самоизоляции и неосознанного самоосмещения — восходит еще ко временам Средневековья (когда Польша открылась для универсального мира ценностей уже христианизированной Европы) и зиждется на традициях возникшей тогда польской высокой культуры, где национальное осознается как животворное и активное составляющее всеобщего — европейской цивилизации.

Принадлежность к такому типу национальной культуры исключает националистические ограничения и идеологические разграничения. В случае же С. Братковского это, может быть, следует особо отметить из нашего «российского далека», ибо, обращаясь к русской древности и, выводя из нее определенные закономерности российской современности, представитель народа, на протяжении последних двух с полови-

ной веков — от царизма до «социализма» — столь претерпевшего от Большого Брата во славянстве, не сходит в своих размышлениях с уровня высокой культуры и связанного именно с ней типа представлений на уровень сведения соседских счетов.

Этот свойственный Братковскому уровень интеллектуальной позиции обуславливает высоту его обзора, а тем самым и широту обозрения. И именно этот европейский уровень единит его с высокой неофициальной русской культурой.

В своих размышлениях над русской историей Братковский своим путем польского европейца и нашего современника приходит к тем узловым проблемам и «проклятым вопросам», которые ставили и пытались по-своему разрешить независимые от институтов государства и Церкви представители российского гражданского общества. Эти проблемы и эти вопросы по-прежнему сохраняют свою актуальность, особенно теперь, когда Россия в очередной раз пытается постичь самое себя, дабы в очередной раз обновить свою государственность. А посему россияне в очередной раз сталкиваются с необходимостью прояснения и уяснения: а что же было до этого? Как и почему менялись и ломались государственные формы национального бытия?

Возвращающийся в постсоветскую Россию и заново здесь открываемый философ, публицист, поэт В.С. Соловьев констатировал: «Христианское государство, только намеченное в Киеве, уступило место татарско-византийскому деспотизму Москвы и тевтонскому абсолютизму Санкт-Петербурга». А.И. Герцен еще раньше отмечал: «Аскольд и Дир были единственные порядочные люди из всех пришедших с ними пешком в Киев. Единственный период в русской истории, который читать не страшно и не скучно, — это Киевский период».

«Какова же общая причина этого великого исторического отклонения? — ставит вопрос В.С. Соловьев. — Отчего росток социального и политического христианства, посаженный на русскую почву девятьсот лет тому назад, так скоро уступил злотворным влияниям? Какая сила или злой рок подменил в христианской Руси идеал Владимира Святого идеалом Навуходоносора?» Этот вопрос, прозвучавший в опубликованной во Франции в 1888 г. на французском языке статье «Владимир Святой и христианское государство», вызвал широкий резонанс (в том числе и в Польше). По сей день многовековые, чисто российские самопотрясения и сугубо российские шараханья из одной крайности в другую отзываются трагедиями и болью отнюдь не только в судьбах народов в границах самой России. Поляки, географически ближайшие соседи, испытали это сполна начиная со второй половины XVIII в., когда их страна при российском соучастии была стерта с политической карты Европы. В Сибири и Казахстане до сих пор живут не только потомки сосланных в царские времена поляков, но и жертвы массовых депортаций советского времени, а в самой Польше — десятки тысяч родственников тех, кто был убит в Катynie и

после Катюши, замучен в советских концлагерях либо стал жертвой репрессий в послевоенные времена сталинского построения «народной демократии» на польских землях, когда немецкую оккупацию сменила советская.

Именно эта длительная полоса российско-польской истории, когда на протяжении двух с половиной веков прошлое постоянно актуализировалось настоящим, породила в массовом сознании и общественной памяти поляков тот комплекс отношения к России и тот синдром ее восприятия, которые создала она сама своей государственной политикой великодержавности и национализма. Государственной, ибо не тождественной народной, как политика властной элиты России не тождественна русской культуре, которую она ограничивает, порой подавляет, а временами почти полностью подчиняет себе, заслоняет собою и выдает за свою, тем самым компрометируя ее в глазах других народов.

В созданном Москвой «мертвом механизме» государственного подавления народного начала ничего не изменилось после большевистского переворота, который, по афористичному определению Кухажевского, был лишь переходом «от белого царизма к красному». (Немецкий социал-демократ К. Каутский еще раньше, в ленинские времена, констатировал то же самое, употребляя вместо слова «царизм» слово «рабство»). Это разделение понятий народа и государства началось в русской мысли вместе с формированием гражданского общества и отчетливо просматривается в воззрениях зачинателей славянофильства. Они же провели резко очерченную грань между огосударственной Церковью и истинным православием. Недавнее изменение в законодательстве нынешней России, вводящее ограничения для «нетрадиционных конфессий», — не отражение ли опасения, происходящего из тех же представлений о роли государства в жизни церковной и общественной?

Институциональное, государственно-церковное подавление русского и других народов империи служило институциональному же самосохранению («консервации», как пояснял Николаю II К.П. Победоносцев — обер-прокурор Святейшего правительствующего синода) в ущерб отечественному саморазвитию. Не отсюда ли поразительный по своим масштабам, жестокости и быстротечности крах царизма, а затем и мгновенный самораспад сменившего его большевизма: обе эти системы были — воспользуемся определением наших крупнейших мыслителей XIX в. — неорганичны для народа, а посему и внеположны его представлениям и устремлениям. Не отсюда ли и варварское разрушение храмов, публичное сожжение икон и церковных книг, наконец, массовое уничтожение духовенства недавними православными, которые как бы «вдруг» вняли большевистской демагогии и превратились в безбожников. (Плоды этой государственной деморализации большевиками, пользуясь их терминологией, «масс» Россия пожинает по сей день, занимая первое место в мире по количеству заключенных, лидируя в коррумпированности всех ветвей власти, криминализации не только социальных отношений, но и самого некогда «великого, могучего и свободного» русского языка.)

Уяснение неоднозначности понятия «Россия», разделение России официальной и внеофициальной, огосударственного русского православия и православия внеинституционального (т.е. внегосударственного Тела Христа, Церкви в изначальном значении этого слова, а не госоргана), российского государственного общества и российского гражданского общества — все это помогает осознать, что, помимо той «страны рабов, страны господ», с которой такими словами прощался Лермонтов, но до сих пор не распрощались мы, существует противостоящая ей Россия независимой общественной мысли, русского народного милосердия и общечеловеческой, по натуре своей, совести.

У русских такой образ своей родины появляется вместе с зарождением гражданского общества. Из иностранцев первым, кто так глубоко осознал неоднозначность страны, чужой ему и враждебной его родине, его культуре, его религии, был Адам Мицкевич. Изведавший гонения государственных властей (тюрьму, высылку в глубь империи), он познал Россию изнутри и обрел здесь верных друзей. Именно они являли собой исторически еще молодое гражданское общество и именно с этой внегосударственной Россией, Россией свободной мысли, связывал великий поляк, как и его земляки (вослед составляющим гражданское общество русским того прошлого и последующих времен), надежды на выздоровление и возрождение России. Отождествление же государства с народом — раньше и в наши дни — навязывается элитой власти, которая по-прежнему не сделала выводов из уроков истории. Культивируя великодержавность и национальную исключительность, сменяющиеся правители по-прежнему пытаются сцементировать не выдержавшую испытания временем такую государственность, которая была создана средневековым московским самодержавием, модернизирована большевистским тоталитаризмом и держалась подавлением личности, общества, нации, религии. Московскую идею «собрания земель» (которое на самом деле осуществлялось путем завоеваний и репрессий) верхи власти объявили «русской идеей», и она стала основой официальной идеологии, символом государственной веры, идеалом государственного общества.

Совсем иначе и по-своему представляли себе русскую идею русские мыслители — Чаадаев, славянофилы, западники, философы нашего Серебряного века: в рамках гражданского общества она обретала совершенно иной облик и смысл.

«Русская империя, — писал В.С.Соловьев, — отъединенная в своем абсолютизме, есть лишь угроза борьбы и бесконечных войн». И в другом месте: «Истинное величие России — мертвая буква для наших лжепатриотов, желающих навязать русскому народу историческую миссию на свой образец и в пределах своего понимания. Нашим национальным делом, если их послушать, является нечто, чего проще на свете не бывает, и зависит оно от одной-единственной цели — силы оружия». А чуть далее — иронично и горько: «Действительно, стоило России страдать и бороться тысячу лет, становиться христианской со Святым Владимиром и европейской с Петром Великим, постоянно занимая при этом своеобразное место между Востоком и Западом, и все это для того, чтобы в последнем счете стать орудием «великой идеи» сербской и «великой идеи» болгарской!» Это мысли из работы В.С.Соловьева «Русская идея», написанной в 1888 г. Что изменилось? Ведь будто теперь написаны эти строки. Как, впрочем, и следующие: «Россия еще не отрелась от смысла своего существования... Фальсифицированный продукт, называемый общественным мнением, фабрикуемый и продаваемый по дешевой цене оппортунистической прессой, еще не задушил у нас национальной совести, которая сумеет найти более достоверное выражение для русской идеи».

Это смыкание нашего прошлого с нашим настоящим — не только пессимистическое свидетельство преемственности нашей истории в сфере подавления России, русского народа и самой русскости государством, но и оптимистичное подтверждение независимого существования русской мысли, отражающей существование гражданского общества. А оно — основная предпосылка выхода из того исторического тупика, в который в очередной раз завел Россию тип московской государственности, связанная с ним идеология, созданные ею и традиционно реанимируемые стереотипы мышления. Все наше прошлое традиционно преподносится с точки зрения Москвы. Но иначе выглядит наша история в перспективе тех ценностей, которые, приняв христианство, создавал Киев. Иначе выглядит наша позднейшая история с точки зрения той системы правления и общественных отношений, которые были свойственны Новгороду, разрушенному и залитому кровью его жителей «собираательницей земель русских» Москвою.

Эти вопросы нашего известно-неизвестного прошлого, помогающие осмыслить наше неустроенное настоящее, дабы наконец-то, по словам, может быть, самого русского из современных русских мыслителей — А.И.Солженицына, все ж таки «обустроить Россию», эти вопросы привлекают и увлекают также и многих иностранных мыслителей. Имеются в виду не те, кто видит Россию в черном свете предубеждений, стереотипов злощестной «вечной угрозы» ценностям Запада, и не те любомудры, которые зрят ее лишь в розовой дымке литературщины, заслоняющей подлинные реалии, не те любители порассуждать о «загадочной русской душе» с бокалом бренди у теплого камина. Речь идет о серьезных мыслителях, знающих многоцветье нашей истории и видящих ее не в надуманной изоляции от всего остального мира, а в реальном контексте порой противоречащих ему взаимосвязей, речь идет о людях, пытающихся понять историю, не втискивая ее образ в заранее уготованное русло той или иной идеологии и не преломляя факты в призме слепых националистических предубеждений либо вполне обоснованных национальных обид и понятной патриотической горечи.

Эти размышления, ассоциации и рассуждения вызваны книгой С.Братковского. Уже это «само по себе» свидетельствует о личности автора, его эрудиции, его позиции, а тем самым и плоде его творческих усилий. Братковский продолжает один из польских путей познания России — тот, у истоков которого стоит Мицкевич. А то, что у Братковского получилось, — очень индивидуальное и очень польское, ибо личность автора, его темперамент, его стиль мышления и характер изъяснения насыщены польскостью, отражая польское знание России и именно польский опыт ее познания. Этот опыт неведом Западу: там познают Россию умом и на расстоянии, как правило, достаточно отдаленном, а посему не только безопасном, но и скрывающе-стирающем те характерные детали, штрихи, оттенки, без которых общий образ получается, может быть, конструкционно верным, но по-конструктивистски лишенным красочности, «мясистости» — иначе говоря, фактуры и натуре.

Польская колоритность повествования Братковского втягивает с первых же строк, ассоциируясь с русской колоритностью изложения серьезных материй Л.Н.Гумилевым. Наш историк мастерски владел приемами традиционного русского сказа, Братковский — его польским аналогом, гавендой. Гавенда (разговор, беседа, рассказ, рассказки и т.п.) — с древних времен свойственная шляхетской культуре манера устного повествования, где доминирует личность рассказчика: его характер, культурный уровень и житейский опыт предопределяют стиль изложения, аспекты освещения имевших место событий, способы толкования отношений и угол зрения в оценках подлинных персонажей. Гавенду как жанр высокой литературы вводит в поэзию А.Мицкевич, очарованный виртуозом этого устного повествования Г.Жевуским, а в прозу — сам Жевуский, ободренный уговорами знаменитого поэта взяться за перо.

Братковский — современный (и в художественном, и в мировоззренческом смысле) продолжатель этой польской традиции, уже ставшей классической. В его колоритном повествовании легендарная древность смыкается с историческим прошлым, порой ошеломляюще прорываясь в современность, как джазовая композиция «Господин Великий Новгород» в исполнении квинтета Вадима Сакуна, прозвучавшая на варшавском фестивале.

«Мы любим джаз — вопреки лжи ужасного времени, которое уходило с Польским Октябрем 1956 года. Эти русские, играющие в джазе, были нашими братьями». Так Братковский начинает открывать для себя неведомую полякам Россию, отождествляемую в массовом польском сознании с царизмом и большевизмом, Сибирью и Катюнью, жандармским насилием и чиновничьим произволом. Потом было чтение Чаадаева, обращение к российским, польским и западным исследователям. Потому-то книга о древнем Новгороде — это повествование о познании автором другой России, о собственном его преодолении привычных стереотипов и расхожих предубеждений. Потому-то его повествование, глубоко личное и сугубо личностное, вполне естественно и логично ассоциирует минувшее с нынешним. Потому-то его эрудированные выводы о событиях и персонажах истории сочетаются с эмоциональными, остроумными и тонкими замечаниями о нашем недавнем вчера или же, увы, длящемся сегодня.

Правда, справедливость, гуманность — ложь, насилие, ненависть. Это сквозные мотивы человеческого бытия, а следовательно, и творимой человечеством истории. Они-то и вызывают этические оценки и живую реакцию автора независимо от времени и места действия. Исследователь и писатель сливаются воедино, втягивая читателя в процесс открывания-познания-переживания прошлого, которое, по словам великого польского поэта-мыслителя Циприана Норвида, «есть сегодня, только несколько дальше».

Обращаясь к новгородскому (в отличие от традиционных киевского и московского) «полюсу» русской истории, Братковский-исследователь (к тому времени уже автор «Весны Европы», повествующей о начальном этапе нашей цивилизации) освоил огромную литературу предмета — зарубежную и российскую (от летописца Нестора до академика Янина) плюс византологию, славяноведение, работы, посвященные романо-германской проблематике. Древняя Русь (и столь своеобразная ее часть, как Новгород) рассматриваются им не столько на фоне Европы, сколько как органичная составная часть общего для всего континента процессов и явлений. Сам же тип свободного повествования, в котором доминирует личность автора, проявляется его индивидуальное мышление, собственное отношение к описываемым событиям и персонажам, наконец, сам его характер, склад ума и темперамент, вполне оправдывает (как и в случае Л.Н.Гумилева) несвойственные строгому академизму построения и выводы. Порой они основаны на предположениях, догадках, творческом воображении автора-эрудита: где рационально-логический анализ очерчивает свой предел кругом сохранившихся документов, а самоограничивающий свое воображение строгой фактографией исследователь, обуздывая свой темперамент (ежели таковой имеется), ставит точку, там раскованное мышление и интеллектуальное озарение влечет в неведомую даль.

Удастся ли им сию даль сделать ведомой? Читатель в зависимости от своего склада ума и степени своих знаний может либо воспринимать, либо подвергать сомнению, либо отвергать логичность и правдоподобие предлагаемой ему эвристики. Естественно, что единственным конечным и несомненным доказательством выдвигаемых предположений, связанных с ними тезисов и порождаемых ими выводов могут быть только конкретные факты. Но стоит ли ограничивать научное мышление только имеющимися фактами? Можно привести множество аргументов «за» и «против». Суть же в том, что абсолютизация той или иной из этих позиций приводит с одной стороны к вынужденному жесткому самоограничению научной мысли (которая вследствие этого останавливается, а тем самым утрачивает живость и жизненность саморазвития), с другой — научная мысль, утрачивая твердую фактографическую основу, превращается в некую разновидность научной фантастики, своего рода художественное творчество. Но это крайности.

Если же взвешенно принимать во внимание две имеющиеся в научном мышлении тенденции (условно говоря, рационально-эмпирическую и рационально-эвристическую), не абсолютизируя (а тем самым — не доводя до абсурда) ни одну из них, то терпимое отношение к ним будет лишь стимулировать живость научного дискурса. А он — непереносимое условие движения мысли. Будущие же возможные открытия археологии, палеографии, лингвистики, этнологии и фольклористики подтвердят либо опровергнут выдвигаемые гипотезы.

В подтверждение этого рационально-толерантного отношения к двум названным тенденциям можно сказать, что концепция Братковского о миграции в новгородские земли части западнославянского населения с земель исторической Польши недавно получила подтверждение в исследованиях А.А.Зализняком языка берестяных грамот. Точно так же реинтерпретация Братковским норманнских саг, преданий и мифов с целью воссоздания породивших их реальных событий и подлинных персонажей в ряде случаев находит подтверждение в фундаментальном труде известного американско-украинского ученого О.Прицака «The origin of Rus» (Harvard College, 1981. Укр. изд.: Походження Русі. Т.1. Київ, 1997). Гипотезу Братковского о первоначалах Новгорода укрепляют находки летней археологической экспедиции 2000 г., ведущей раскопки у Рюрикова холма около г. Волхова; обнаружено городище IX в., а о присутствии здесь варягов свидетельствует монета 839 г.

Сама же интерпретация «варяжского вопроса» в истории Руси сближает (если иметь в виду новейшие публикации) Братковского с такими известными учеными, как тот же О.Прицак на Западе, Н.Яковенко* на Украине, И.Н.Данилевский в России. Этих ученых объединяет осознанный выход за пределы идеологизированной историографии и отказ от исключаящих научную объективность «патриотических» шор, мешающих видеть окрест себя европейский

контекст и европейскую типологию русской истории, как, впрочем, и саму нашу конфессионально-культурную общность в универсальном кругу христианской эйкумены. В этой связи наша ситуация с варягами достаточно характерна для Средневековья. Ограничимся двумя примерами — западным и славянским.

Французы не ретушируют как нечто противоречащее «национальной гордости» и унижительное для «национального достоинства» тот факт, что, будучи романским народом, свое название, традиции собственной государственности и свою правящую династию они обрели не от самих себя и даже не от Рима, а от германского племени франков. Болгары не стыдятся, что основы их могущественного средневекового государства заложили не они сами, а пришедшее из Предураля — Волжской Булгарии — воинственное племя, которое дало им и правителей, и само название. В силу своей малочисленности, а может быть, прежде всего типа и уровня культуры завоеватели ассимилировались, приняв более высокую культуру славян и усвоив их язык. Не то же ли самое произошло и с призванными, по свидетельству Нестора, в Новгород варягами?

В этом, как, впрочем, и в других вопросах воссоздания ранней истории Новгорода Братковский представляет современную историографию: освобождаясь от «патриотической» оптики и традиционных государственно-националистических стереотипов официальной идеологии, она обретает подлинный облик науки, которая внеполножн роли обслуживания верхов власти и удовлетворения ее потребностей в романтической идеализации и сверху направляемом истолковании не всегда удобных фактов истории. Отсюда и «обратная связь» — обращение Братковского к современности, искажающей в угоду себе древность. Эти не скованные расхожими догмами и идеологическими доктринами размышления автора, его живой стиль и благорасположенность к России, соседство с которой было для Польши столь трудным, а порой и трагичным, стоят того, чтобы они дошли и до русского читателя, помогая ему понять искаженное идеологами и идеализированное фантазерами-дилетантами прошлое и настоящее. К слову сказать, поляки, у которых не было столь характерной для Средневековья «родословной», создают в XVI в. историографическую концепцию, утверждающую, что их предками было воинственное племя сарматов, некогда якобы покоривших нынешние польские земли. Отсюда пошло возвышенное величание своей родины «Сарматией», воинских доблестей шляхты — «сарматскими», а шляхетского этоса и культуры — «сарматством».

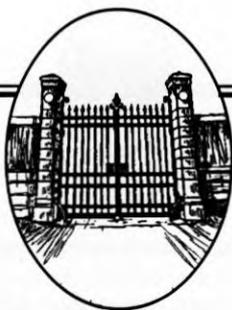
Для Братковского обращение к истории Новгорода стало открытием «другой» России и «другой» российской истории — не тираннии самодержавия и покорности рабства, а русской свободы и русской воли. Это то, что так близко истории демократий на Западе и современному европейскому мышлению, но, пожалуй, особенно притягательно для поляка: расцвет шляхетской демократии в ренессансной Речи Посполитой XVI в. предопределил не только исторический тип национального государственного устройства, но и национальный склад ума, культуру, тип самоощущения и стиль поведения поляков.

Увлеченность Братковского Новгородом мне особенно близка (на этих землях прошло мое отрочество) и особо понятна: уже как полонин, стремясь понять поляков, я увлекся «их» шляхетской демократией. Изучая польскую историю, культуру и литературу, я попытался объяснить и приблизить польскость своим землякам в книге «Литература в кругу шляхетской демократии». Четырнадцать лет рукопись пролежала «в столе» и смогла увидеть свет лишь после крушения СССР... Прошлое порой бывает весьма актуальным, а потому... запретным. Что такое запрет, Братковский, один из ведущих деятелей оппозиции в ПНР, хорошо знает. Благодаря таким, как он, «еще Польша не згинела», а традиции национальной демократии победили в противостоянии режиму, насильственно навязанному полякам.

В такой вот исторической польскости коренится открытость мысли автора. Отсюда и его европеизм, когда национальное ощущается не как стена с колючей проволокой, отгораживающая народы, а то общее культурное поле, на котором эти народы встречаются и сотрудничают, обогащая наднациональную цивилизацию своими национальными ценностями.

Благодаря такой вот европейской польскости Братковский приблизил своим землякам неведомую часть русской истории. Надо полагать, что с такой эрудицией и таким темпераментом он на этом не остановится. Дарю ему замысел следующей книги: после вольницы Новгородской написать о несломленной воле тех, кто на всем протяжении советской неволи за эту волю боролся, а теперь противостоит новым попыткам обезволить российский народ.

* Ее «Нарис історії України» (Київ, 1997) в этом году переведен в Польше и удостоен премии. При традиционном отсутствии у русских — благодаря стараниям верхов власти в России — элементарных представлений об истории Украины и украинской культуре, знания об украинской нации заменяются не менее традиционной снисходительностью Большого Брата к «хохлам» и незатейливыми хохмами насчет их «самостийности» и их «мовы». Стоило бы российским политикам, безуспешно реанимирующим идею «славянской взаимности», следуя примеру поляков (у которых свои сложности давней совместной с украинцами истории), перевести эту замечательную книгу по-европейски мыслящего (в осознанном противопоставлении провинциальному национализму) ученого нового поколения, дабы не только просветить великорусские умы, но и через познание привести их к уважению другого не менее древнего и не менее культурного народа.

**Кристина
Курчаб-Редлих**

МАЙОР ЗАКИРОВ

— Меня к нему не допускают, — сказал Михал Журавский, польский консул в Москве.

— А что, он сидит?

— Нет, он работает в КГБ.

О том, что майор КГБ из Смоленска Олег Закиров разыскивает тех, кто участвовал в катынских расстрелах, консул узнал из статьи в «Московских новостях». Вскоре после этого, проезжая через Смоленск, консул захотел увидеться с ним.

— Воскресное утро. Звоню. Отвечает мужской голос. Майор Закиров охотно соглашается на встречу. Но прежде я должен получить разрешение его начальства в Смоленске. Звоню. Велят обождать полчаса. Опять звоню: никаких препятствий, однако, интересующее меня лицо как раз находится в командировке. Набираю номер Закирова. Занято, занято, занято... Через несколько часов он, наконец, звонит сам. Встретиться со мной не может. Вроде бы нужно согласие высшего начальства КГБ. В Москве звоню высшему начальству. Всякий раз снова и снова повторяю, о чем идет речь. Спустя какое-то время там перестают брать трубку. Начинаю хлопотать через советский МИД. Обещают: да, конечно, сию минуту... Тем временем мне опять надо ехать в Смоленск.

Едем вместе.

Поздний вечер. На поиски квартиры Закирова я отправляюсь одна.

— Боюсь, как бы он не указал мне на дверь, — говорит Михал Журавский. — Неловко было бы за Польшу.

Почти новые жилые корпуса. Черное жерло ворот. Ни намек на свет. Не могу найти номер квартиры. И уж вовсе не приходит в голову, что за одной дверью могут жить две семьи. Фамилии ни на одной двери не указаны. Когда я, наконец, спрашиваю девочку-подростка, здесь ли живет Олег Закиров, в узком коридорчике появляется соседка. Испытующе глядя на меня, говорит:

— Да, здесь.

Прохожу дальше. Что, если выгонит? Одна из дверей в самом деле громко хлопает. Но из другой выходит мужчина лет тридцати с небольшим. Я представляюсь. Он приглашает в комнату.

— Могу ли я привести сюда... того знакомого, который вам звонил?

— Он частным образом?

— Да.

— Тогда, пожалуйста.

Комната обставлена со вкусом и свидетельствует о достатке. Дочь сейчас принесет традиционный чай с вареньем. Жена к нам не выйдет.

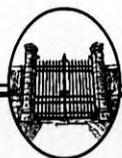
— Бойтесь, — говорит майор Закиров. — Мне всего год до пенсии остался, у нас ведь выслуга — год за два. Если уволят, на что и где мы жить будем?

В этом доме мы с Журавским — не первые поляки. Здесь уже побывали и режиссер Марцель Лозинский, и писатель Марек Новаковский. И всякий раз жена Закирова, инвалид II группы, сердечница, в страхе застывала за дверью.

А 11 апреля президент Польской Республики получил от президента СССР документы, подтверждающие советское преступление в Катынском лесу.

— Несколько лет назад, — говорит Закиров, — я, работая тут, понял: что-то нечисто с этой Катынью. Ведь если где-то стоит дом отдыха КГБ, то, наверно, не для того, чтобы там копали. Прошлым летом я начал работать в комиссии по реабилитации советских граждан Смоленской области. Стал говорить со здешними пенсионерами. И они сказали, что поляков наши расстреливали. Один сказал, другой... — говорили о том времени, когда сами работали в НКВД.

К примеру, Иван Титков. Сейчас ему 83 года. Тогда он был шофером у девяти начальников Смоленского УНКВД. Я даже взял у него письменное подтверждение, что в Катыни расстреливали. Да, о том, что расстреливали, говорилось, но стреляли-то будто бы немцы! Титков написал, что в Катыни расстреливали наши, но — советских граждан. О поляках он сперва говорить боялся. Наконец подтвердил, что

и поляков тоже расстреливали. На его глазах их привозили вагонами и выгружали в Катыни. И больше никто их не видел. Это было в 1940 году.

Принес я эту бумагу генералу Шиверских, начальнику в Смоленске. Есть Горбачев, гласность есть, реабилитация, ну я, дурак, поверив в это, пошел. Бумагу у меня чуть из рук не вырвали. Глаза квадратные, паника, испуг. Дальнейшие поиски запретили. Меня это взбесило. Наверху гласность, а внизу — все по швам трещит... И чем дальше от Москвы, тем больше. Я продолжал искать. Нашел пенсионеров: Ивана Ноздрева и Кирилла Бороденкова. Оба смоленские. Именно Бороденков и проболтался, назвал несколько имен тех, кто расстреливал поляков. Большинства, кажется, уже нет в живых. Бороденков даже написал мне эти имена, но потом перетрусил: когда журналист пришел — он выгнал его из дому. Страх хватает за горло. Еще с 37-го года страх... Вот и Бороденков, сам видел расстрельщиков, а сегодня твердит: ничего не знаю. И хотя был одним из исполнителей, сегодня говорит: я не стрелял.

— Теперь я могу рассчитывать только на журналистов, — продолжает Олег. — И на Сахарова. Я написал ему и Егору Яковлеву, главному редактору «Московских новостей». Известно, какая это смелая газета. И появился у меня журналист Жаворонков. Я помог ему проникнуть в Козьи Горы, так называется само это место. Катынь — это целый район.

Проникнуть в Катынь, разве это трудно? — подумала я. Дорога ведь открыта. Однако назавтра, впервые оказавшись на той территории, я поняла: доступны осмотру лишь крест невдалеке, поставленный в память о трагедии, гранитная доска с надписью да несколько символических погребений. Но само место расстрела увидеть можно только через калитку в сетке или через ворота у самой дороги. Калитка обычно закрыта, а скоба на воротах носит следы недавней сварки.

Так как майор Закиров не выполнил указаний своего начальства, с ним стали вести беседы. Не помогло. Тогда обнаружилось, что он плохо работает: грубиян, занимается критиканством, нарушает партийную этику. С предложением об его увольнении выступила парторганизация.

Кроме того, майор Закиров предстанет перед судом чести. А за дисциплинарные нарушения будет держать ответ и перед обычным судом.

* * *

И вот майор Закиров пишет главному редактору Яковлеву, к тому же депутату Верховного совета СССР. Яковлев посылает запрос главе КГБ Крючкову. Крючков присылает в Смоленск комиссию. Но вскоре намечен дружественный визит в Москву президента Ярузельского. Так что Москва не рекомендует раздувать это дело. Меч над головой майора Закирова висит в воздухе. Однако приказа убрать его все же нет. Обвинения не сняты.

— Зачем вы пошли в КГБ?

— Это было время застоя. Время Брежнева. Даже сам Сахаров говорил, что КГБ — единственная не коррумпированная, не прогнившая организация. А я хотел пойти туда, где можно что-то сделать, что-то создать. Но потом убедился, что это не совсем так. В основном я занимался делами, связанными с контрабандой и со спекуляциями. В Афганистане я тоже был, боролся преимущественно с контрабандой наркотиков.

— Вы были в Афганистане?

— Два года.

— Это вас как-то изменило?

— Я перестал бояться.

Большая толстая зеленая тетрадь. Записи обо всех встречах в рамках частного расследования Олега Закирова.

— Эти бумаги, — говорит он, — я хотел бы вручить представителю Польши в официальной обстановке.

Закиров показывает фотокопию письменных показаний Бороденкова. Неумелой рукой выведенные каракули сегодня выносят смертный приговор доброй памяти тех, кто умер, и спокойной старости тех, кто 50 лет тому назад в Козьих Горах нажимал на курок: Глаздовский, Афанасьев, Стельмах, Грибов, Сивченко...

— Если просто отдать эти записи, — объясняет Закиров, — то либо они пропадут, либо из меня сделают шпиона. И, пожалуйста, до официальной встречи с вашим представителем не публикуйте ни слова из того, что я сейчас говорил.

— Но как устроить эту встречу? — нервничает консул Журавский и на следующий же день, еще в Смоленске, пытается получить соответствующее разрешение от тамошнего начальства КГБ.

— Ничего не имеем против, — говорят ему. — Но майор Закиров должен сам обратиться с такой просьбой к своему непосредственному начальнику.

Для польской стороны это неприемлемо. Как же быть?

Спустя некоторое время из польского посольства в Смоленск отправлены два письма: одно — на имя начальника Смоленского УКГБ с приглашением Закирову, другое — ему самому с копией приглашения.

В начале июля в консульство вошли двое мужчин, которые сообщили, что майору Закирову разрешено встретиться с официальными представителями Польши.

25 июля посол Польши в Москве Станислав Цёсек торжественно вручает золотые медали Опекуна мест национальной памяти тем людям, с чьей помощью удастся открыть правду о польских трагедиях на советской земле. Среди них и Олег Закиров. Вспыхивают фотокамеры, крутятся магнитофонные ленты...

— На любую беседу с журналистом я обязан получить согласие начальства и произносить только заранее утвержденный текст, — говорит Закиров. — Таковы требования высшего начальства КГБ. Как я мог им подчиниться?

Его жена в Смоленске плочет последние таблетки из весьма солидного до недавнего времени запаса коринфара.

— Правильно ли предавать сегодня огласке фамилии тех, кто расстреливал в Катynи? Была ли у них возможность отказаться? Не расстреляли бы их самих в этом случае? К тому же те, кто умер, уже ушли от ответственности. И вся ненависть обращается на тех, кто еще жив. Справедливо ли это? — спрашиваю я Геннадия Жаворонкова, журналиста «Московских новостей», одного из главных исследователей «белых пятен».

— Да, правильно. Те, кто жив, до сих пор не понесли никакой ответственности: ни моральной, ни материальной. К примеру, Эссен, заместитель начальника, ведавшего смертными казнями, спокойно живет себе в Москве, получает приличную пенсию как участник войны. Недавно я нашел еще одного участника катынской трагедии: Мазур его фамилия, до недавнего времени он был членом редколлегии одного еженедельника, его приглашают в школы, он рассказывает там о своих боевых подвигах. Поймите, общество до сих пор видит в них героев войны. Разумеется, существуют разные степени ответственности, об этом не следует забывать. Прежде всего речь, конечно, идет о тех, кто несет главную ответственность. Я отыскал десятых. Встречаться не желают. Я знаю их адреса, телефоны. Еще нашел одну женщину, которая подтверждает: да, стреляли наши. Но громко говорить об этом не решается. Поймите, ей страшно. Но не только в страхе дело: ей все эти годы платили за то, чтобы она говорила, будто своими глазами видела, как немцы расстреливали. До сегодняшнего дня она получает деньги из КГБ, чтобы поддерживать эту версию...

— Почему вы этим занимаетесь?

— Пока народ сам не очистится, он не будет народом. Ему надо разобраться, в чем есть его вина, а в чем ее нет. Непосредственной целью расстрела в Катynи было уничтожение людей. Но была и высшая цель: уничтожить польскую нацию, ликвидировав ее интеллигенцию. В Польше об этом говорят открыто. У нас еще нет.

* * *

«Орловская правда», орган Орловского горкома КПСС и горсовета, 22 июня 1990 г. публикует письмо:

«Польская земля полита кровью наших солдат и офицеров, и не только из-за фашистских пуль. Погибли наши солдаты, а также командиры и от предательских выстрелов. Боевики так называемой Армии Крайовой стреляли им в спину... Я пишу об этом, потому что сегодня там, в Польше, распространяется гнусная клевета, будто в Катynи советские солдаты расстреливали интернированных офицеров. Эту инсинуацию подхватили и некоторые наши средства массовой информации, несмотря на то, что давно установлено: на местах расстрела были найдены немецкие патроны и гильзы...

И. Степанов, ветеран войны и труда города Орел»*

P.S. Благодаря стараниям польского посольства в Москве и польского МИДа семья Закировых ныне живет в Польше.

*текст приведен в обратном переводе. — Ped

Александр Наумов

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО В ПОЛЬШЕ

Монашеская традиция — одна из главных составляющих духовной культуры православия. Со времен победы иконопочитателей над иконоборцами (IX в.), введения общего литургического устава — Типикона, сначала Студийского, затем Иерусалимского и Афонского (с XIV в.), соборного признания исихастского учения паламитов (XIV в.) модель монашеской жизни становится на Востоке образцом жизни всякого христианина. Воздействие монашеского образца на дисциплину поста, покаяния и на молитвенную жизнь особенно видно в русском благочестии, что, в частности, необычайно поразило православных арабов, посетивших в 1654 г. наши земли.

Монастыри изначально были не только религиозными центрами, но и средоточием культурной жизни и просветительства. Во времена политической неустойчивости, на территориях, которые дробились то так, то этак, именно монастыри были твердынями духа, давали чувство уверенности и звали к единству.

Восточное монашество опирается на принципы монастырской жизни, выработанные в трудах св. Василия Великого. Основные требования, предъявляемые к монаху, — это нищета, послушание, воздержание, пост и молитва, причем не только ради созерцания, но и чтобы давать ответ на нужды окружающего мира. Следует помнить, что аскетические принципы св. Василия Великого вдохновляли и св. Бенедикта Нурсийского, поэтому нет ничего удивительного в том, что монашеский чин древней Церкви на Востоке и на Западе мало различался. Называть православных монахов «базилианами» не нужно: в православии нет монашеских орденов; поэтому это название, как и название «студиты», используют для монахов восточного обряда в католической Церкви.

Каждый православный монастырь получает свой устав, который может вводить известную специфику в устройство монашеской жизни и обрядность. Монастыри делятся на пустыни (единожитные, или отшельнические — сегодня их практически нет) и киновии (общежительные). Существует большое разнообразие индивидуальной аскезы (вплоть до великой схимы) и дополнительных обетов (например, молчания).

Православные монастыри не зависят друг от друга и, как правило, подчиняются епископу той епархии, на территории которой находятся. Крупные, значительные монастыри получали ранг лавры; лавры нередко выводились из-под юрисдикции местного епископа и подчинялись митрополиту или Патриарху (ставропигиальные).

После включения восточнославянских земель в Речь Посполитую в польско-литовском государстве оказалось немало православных монашеских центров во главе с матерью монастырей русских — Киево-Печерской лаврой. По исследованиям А.Мироновича, перед 1596 г. примерно в 110 местностях Речи Посполитой были православные монастыри, в том числе в 15-ти — более чем по одному.

И после заключения унии ряд монастырей остался верен «древней вере отцов». До падения Речи Посполитой сохранилось около 56 монастырей, не признавших унии с Римом. После того как Киев вошел в Московское государство, литовскими, подлескими и слуцкими монастырями управляли местные архимандриты от имени митрополита, а часть белорусских монастырей находилась в юрисдикции единственного в Речи Посполитой православного епископа Витебско-Оршанско-Мстиславского.

В период разделов царские власти восстанавливали православие на польско-литовских землях, возрождая то, что было до унии, и строя новые обители. В частности, римско-католические монастыри и храмы преобразовывались в православные. Одной из важнейших акций, имеющей для нас значение и сегодня, было основание в 1683 г. великолепного монастыря Явления Пресвятой Богородицы в Лесне (в 1909 г. там было около 700 монахинь, шесть церквей, сельскохозяйственная школа, педагогическая семинария, сиротский приют, больница, аптека и т.д.), а также монастырей в Вирове, Радечнице, Турковицах и др. Следует упомянуть и о перенесении монастыря Рождества Богородицы из Гродно в Красносток (Ружаносток), в здание старого доминиканского монастыря (1900). О нынешних судьбах этих монастырей

говорить нелегко: в Лесне — католический монастырь, в Вирове — лечебница для алкоголиков, в Радечнице — для душевнобольных, церкви превращены в костелы, монахи вывезены.

В возрожденной Польше было 11 мужских и 5 женских православных монастырей. Важнейшим была Почасвская лавра (Успения Божией Матери), а предстоятель Православной Церкви в Польше митрополит Дионисий имел сан архимандрита этого монастыря. Правовое положение монастырей, как и всей Церкви, в течение межвоенного периода не было урегулировано. Тем не менее монастыри были важными центрами православной духовной жизни, местом многочисленных паломничеств, почитания святых мощей и поклонения чудотворным иконам.

После II Мировой войны вследствие изменения границ на территории ПНР остался только один православный монастырь, хранивший преемственность польско-литовско-русского монашества. Это был монастырь св. Онуфрия в Яблечне.

Монастырь св. Онуфрия, основанный в конце XV века (1497-1498), играл важную религиозную и общественную роль после 1596 г., а с 1621 г. был резиденцией епископа Хелмского. После того, как в 1701 г. епископ Луцкий перешел в униатство, этот монастырь подчинился монастырю братства Святого Духа в Вильно. Царские власти оценили верность Яблечны православию, в 1837-1840 гг. здесь были проведены крупные инвестиционные и ремонтные работы, со временем учреждена приходская школа, школа иконописцев, хоровое училище, наконец — учительская семинария, ремесленное и сельскохозяйственное училища. В 1915 г. монахи (около 80-ти) были эвакуированы в глубь России. Власти II Речи Посполитой стремились ликвидировать монастырь, но там был устроен сиротский приют и дом для престарелых священников. В 1942 г. немцы сожгли часть зданий, сгорели библиотека и архив. После войны монастырь сначала прозябал, его имущество было передано местному госхозу, верующие были из окрестностей выселены. Однако в 70-е гг. жизнь монастыря решительно оживилась благодаря трудам архимандрита, нынешнего митрополита Польской Православной Церкви Саввы (Грицуняка), чьи заслуги для современного развития монашества в Польше неопределимы. В 1974-1992 гг. здесь размещалась Высшая духовная семинария. Большое значение для монастыря имело возрождение в 1989 г. Люблинско-Хелмской епархии, которую возглавил один из монахов яблечненской обители — епископ Авель (Поплавский).

Сразу после войны началось устройство женского монашества, так как все пять женских православных монастырей оказались вне территории перекроенного государства. Выбор пал на филиал прихода в Семятичах — гору Грабарку, которая еще со времен средневековья была окружена всеобщим почитанием, усилившимся после эпидемий XVIII века, — с престольным праздником в день Преображения Господня (6 августа по старому стилю). В 1947 г. здесь был основан монастырь Свв. Марфы и Марии. В 1956 г. был построен новый дом для монахинь с домовою церковью, в 60-е — отремонтирована главная церковь, которую украсили Адам Сталёный-Добжанский и Ежи Новосельский; в 1990 г. эту церковь подожгли, и на ее месте была построена новая, каменная. В 1980 г. завершено строительство нового здания с трапезной и церковью при ней. С тех пор на Грабарке происходят ежегодные съезды польской православной молодежи, а с 1986 г. сюда совершаются общепольские пешие паломничества на праздник Преображения. Грабарка, называемая святой горой, стала символом польского православия, крепкого своими традициями и своим настоящим.

В 1982 г. епископ Белостоцкий и Гданьский Савва учредил иноческий дом в Супрасле, который решением Архиерейского собора был наделен рангом монастыря Благовещения Пресвятой Девы Марии.

Монастырь в Супрасле, известный филологам по старинной монастырской библиотеке с редким Супрасльским кодексом и по деятельности униатской типографии, в последние годы стал предметом громкого, долгого и досадного спора между католиками и православными. Монастырь был основан Ходкевичами в конце XV века, первая церковь Св. Ап. Иоанна Богослова построена здесь в 1501 г., знаменитая укрепленная церковь — в 1503-1511 гг. Значение монастыря для православия было подкреплено приданием ему статуса лавры, что подтвердил в 1589 г. Константинопольский Патриарх Иеремия II. В 1603 г. решительные действия короля и униатского митрополита Ипатия Потя заставили Супрасльскую лавру присоединиться к унии. Униатский период в истории монастыря — это прежде всего книгопечатание (в том числе для староверов), издание униатского служебника, церковнославянско-польского словаря и т.п. После 1839 г. Супрасль вместе с частью греко-католиков вернулся в лоно православия. После обретения независимости он отошел к ордену салезианцев. Во время II Мировой войны здесь размещались немецкие и советские ремонтные мастерские, в 1944 г. немцы взорвали укрепленную церковь — из развалин удалось спасти несколько фрагментов фресок XVI века. По окончании войны в монастыре

обосновался техникум механизации сельского хозяйства. В 1958 г. салезианцы возвратили церковь Иоанна Богослова православному приходу. В 1984 г. началось восстановление старинного храма, сейчас оно подходит к концу. В 1998 г. трое супрасльских монахов рукоположены в епископы Польской Автокефальной Православной Церкви. Возродилось поклонение иконе Божией Матери Супрасльской, благодаря чему в монастырь стали совершаться паломничества.

В начале 1993 г., тоже по благословению архиепископа Саввы, возникла женская монашеская обитель в Белостоке. Ее важнейшая задача — сохранение мощей св. младенца Гавриила Заблудовского, перенесенных в Белосток в 1992 году. Новая обитель первоначально размещалась при епархии, однако вскоре получила здание в Дойлидах. Ее возникновение воспринималось как возрождение традиций монастыря Рождества Богородицы в Ружаностоке, поэтому новый монастырь был отдан под опеку Красностоцкой иконы Божией Матери. Планируется перенос монастыря в большой церковный центр, формирующийся в Зверках между Белостоком и Заблудовом, откуда был родом и где в 1690 г. был убит св. младенец Гавриил. Часть сестер начинала монашескую жизнь в Леснинском монастыре в Бюси (Франция), основанном после первой мировой войны монахинями из Лесны.

В будущем году Польская Православная Церковь обогатится еще одним монастырем: по просьбе двоих монахов (католиков), которые собственными трудами воздвигли эту обитель в Уйковицах под Перемышлем, Архиерейский собор принял их в лоно Церкви. Монастырь посвящен святым Кириллу и Мефодию и в своей деятельности ориентируется на их духовное наследие. Его история известна по книжным публикациям, однако напомним о собственном творчестве монахов (архимандрит Никодим — акафист «Братиям»), а также о том, что они используют два литургических языка — польский и украинский.

В 1995 г. учреждены две новых женских монашеских обители — в мазурском Войнове, известном своей старообрядческой традицией (до сего дня действуют монастырь и молельный дом), и в подлесской Влодаве.

Монахи — все епископы Польской Православной Церкви (и подведомственной ей Португальской Церкви), есть польские монахи и в других странах. Особого внимания заслуживают активный издатель о.Гавриил (Кранчук), агниограф, и сестра Мария (Юрчик) из Иерусалима. Есть польские православные монахи в Греции, России и Америке.

Задумываясь над панорамой современного православного монашества в Польше, стоит напомнить слова епископа Лазаря (Пугало) из Канады, который говорит: «Монашество — это барометр церковной жизни. Его состояние в данную эпоху определяет, развивается духовная жизнь Церкви или пребывает в упадке. Развитие монашеского идеала во всякой поместной Церкви показывает нам, как живут ее дети и каким духом дышат они в данное время». В Польше этот барометр показывает устойчивый и очень активный рост.

Заметны и биографические изменения. Первое послевоенное поколение монахов — люди, для которых монастырь был убежищем, способом выжить. Первая настоятельница монастыря на Грабарке Мария (Софья Неклюдова-Комстадиус) в детстве играла с детьми последнего царя; вдова обрусевшего шведа, она приняла постриг во Пскове, во время войны была переводчицей в Германии и, наконец, стала основательницей монастыря в Польше. Игуменья Варвара (Гроссер, урожд. Дубинская) была дочерью профессора из Кременца-Подольского, тоже рано овдовела. Одна из монахинь, Илария (Булгакова), до пострига была учительницей музыки в Хелме; связанная крепкими душевными узами со своим двоюродным братом по отцу, писателем Михаилом Булгаковым, она поставила на святой горе крест с его последними словами: «Боже, прости меня». А нынешняя настоятельница Грабарки Гермiona (Катажина Щур) окончила педагогический факультет филиала Варшавского университета в Белостоке; игуменья в Дойлидах Анастасия (Харкевич) пошла по следам брата, супрасльского монаха, который потом стал епископом. Новое поколение — это те, кто сознательно избрал путь монашеского служения. Это молодые люди, связанные с движением «Молодежное братство», со всемирным православным молодежным движением «Синдесмос», со всеми процессами обновления, возрождения и обретения религиозного, регионального, порой национального самосознания. Интересное явление — обращения католиков в православие, особенно случай Уйковицкого монастыря.

В целом образ польского православного монашества весьма динамичен и позволяет сделать положительные выводы обо всей Польской Автокефальной Православной Церкви.

Эдвард Бальцежан

ИЗБРАННИКИ ВЕКА

Астафьева и Британишский издали АНТОЛОГИЮ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

О такой книге мечтает каждый переводчик. Игнорируемый читателем, лишь иногда упоминаемый в рецензиях, он живет в шапке-невидимке, хотя его деятельность точно так же формирует эпоху, как творчество писателя. Редко счастливый случай дает переводчику возможность опубликовать «личную антологию» (пользуясь определением Хорхе Луиса Борхеса). Посчастливилось дожидаться этого двум выдающимся московским переводчикам, Наталье Астафьевой и Владимиру Британишскому, которые на исходе столетия успели издать составленный из собственных переводов двухтомник «Польские поэты XX века» (издательство «Алетейя», Санкт-Петербург 2000).

Книга заслуживает прочтения в двух планах. Можно трактовать ее как историко-литературную хронику, писанную на протяжении девяноста девяти лет девяноста авторами, а можно искать в ней автопортреты переводчиков. Астафьева и Британишский начали работу над этой книгой в 1963 году (не зная, станет ли то, что они делают, книгой). XX веку оставалось тогда немногим меньше половины, а Яцек Подсядло, самый младший из представленных польских поэтов, еще не родился. Теперь переводчики-авторы антологии знакомят нас со своим домашним архивом, показывая только часть сделанного. Мы знаем, что книга создавалась много лет, что это были разные времена: годы кризисов, годы, когда трудно было попасть в Польшу, годы цензурных ограничений, годы взлетов и падений надежды на свободу слова – все это должно напоминать нам, что переводчик отбирает материал иначе, чем «обычный» антологист. Если он что-то спасает, он не имеет готового произведения, но своим трудом осваивает, преобразует, делает собственностью своей культуры, позволяя чужому воображению, чужой поэтике (по существу, чужой биографии) на какое-то время завладеть его личностью.

Детерминированная собственной историей, антология Астафьевой и Британишского заслуживает уважения как книга нонконформистская. Ее форма и содержание не зависят от капризов меняющейся моды (что является недостатком многих польских антологий). Субъективность выборов, личные вкусы переводчиков, их интерес к творчеству тех (например, Владзимежа Слобадника, Яна Выки, Яна Спевака, Мариана Яхимовича), кого не признают салоны моды, диктуемой польскими СМИ, – все это заставляет верить авторам антологии.

Ощущение историко-литературной достоверности усиливает предисловие к книге, которое читается как эскиз эпического произведения. Здесь есть все, чего требует эпос: поэты как герои эпоса, их конфликты, мечты, поражения, пересечения их судеб с историей. Есть и любовь – к поэзии. Есть дружба, которая может распадаться, которая подвержена испытаниям в трудной игре литературных взаимоотношений и взаимоотталкиваний. Авторы антологии уделяют большое внимание реконструкции обстоятельств, позволявших польским поэтам встречаться друг с другом, а их стремлениям сталкиваться – хоть бы даже это происходило в тюрьме, как у Владислава Броневского и Александра Вата.

Такой эпической трактовке истории литературы помогает биографический метод. В семидесятых годах я подарил Британишскому свою книгу, в которой выражал неприятие познания литературы сквозь призму жизни писателя; Британишский послал мне в ответ свою книгу прозы с надписью: «Антибиографисту – биографист». И поныне он, как и его жена, остался себе тогдашнему верен. Судьбы поэтов интересуют Астафьеву и Британишского, если уж они говорят о поэзии.

«В 1963 году, будучи в Варшаве, мы нанесли визит двум одинаково почтенным в наших глазах старым поэтам – Антонию Слонимскому и Анатолию Стерну. Нам и в голову не приходило, что они не здороваются между собой и что их войну пытался прекратить товарищеский суд Польского Союза Литераторов. И это была не просто личная ссора. Это был все тот же давний спор двух так и не примирившихся линий польской поэзии 1920-х: традиционалистов, умеренных новаторов «Скамандра» с Авангардом, в том числе с футуристами» (стр. 18).

Переводчики не скрывают своих литературных симпатий – они на стороне «умеренных новаторств». Стихотворений, близких к разговорному языку, здесь больше, стихотворений же демонстративно утверждающих автономию поэтического языка, – меньше. Однако здесь есть и Лесмян, и Пшибось (много!), и Чехович, и Бялошевский. Радует присутствие лирических композиций Витольда Вирпши, творчество которого в его собственном отечестве все еще ждет полного издания.

Астафьева и Британишский представляют все заметные поэтические группы и программы, многочисленные общности поэтов: связанные с различным опытом поколений («Квадрига», Новая Волна, Новая Приватность, «бруЛион»), различающиеся территориально (Варшава, довоенное Вильно, послевоенные Краков и Познань),

объединенные мировоззрением (религиозная лирика), поклоняющиеся поссорившимся между собой мэтрам («партия» Милоша против «партии» Херберта), противопоставленные друг другу политической жизнью (Польша и эмиграция), возникающие из внутриспольских раздоров, когда ситуация после 1976 года поделит писателей на тех, кто публикует под присмотром цензора и тех, кто публикует в независимых от цензуры «самиздатах».

Но важнее поэтических групп – прослеживаемое в текстах влияние одних поэтов на других, связь между тем, что было предвосхищением нового, и тем, что стало продолжением чужих открытий. Кроме общеизвестных литературных связей (между Тувимом и Стаффом, Ружевичем и Пшибосем), мы находим ряд оригинальных гипотез, в том числе относительно сходства между космосом Станислава Лема, Виславы Шимборской и космологией Болеслава Лесмяна.

То, что авторы последовательно связывают, объединяют, противопоставляют поэтов и их произведения, делает антологию увлекательным чтением, придает ей просветительский характер и в то же время подкрепляет ее концепцию (ибо у этой антологии есть своя концепция). Оба тома говорят о единстве и преемственности польской лирики XX века.

Авторы антологии хорошо знают, что «политическая история послевоенной Польши – это череда периодических кризисов» (стр. 25). То же самое можно сказать и о Польше более давних времен. Но – как следует из антологии – ни две мировые войны, ни сталинизм, ни потрясения времен «реального социализма», ни нынешний перелом, резко изменивший нравы и перевернувший всю иерархию ценностей, перелом, который длится с 1980 года (а конца ему все не видно), не смогли разорвать эволюцию польского поэтического искусства. Кризисы не отменили предшествующего опыта поэзии.

Концепция эта явно полемизирует с модными сейчас «деконструкциями». Последнее десятилетие стало в бывшем блоке государств СЭВ безумным танцем над иллюзорной пропастью, которая якобы разделила наш мир на два чуждых друг другу полумира, говорящих на взаимно непонятных языках, – разделила на молодых и старых, на зараженных тоталитаризмом и дышащих воздухом демократии, на воспитанных отечественными «модернизмами» и догоняющих зарубежный постмодернизм ... Книга Астафьевой и Британишского не затушевывает различия и конфликты последних лет. Но она отвергает тезис о том, что конфликтующие поэтики столетия будто бы не имеют между собой ничего общего.

Стихотворение, открывающее антологию, «Кузнец» Леопольда Стаффа, датируется 1901 годом. Последний текст во втором томе – «Разбросанность» Яцека Подсядло; по-польски он появился в печати лишь год тому назад. Стафф полон веры и надежды на то, что сбудутся «сны о могуществе» (это название книги, из которой взято стихотворение); Стафф отвергает немощь, противостоит слабости:

*Уж лучше сразу сгинь, чем слабым и больным
Влачило бы ты жизнь в бесчестии глубоко,
Позорной немощи поражено пороком*

(I, стр. 36)

Единственное могущество, в которое верит сегодня Подсядло, это могущество распада:

*Низвергнуты будут Краков, Сандомеж и Тарнов,
Гордые своей красотой города наших встреч.
Дикие звери затопчут места, где мы дрожим среди трав.
Хтонические машины, таща железные бороны,
Идут уж по нашим следам.*

(II, стр. 516)

Кажется, что нет между ними диалога? Но Подсядло возвращается к тому, что сто лет назад преодолел в себе Стафф. К безнадежности, к катастрофизму, к образам, популярным в тридцатые годы у Чеслава Милоша и его виленских друзей. Эта постмодернистская стилизация девяностого автора антологии Астафьевой и Британишского замыкает круг историко-литературного времени, свидетельствуя не о разрыве преемственности, а наоборот, об опасной близости конца и начала XX века.

Верность искусства перевода состоит в верности передачи картины поэзии другого языка. В переводах Астафьевой и Британишского присутствуют два эстетических качества стихотворной речи: традиционная польская метрика и ценимая русскими музыкальность слова. С одной стороны они отважно сохраняют польские ритмы силлабического стиха (например, тринадцатисложный стих «Разговора с ангелом» и «Немодного поэта» в переводах из Лехоня), с другой – усиливают эффекты инструментальности, а там, где это возможно без ущерба для смысла, создают аллитерации, множат ономастопеи ...

Книга отважная, небанальная, личностная, страстная, широкоэкранный, полезная.

Вислава Шимборская

Перевод
Натальи Астафьевой

ПСАЛОМ

О, сколь проницаемы границы людских государств!
Сколько облаков над ними безнаказанно проплывает,
сколько пустынных песков пересыпается из края в край,
сколько камешков скатывается в чужие владения,
да еще с нарочитым подскоком!

Должна ли я птиц называть, как одна за другою летит
или даже садится на закрытый шлагбаум?
Пусть бы то был воробей — а уже его хвост за границей,
хоть клюв еще здесь. Да и вертится он, к тому же!

Из бесчисленных насекомых возьму муравья,
Между левым и правым сапогом пограничника проползая,
он, на вопрос: откуда куда? — не считает нужным ответить.

Ах, увидеть подробно весь этот беспорядок сразу,
на всех континентах!
Не бирючина ли с того берега контрабандой
переправляет через реку стотысячный листик?
Кто, если не каракатица, вызывающе длиннорукая,
нарушает святую зону территориальных вод?

Можно ли вообще говорить о каком-то порядке,
если даже звезды не удается порассовать
чтобы было ясно, которая кому светит?

И это неблагоприятное распростирание тумана!
И пыльные степи на всем протяжении,
как если б она не была перерезана посередине!
И звучание голосов на услужливых волнах в пространстве:
призывающих писков и осмысленных булькотаний!

Лишь человеческое может быть подлинно чуждым.
Остальное же — смешанный лес, работа крота и ветер.

Камила Шиманчик

ПОЛЬСКИЕ ТАТАРЫ

*Джигиты шли через столетья с нами рядом
От края Золотой Орды до Новогрудка,
И шли всегда, когда на бой звала побудка
За Польшу, где татарин был поляку братом.*

Антоний Богуславский (пер. Н. Горбаневской)

«Кто знает родословную поляков татарского происхождения, тот знает историю родины», — писал недавно Юзеф Конопакский, глава мусульманской общины в Бохониках.

В прошлом году можно было бы отметить символическую годовщину — 600 лет тому назад Речь Посполитая Обоих Народов приняла татар, исповедующих ислам, как равноправных граждан.

Сначала они проживали, главным образом, в Княжестве Литвы.

Как же попали в коренную Польшу? Легенда гласит, что Яну III Собескому грозило серьезное поражение в битве под Парканами, если бы не Кричинский, ротмистр Татарской хоругви, который пришел на выручку королю и «тьму турок порубил». И король призвал к себе татарина и вознаградил его, отдав ему во владение Крушиняны возле Крынок, что в Белостокской земле. С тех пор эта местность стала новой «малой родиной» для татар, оставивших Золотую Орду. По приблизительным оценкам, здесь тогда осело около 400 человек с татарской родословной. Здесь зализывали раны, полученные в битвах. Омужичились...

Мискевичи, Кричинские, Ахматовичи ссылаются на своих татарских предков. А у Тейковских, Соколовских, Шумских — польские фамилии. Откуда они тут взялись? По понятным причинам прибывшие в Польшу татары не привезли с собой женщин. Ян III Собеский, поселивший их в этих местах, дал им за верную службу землю и дворянство. Разрешил им и жениться на польских дворянках, но велел принимать родовые фамилии жен.

Тем, что по сей день сохранилось мусульманство, татары обязаны традиции, по которой религия наследуется от отца. Но и те, кто перешел в христианство, и те, более многочисленные, что остались мусульманами, хранили память о своем происхождении и, как правило, культивировали имена и фамилии предков.

«Мы же поляки, только веры мусульманской. Нашей истории в этой стране нам стыдиться не приходится», — говорят они о себе. И верно. Начиная с Грюнвальдской битвы, татарское войско принимало участие во всех войнах, которые вела Речь Посполитая, а после разделов татары участвовали во всех национальных восстаниях.

С XVII столетия среди литовских мусульман создалась группа профессиональных ротмистров и солдат. Возникли даже целые династии, где сын наследовал должность ротмистра от отца.

О главном достоинстве татарских воинов писал свящ. Енджей Китович: «Возлюбили они трезвость и были бережливы». Они были также очень дисциплинированны и исполнительны, чем отличались от польской шляхты, склонной к пьянству, расточительной и неуправляемой.

Мечеть в
Крушинянах.
Муфтий из
России

Татары, поселившиеся на восточных землях прежней Речи Посполитой, испокон веков вызывали к себе интерес своей непохожестью и экзотикой. Однако следует помнить, что польско-татарский марьяж возник по велению сердца двух рыцарских народов — без принуждения, без писанных соглашений. Так что вполне логичны стали кровные узы, соединяющие нас еще с XIV века.

Жители деревень, в которых соседствуют ислам, католицизм и православие, живут дружно, в согласии, и вера их не разделяет, а объединяет, ибо, как они говорят, «Бог Один для всех».

Татары — живая легенда прежней, многонациональной, многоконфессиональной, но и толерантной Речи Посполитой.

Сегодня, к сожалению, большинство из них (около 2-3 тысяч) живет в рассеянии.

Отправляясь по следам татар, следует прежде всего заглянуть в Сокулку близ Белостока, где находится музей, в котором два зала занимает экспозиция, посвященная татарам.

Среди экспонатов тут можно увидеть тамги, аналог дворянских гербов, используемых татарами в подражание польской шляхте (чаще всего это были клейма, которыми они метили стада своих коров).

В музее есть также астрологическая таблица, служившая для расчетов разницы во времени. По мусульманскому календарю сейчас идет 1419 год...

Как только минует первое полнолуние после католической Пасхи, к деревянной мечети в деревеньке Бохоника близ границы с Белоруссией съезжается последняя горстка польских татар, которая что ни год собирается здесь на праздник Курбан-байрам, чтобы поделиться мясом ритуально забитых животных: быков, баранов и птиц.

Ритуальный убой животных совершается после торжественного богослужения, перед мечетью, при участии мусульманского священнослужителя — имама. Все радуются встрече, ибо снова увидятся лишь через год...

За прошедшие века религия польских татар утратила многое из своих ортодоксальных черт. Часто ее определяют как «приглушенный ислам». Тем не менее они стараются придать традиционное оформление самым важным обрядам в жизни мусульманина: обрезанию новорожденных, свадьбе и похоронам.

Именно благодаря исламу поселившиеся на польской земле татары и по сей день сохранили свои былые традиции и не поддались ассимиляции, несмотря на то, что живут они относительно небольшими, изолированными группами.

Мечеть в Крушинянах — самый древний на сегодняшний день мусульманский храм в Польше. Ее интерьер весьма скромен, аскетичен. Нигде нет изображений святых, к которым мы, католики, так привыкли. Зато везде на стенах висят ткани с сурами из Корана.

Возведенная в середине XVIII века мечеть напоминает старинные костелы Подлесья, к которым прилепили две башенки, накрытые луковками шлемов и увенчанные золотыми полумесяцами. Внутри ведут двое сеней: одни — в помещение, предназначенное для мужчин, вторые — для женщин.

Святой день у мусульман — пятница, как воскресенье у христиан. Верующие собираются на молитву. Их в Крушинянах немного. В деревне осталось две татарских семьи — всего семь человек. В близлежащих Бохониках живут четыре семьи...

До войны на территории Польши было 19 мечетей. Сталин, захватив восточные земли, в 17 мечетях устроил склады.

Мечеть
в Крушинянах.

Путешествуя по следам польских татар, нельзя не посетить их кладбища — мизары. В Бохониках и Крушинянах они расположены на поросших старыми соснами холмах вблизи храмов.

Прогулка по крутым тропинкам мизара среди старых надгробных камней, обращенных в сторону Мекки, настраивает на особый лад. Экзотические имена на надгробиях: Фатима, Зулейка, Джамиля, Осман — навевают воспоминания о сказках «Тысячи и одной ночи».

Сегодня в польском обществе почти ничего не знают об истории и культуре татарского меньшинства, а ведь их традиции стали частью польской общенациональной культуры. Ибо выходцами именно из этой этнической группы были многие выдающиеся поляки — от участников восстания Костюшко (генерал Юзеф Беляк, полковник Мустафа Ахматович) до Александра Сулькевича, сражавшегося вместе с Пилсудским. Татарские корни есть и у выдающегося польского философа Владислава Татаркевича, а некоторые специалисты по генеалогии приписывают их даже Генрику Сенкевичу.

В Крушинянах и Бохониках сохранилась традиционная сельская застройка. Деревянные дома, соломенные крыши овинов чудесно вписываются в здешний пейзаж. Нетронутая, девственная природа.

Туристы приезжают сюда в предвкушении экскурсии в края Востока. Они ожидают впечатлений, которых сегодня, пожалуй, уже не испытаешь. Татарские деревни исчезают, а здешние жители не хотят, чтобы к ним относились как к этнографическому курьезу. И все-таки сюда стоит заглянуть, чтобы увидеть мечети и прогуляться по мизарам, а главное, полюбоваться прекрасным спокойствием пейзажа, проникнуться атмосферой этих мест, где жизнь течет в извечном ритме.

И хотя жители этих мест прибыли сюда сотни лет тому назад, в их черных, слегка раскосых глазах по-прежнему скрыта некая тайна Востока...

Мечеть
в Крушинянах.

Селим Хазбиевич

Перевод А.Базилевского

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Пельмени

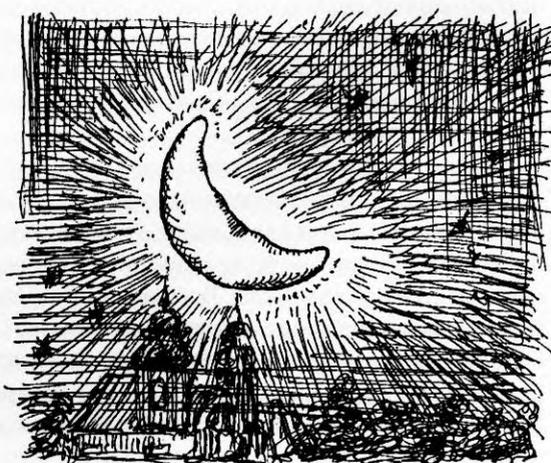
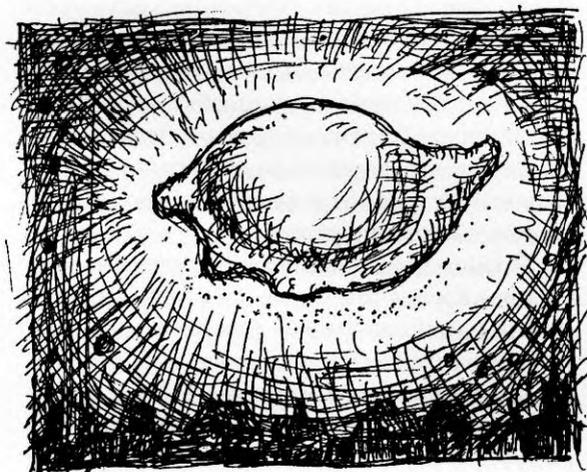
Отцу

Итак — пельмени, тяжёлые
татарские пельмени,
свёрнутые зубчиком — их подают в бульоне,
с них начинается время и кладбище,
к ним возвращаются после молитвы,
затягиваясь щедрым табачком —
а огоньки осени
снуют по разъезженной бохоницкой дороге,
стелятся в послеобеденной тишине
в Довбуцишках,
спят как сурки в Сокулке —
дрожит тишина — — —

Мечеть (2)

Мацею Конопацкому

Да взглянет на меня Аллах
в этой капле дёрна
да возразят деревья моим движениям
я замкну пару нетёсаных брёвен
в две капли погруженных в молитву стен
минарет
набекрень —
птицам приют

Наталья Подольская

НЕ ЗАБЫВАТЬ О КОРЧАКЕ

Когда я училась на славянском отделении Московского университета, у нас мало что знали о погибшем в Трешлинке Януше Корчаке (1878-1942). Очень уж не ко времени было тогда, в конце 40-х, в разгар «борьбы с космополитизмом», писать об этом замечательном ученом, писателе, педагоге и враче, пусть даже он и всемирно известен. Ведь сколько других талантливых и гораздо более известных в нашей стране еврейских писателей, режиссеров, артистов погибло в те годы в лубяньских застенках! Их, как и Корчака (Генрика Гольдшмита), по словам писателя А. Борщаговского, «обвиняла кровь».

Наконец сочинения Корчака стали доступны. Волнующей частью общеевропейского прошлого стала и его трагическая судьба: гибель в газовой камере с двумястами еврейских детей, питомцев варшавского Дома сирот. Он мог бы спастись, но один, без детей. А это означало для него предать не только детей, воспитанию которых он посвятил себя, но и саму жизнь. Верный своим принципам, он не бросил детей одних. Покидая по приказу фашистского командования гетто, он остался с ними, сказав, будто они отправляются на экскурсию. И они пошли стройной колонной, по четверо в ряд под зеленым знаменем — символом надежды, во главе с Доктором, который нес на руках самого маленького из них. Так этот мужественный человек отправился в свой последний путь, найдя в себе еще силы рассказывать в поезде сказки в утешение малышам. Такова печальная, но и возвышенная, можно смело сказать, героическая летопись его жизни.

Я принялась за перевод повести-сказки Януша Корчака «Король Матиуш Первый» в начале 70-х. Принялась с мыслью о наших детях, десятилетиями отлученных от таких понятий, как добро, справедливость, милосердие. Хотелось, чтобы благодаря этой мудрой книге они приобщились к вечным непреходящим ценностям. «Берегите детство, оно залог здорового общества» — вот кредо Януша Корчака. «Люди разные, — писал он в «Правилах жизни», — надо оберегать их индиви-

дуальность». Собственный исторический опыт убеждает нас: коллективистское воспитание без внимания к личности ребенка подготавливает почву для жестокости и зла.

Корчак шел к нам не просто. Имя его было известно в России еще до революции, но она скорее преградила ему путь, нежели широко открыла. Да, он издавался в послереволюционные годы (Иоанн Корчак «Как любить детей», 1922, предисловие Н.К.Крупской; «Приключения Матиуша», 1924, изд. «Прибой»; повесть «Джек-кооператор», 1929, изд. «Молодая гвардия»). Но затем последовал тридцатилетний перерыв. И только с началом так называемой оттепели у нас появились его художественные произведения и педагогические труды, впервые переведенные на русский язык Кингой Сенкевич. И сразу и те и другие приобрели большую популярность. Читатели, замороженные «классовой» моралью («Наша нравственность, — по Ленину, — выводится из интересов классовой борьбы пролетариата»), вновь открывали для себя понятия добра и справедливости.

«Наивно!» — скажет читатель нынешний. Но наивен-то во многом он сам, забывший или уже не ведающий о тех бесчеловечных временах, когда не только следовать этим извечным истинам, но и говорить, даже думать о них было опасно. Тем более что у каждого на страже был еще и свой, так сказать, «внештатный», внутренний цензор, устаревший, а то и добровольный помощник Главлита, который подсказывал, что можно, а чего нельзя. И, как это ни парадоксально сейчас звучит, «Король Матиуш» был книгой вредной. Ведь она провозглашала человеческое достоинство и свободу личности! А свободная личность — помеха для государства тоталитарного.

В самом деле, какие аналогии возникали при чтении «Короля Матиуша» — «этой немножко сказки, немножко были»? Самые по сию пору злободневные, даже политически острые. Достаточно было прочитать, например: «Народ не должен знать слишком много»... «Нет ничего хуже, когда многое зависит от одного». Или: Фелек, став

министром, «потребовал собственную канцелярию, два автомобиля, орден, жалование, в два раза больше, чем у канцлера». Неправда ли, как это напоминает не только былое, но и наше циничное, корыстолюбивое время!

Или другое место, словно прямо указывающее на времена репрессий, когда тысячи ни в чем не повинных людей, ища защиты, писали «другу всех народов»: «В королевскую канцелярию приносили письма мешками. Секретарь просматривал их и выбрасывал на помойку. Так всегда поступают в королевских канцеляриях». (Так и хочется добавить: и далеко не только «королевских»!). Наконец: «Те, кто любил и жалел Матиуша, молчали, не решаясь в присутствии врага высказывать вслух свою преданность и уважение бывшему королю... Зато пьяницы и бродяги, которых нарочно напоили вином, всячески оскорбляли его». Разве не то же происходило у нас на памятных митингах 30-х годов, когда оболваненные пропагандой рабочие и служащие требовали расстрелять осужденных «врагов народа», как «бешеных псов». Да, справедливо писал Н.А.Бердяев в книге «Христианство и классовая борьба»: «Классовый антагонизм и классовая борьба отравили души людей страшным ядом — завистью, ненавистью, злобой»...

Уже в первые послереволюционные годы Корчак с его проповедью общечеловеческой морали был совсем не ко двору. Вот вышла в 1922 году его книга «Как любить детей». И что же писала в предисловии к ней Н.К.Крупская?.. Отметив тонкие психологические наблюдения автора, она указала, что у него «ни о каких *коллективных* переживаниях не говорится ни слова», а «надо, чтобы дети переживали все *коллективно* и благодаря этим *коллективным* переживаниям учились бы *коллективно* чувствовать...» Сделанный Крупской акцент на коллективность, конечно, не случаен. Для той действительности нужен был «массовый» человек. В тогдашней книге «Педагогика переходного периода» (1927), в частности, говорилось: «Мы воспитываем ребенка, который полностью понимает интересы рабочего класса и способен драться за мировую революцию». Ставился даже вопрос о «закономерностях в развитии и воспитании нужных типов людей». Школа 20-х годов воспитывала солдат всемирной революции, защитников ее завоеваний. Отсюда и поощрение доношительств, утрата чувства собственного достоинств-

ва. И, перефразируя известные слова Солженицына, понуждение «жить по лжи». И разве понуждение это не пустило глубокие корни, не выполотье и сегодня?.. Слишком долго то, что, по слову Салтыкова-Щедрина, «мешало втиснуть в прямую линию весь видимый мир», отсекалось, изгонялось, уничтожалось. Управляемая сверху литература рассматривалась лишь как орудие для построения «светлого будущего». Для советской психологии был характерен механистический подход к личности: человек — это винтик.

А писатель и педагог Корчак утверждал прямо противоположное. Главная его мысль и призыв: *избирайте* в жизни свой путь, не давайте подменить его чужими, фальшивыми, навязанными путями. «Все любят что-то свое и по-своему, и поэтому не мешайте друг другу.. Каждого надо узнавать особо и особо оценивать, важно, что человек думает и чувствует и почему он такой, а не иной...»; «Для меня человек хорош, если он хорошо относится к людям, если он не желает и не делает зла» («Правила жизни»). И там же: «Нужно понимать друг друга, уважать, прощать и любить». Это понятия морали общечеловеческой, которые слишком долго и усердно вытеснялись проповедью жестокости, непримиримости, классовой ненависти. В ходу были известные лозунги: «Кто не с нами, тот против нас», «Если враг не сдается, его уничтожают»...

Все же постепенно — в том числе и с Корчаком, благодаря Корчаку — приходит понимание: без вековых начал нравственности не избежать диких национальных предрассудков, не преодолеть отсталости, грубой силы, социальной апатии. Не избежать и попутной опасности — коммерциализации литературы и, что еще хуже, коммерциализации душ. А значит, и не достичь подлинно гуманного, справедливого общества. Ведь, по Корчаку, если детство зависит от общества, то и общество зависит от детства, когда закладываются нравственные начала, прививаются гуманные идеалы. И хочется вслед за Матиушем, героем Корчака, воскликнуть: «Если можно было бы устроить мир так, чтобы все всегда делали друг другу что-нибудь хорошее!»

Опять «наивные» пожелания, детская мечта?.. Но думается, что в ней откликается и заветная воспитательная авторская цель, приоткрывается и все высокое значение созданного Янушем Корчаком.

Марек Рудницкий

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

До сегодняшнего дня я ни разу не говорил об этом на людях. И не стал бы говорить без настоятельных просьб Фелека Шарфа. Я доверяю ему, он знает, что надлежит делать, он понимает меня. И проблемы эти понимает лучше, чем любой другой. Он умеет вытягивать из меня слово за словом. Это иногда мои слова, иногда его, один бы я с этим не справился. Не в том дело, чтобы беречь старые раны: они и так не зарубцевались и никогда не заживут. Всю жизнь я старался забыть, чтобы жить как все, и однако же при ощущении, что мне это удастся, меня охватывают стыд и чувство вины. Вдобавок (усложняя и без того непростые вещи) при одной только мысли, что мир забывает или мог бы забыть, меня охватывает настоящее бешенство.

Я не писатель. Мои инструменты — карандаш и кисть, я мыслю как художник. Перед моими глазами часто встает картина Брейгеля «Падение Икара». Идиллическая пастораль: вспаханное поле, идущий за плугом крестьянин и в уголке картины, где их никто не замечает, — еще торчащие над поверхностью моря ноги Икара. Икара, который упал с неба после первого порыва к солнцу, кончившегося неудачей. Брейгель поразительно ухватил равнодушие мира к огромному событию, к трагедии, к смерти. Каждый занимается своим — земным, будничным, — и так было всегда.

Запечатлевшиеся в моей памяти события того времени неотделимы от кошмаров, которые я вижу наяву. Я не всегда способен отличить сон от действительности, я знаю, что действительность была хуже кошмара. Настойчиво побуждаемый к тому Фелеком, я отыскиваю в памяти многое, чему был свидетелем. Но я не должен переходить границ, которые устанавливает его и ваша ранимость.

Эту действительность неспособен понять тот, кто там не был. Может, оно и хорошо, но это значит, что в мире осталось очень мало людей, способных понять. Так, может, от них чего-то ждут? Как знать?

Каждый выживший еврей обязан своим выживанием невероятному стечению обстоятельств — на грани чуда. До сих пор не знаю, благодаря чему выжил я, знаю только, что выжить не стремился. Тогда я смотрел на вещи глазами пятнадцатилетнего подростка, теперь мне этого восприятия не восстановить. Я знаю, что был тверд, никогда не ныл. Чуждость жизни в гетто стала для меня «естественной». Страдание было банальным, сложенные вдоль улицы трупы, укрытые газетами или просто голые (обноски и обувь с них срывали), вошли в порядок вещей, как и выпрашивающие хлеб дети-скелеты с огромными, выкаченными от голода глазами. Меня сжигала ненависть к немцам, украинцам, латышам, я мечтал о мести, в посещавших меня галлюцинациях я душил их собственными руками. Я верил, что в один прекрасный день эта мечта станет действительностью, и это меня поддерживало. Я испытывал огромную, удесятенную любовь к родителям, брату, друзьям. Когда мой брат умер от тифа, я побежал на кладбище, искал его труп в груде брошенных там тел, нашел, прижал к себе и громко звал его по имени.

Больница на улице Лешно

Мой отец (он был врачом) издавна знал Корчака. В гетто он был приписан к больнице на ул. Лешно и вечно вел с Корчаком какие-то тайные дела, вероятно, делаясь лекарствами, которые отцу было легче доставать. Лекарств не хватало ужасающе: выдавая лекарство одному больному, вы отнимали его у другого. От этого можно и поседеть.

Уже 5 августа мой отец (не знаю, из каких источников, может быть, это было общеизвестно) знал, что на следующий день начнется «этапирование» детдомов, в том числе и детдома Корчака. Не имея права покинуть свой пост, отец послал меня посмотреть, что происходит. Когда 6 августа около 10 часов

утра я подошел к дому номер 6 по Сенной улице, дети уже были выстроены четверками на тротуаре. Они были чисто одеты и не выглядели изголодавшимися: Корчак всегда умел вымолить минимум продовольствия, необходимый для поддержания жизни.

Эта сцена известна, она часто описывалась и воспроизводилась, иногда неточно. Я не хочу разыгрывать иконоборца и разрушителя памятников, но я должен рассказать, что видел в тот день. Воздух был пропитан какой-то безграничной инертностью, апатией, машинальностью жестов. Отправка Корчака никого не тронула, никто не воздавал ему почестей (как это иногда рассказывали), и совершенно точно никак не вмешался Юденрат. К Корчаку никто не подходил. Особого движенья не было и в рядах детей, не было песен, головы не были гордо подняты. Не помню я и флага детдома, который, как рассказывают, реял во главе колонны. Стояла ужасающая тишина, тишина отчаяния. Съежившийся Корчак шел через силу, время от времени что-то бормоча. Когда эта сцена предстает перед моими глазами (она меня редко покидает), мне кажется, я слышу, как он бормочет: «Почему?» Я был достаточно близко, чтобы услышать его. Может быть, этот голос — плод моего позднейшего воображения. Во всяком случае, там было не до философских размышлений, это был момент тупого и беззвучного отчаяния — без тех вопросов, на которые нет ответов.

Детдом

Несколько взрослых из детдома, среди них — Стефа Вильчинская, шли сбоку, как я, или сзади. Впереди дети шли шеренгами по четыре, сзади ряды путались, сбивались, дети брели как попало. Один держался за одежду Корчака или, может быть, за руку; они шли вперед как автоматы.

Я прошел за ними до ворот Умшлагплаца — так называли это место. Я не могу описать происходившее там, слова бессильны. Даже Фелек не может мне их подсказать — может быть, нет для этого слов. С самого начала большой депортации (ликвидация гетто началась 22 июля) на эту площадь к улицам Ставки и Дикой ежедневно сгоняли десятки тысяч людей. Там беспорядочно, словно безумная, кружила огромная толпа людей, ищущих друг друга, плачущих, выкрикивающих имена близких. Многие падали от изнеможения, от голода, от жажды, тела наваливались на тела. Некоторые принимали яд — целыми обнявшимися семьями. В эшелоны грузили без всякого порядка, некоторые оставались там по много дней. Всем управлял начальник местной еврейской полиции Шмерлинг и его свора — с помощью диких криков, битья, ударов ногами.

Эта картина была для меня не нова. Я приходил к Умшлагплацу почти каждый день. По приказу Юденрата мы носили туда корзины с хлебом. Сначала мы бросали хлеб через колючую проволоку, окружавшую площадь, но это значило кормить самых сильных. Тогда мы сменили систему: сами резали хлеб, вносили корзины за колючку и следили за раздачей. В нашей бригаде нас было трое «раздатчиков» — Вдовинский, я и Заменхоф (внук изобретателя эсперанто).

Дорога, ведущая от Сенной улицы по Лешно, Кармелитской и Дельной к улице Ставки, показалась мне очень долгой, должно быть, мы шли часа два. Пришли к полудню, жара стояла отупляющая, солнце нещадно жарило.

Старый еврей
Рис.:
М. Рудницкий

Трагический конец тысячелетней истории

Корчак с детьми, Стефа и остальные работники детдома вышли на площадь. Оттуда, где я остановился, метрах в тридцати видна была железнодорожная ветка и грузовые вагоны. Некоторые уже были загружены, другие еще стояли пустыми; окошки вагонов были затянуты колючей проволокой. Над площадью стояло облако хлорки, разъедающая глаза, сжигая горло. Я видел, как с пола вагонов на пути стекает известь. По площади метался служащий Юденрата. Теперь я знаю, что это был Нахум Ремба, который, конечно же, знал Корчака и сразу к нему подошел. Ремба рассказывает (это единственное подлинное свидетельство очевидца было опубликовано в сборнике Рингельблюма), что он, ни на что не надеясь, предложил Корчаку пройти вместе с ним в контору Юденрата, где думал «заступиться». Теперь мы знаем,

Мартин Бубер
- философ,
первый ректор
Ерусалимского
университета.

Рис.:
М. Рудницкий

что это было бы совершенно бесполезно, но Корчак отказался, потому что ни на минуту не хотел оставить детей. Ремба рассказывает, что тогда он попробовал отвести всю группу в сторонку, чтобы задержать посадку. Иногда такие вещи проходили, но тут вмешался Шмерлинг и указал путь к вагонам. Дети поднялись по помосту и пропали в темноте. Корчак вошел последним. Как сейчас, вижу его сутулую фигуру, исчезающую в глубине вагона. За ним уже напирал другой детдом. Я долго ждал, пока закончится загрузка всех вагонов. Я ждал, пока состав не ушел.

Можно быть почти уверенным, что многие из этих детей задохнулись в вагонной давке, не доехав до Трехлипки. Я убежден, что Корчак не доехал до Трехлипки живым.

Самая большая боль, которую человек может испытать в этом мире, в котором нет недостатка в утонченных страданиях, — это боль того, кто бессильно смотрит на страдания своих детей, страдания, которые он не может ни смягчить, ни взять на себя. Никакого воображения не хватит, чтобы представить, что испытывал Корчак, свидетель страданий своих двухсот детей, на этом последнем пути и потом, во тьме запертого вагона, в давке, среди криков и стонов задыхающихся. Но достаточно лишь раз подумать об этом, чтобы эта картина вас уже больше никогда не покинула.

Два дня спустя мои родители разделили участь Корчака и сотен тысяч себе подобных. Их забрали 8 августа 1942 года из дома на улице Новоліпки. В тот день, когда я вернулся домой после долгих скитаний по опустевшим переулкам гетто, моих родителей уже не было. Я сразу понял, что с ними стало. Не мог я столько страдать. Я открыл вены куском стекла. Проходивший мимо еврейский полицейский дотащил меня до больницы, где мне спасли жизнь. Нелепые, смехотворные хлопоты — спасать, продлевать жизнь, и как раз мою...

История — это единая среда, непрерывный поток. Обычно нельзя сказать, что в тот или иной момент что-то началось или завершилось; у всех исторических фактов есть предпосылки и последствия. Однако один факт можно зафиксировать с безжалостной точностью: именно тут, в черте Умшлагплаца, наступил конец тысячелетней истории евреев в Польше. Я думаю, даже те (к сожалению, весьма и весьма многочисленные) люди, которые до, во время и после войны желали Польши без евреев, даже они должны сознавать: произошедшее на Умшлагплаце — не просто великая еврейская трагедия, это трагедия Польши и всей нашей цивилизации. В мире, который привел к этой трагедии, который позволил, чтобы она произошла, — кто посмеет утверждать, что такое никогда не повторится?

Марек Рудницкий — замечательный художник, родившийся в Варшаве. В настоящее время живет в Париже. Был иллюстратором многих литературных произведений. Сотрудничает с газетой «Монд», в которой публикует портреты членов Французской академии.

Рената Радловска

ПОЛЬСКИЙ ПАРЕНЬ И 118 С «КУРСКА»

Трагедия «Курска» глазами подростка из Мысьлениц

«Под водой все иначе. Там жутко, потому что нет ничего, кроме воды – так думал Даниэль вначале. А под конец почувствовал, что та же вода заливает и его.

После ужина Тереса Лукасик помыла посуду – в виде исключения, потому что обычно это делала дочь соседней Йоля, домработница. «Приберу-ка я в комнате Даниэля – подумалось ей. Этого она тоже никогда не делала, но теперь Даниэля не было дома. Две недели тому назад его отправили в Новый Сонч.

Она пошла наверх. Хотела только вытереть пыль да сложить одежду, разбросанную на кровати и висящую на стульях. Выдвинула один ящик, потом второй, третий, еще один. Открыла шкаф. Ноги у нее подкосились, она схватилась руками за голову.

- Боже мой, Боже, это какое-то безумие, чтобы четырнадцатилетний подросток... - прошептала она. Бросилась на первый этаж.

- Ты знаешь, почему он это сделал? - спросила она мужа.

Павел Лукасик молча смотрел на нее. Она выглядела как привидение.

- Ступай наверх, там узнаешь, иди! – кричала она на весь дом.

Это было 10 декабря текущего года. Еще не прошло и двух месяцев, как Даниэль ножом для резки бумаги вскрыл себе вены.

Ещё многое надо продумать

На каникулы Даниэль всегда куда-нибудь ездил с родителями. А в этот раз остался дома: у отца было много работы, мать не хотела ехать одна с сыном.

Даниэль просыпался каждый день часов в девять или пораньше, около часа читал книгу, не вставая с постели, а потом спускался на завтрак. Потом возвращался в свою комнату и садился за компьютер. Во второй половине дня он шел вниз, потом возвращался к себе, смотрел телевизор, читал. Вечером гонял мяч с ребятами или шел прогуляться (Семья Лукасик жила в маленькой деревне под Мысьленицами). Потом он сразу садился к компьютеру. Часа в два ночи ложился спать.

14 августа он вернулся домой в восьмом часу. Долго сидел за ужином. Отец в гостинной смотрел телевизор. И вдруг вскрикнул: «Даниэль, Даниэль, иди скорей сюда, русские корабль потеряли!» Даниэль примчался сразу. Слушал, что говорит диктор.

Российская подводная лодка «Курск» с атомным двигателем потерпела серьезную аварию в Баренцевом море в районе Северного полюса. Субмарина с экипажем более ста человек на борту погрузилось на дно. Командующий российским военно-морским флотом адмирал Куроедов признал, что шансы поднятия подлодки ничтожны. Отец только вздохнул. Даниэль вложил кассету в видеомэгнитофон и записал все последующие сообщения. Через четверть часа выключил видео, взял кассету и побежал к себе.

Тереса Лукасик: - Я его тогда спросила, куда это он так разогнался, не случилось ли чего?» А он в ответ: «Мне еще многое надо продумать». Щеки у него горели, он редко так краснел. Но щеки могут гореть по и по пустякам.

Нужно экономить кислород

Даниэль слушал диктора уже в своей комнате: - По неофициальным сообщениям вода достигла торпедных аппаратов и залила носовую часть подлодки.

Даниэль записал в тетрадке: «Где они могли тогда находиться?»

- «Курск» осел на дне, на глубине около 150 метров. Двигатели выключены. Подлодка обесточена.

Даниэль записал: «150 метров – это много. Почему двигатели отключились? В какой части лодки были эти двигатели? Может быть, их тоже залило водой?»

- Вскоре у них может кончиться кислород. Провести эвакуацию очень сложно.

Даниэль: «Можно экономить кислород, это получится - наверняка они знают какие-то способы, их должны были этому обучить».

Он искал новой информации на разных каналах, включил радио. Везде одно и то же. Заснул в пятом часу. Проснулся в лихорадке.

Пришла мама.

- У тебя наверно температура под сорок градусов, должно быть чем-то отравился, - сказала она. – А почему телевизор включен?

- Проверяю.

- Принести тебе что-нибудь?

- Сходи, пожалуйста, в киоск за газетами.

- Какие ты хочешь?

- Все, что есть!

Тереса Лукасик: - С ним всегда так было, когда он чем-то увлекался – втягивался полностью. Очень был впечатлительный. Сейчас я бы хотела, чтобы он был такой, как все, чтобы озоровал, как другие – вытащил бы, что ли, у отца деньги из кошелька, или бросался камнями в собаку.

Особый случай

У отца без спросу он никогда не брал ни гроша, потому что отец сам давал ему деньги. И всегда больше, чем было нужно. В собак тоже никогда не бросался камнями.

Ему было четыре года, когда отец, въезжая в гараж, не заметил Цезаря, спавшего при входе. Он даже не услышал, как собака пискнула, когда машина на нее наехала левым передним колесом. Даниэль это видел. Он прижал руки к ушам и замер так на полчаса. Отец закопал овчарку в саду. Следующие две недели Даниэль стучал пальцем в землю. Ждал, что Цезарь отзовется.

Павел Лукасик: - Обычно дети о таких вещах забывают. Я уже тогда знал, что с ним – особый случай. Мы даже к врачу обращались, чтобы проверить, не аутизм ли это, но врач нас успокоил, что нет.

Умерла Ангелика, соседская дочка. Воспаление мозговой оболочки с тяжёлыми осложнениями. Она была Даниэлю ровесница – шесть лет. Если Даниэль с кем и дружил, так это именно с ней.

Тереса Лукасик: - Всё ходил к её дому и звал: «Ангелика, Ангелика!» Пани Барнась, мама Ангелики, несколько раз ему объясняла, что девочка умерла, что не нужно ее звать.

Но Даниэль все равно звал. Однажды пани Барнась не выдержала. Вышла из дому и ударила Даниэля.

Павел Лукасик: - Мы даже и не протестовали. Даниэль был не виноват, но и она не виновата. Ударила в беспамятстве.

В школу он пошел на год раньше. С учебной не было никаких трудностей, зато у учителей были с ним проблемы. Они нервничали, когда Даниэль решал уравнения с двумя неизвестными, а другие дети всё еще с одним не могли разобраться. Когда оказывалось, что Даниэль знал все столицы государств в Африке, а другие дети еще Европы не прошли.

Анна Корделя (учительница Даниэля в начальной школе): - В этой школе гениев никогда не было, вот никто и не знал, как с ним поступать. А откуда же нам знать? Это ведь деревня.

И я мог бы так умереть

15 августа. Он весь день сидел в своей комнате. Смотрел телевизор, слушал радио, бродил по Интернету, в десятый раз перечитывал статьи во вчерашних газетах.

В своей тетрадке написал: «Я должен знать, живы ли они. Жду ИНовостей дня!».

19.30. «Новости».

- О нехватке воздуха на борту «Курска» спасатели узнали по звуковым сигналам, посланным запертыми в лодке моряками. Сигналы слабеют с каждой минутой. С лодкой нет радиосвязи, единственная связь с ней – этот стук.

Даниэль записал: «О, Господи!!! Как они стучат? Азбукой Морзе, а может быть, они в бешенстве, что за ними никто не приходит. Это ужасно!!! Может быть, стучат в стену на ощупь, а может быть, задыхаются!!!!»

- Тем временем представитель российского флота предостерег на пресс-конференции в Североморске, что на «Курске» резко падает содержание кислорода.

Даниэль записывает: «Боже!!! Значит, они задыхаются, не могу себе представить, что и я мог бы так умереть.»

Но он попробовал представить, как могли умирать люди на «Курске». Все это он описал в тетрадке. Начал с того, что сдерживал дыхание в течение нескольких секунд. («Чтобы приучить легкие к меньшему количеству кислорода»). Дошел до двух минут. У него закружилась голова. Он наверняка потерял сознание, потому что записал: «Перерыв памяти». Потом в течение десяти секунд он дышал быстро и глубоко. И прикладывал ко рту целлофановый пакет, наполненный воздухом.

Он был наверху, родители и бабушка – на первом этаже. Никто не знал, чем он занят.

Павел Лукасик: - Я был уверен, что он не спит по ночам потому, что нашел что-нибудь интересное в Интернете. Парень очень толковый. Умеет распоряжаться своим временем.

Тереса Лукасик: - Ничего особенного я не заметила: он был такой, как всегда – бледный, и сидел все время в своей комнате. Мы бы забеспокоились, если бы он начал куда-то ходить или начал бы с нами разговаривать больше, чем обычно.

У Лукасиков есть еще один сын, Дарек. Он в армии. Неделю спустя после трагедии «Курска» Даниэль послал ему письмо. Писал, что его не интересует, что творится в мире за исключением одного места: Баренцево море.

Дарек: - Когда я прочитал, то сразу подумал: «Парень хочет стать моряком. Отлично».

Просто стариковская болтовня

В деревне ни у кого не было такого дома, как у Лукасиков: большой, снаружи – белый, крыша бордовая, а внутри – все деревянное. Лукасик купил участок и переехал сюда из Кракова (снимали комнату с кухней), когда родился Даниэль. Его компьютерная фирма развивалась прекрасно. Деньги поступали на счет в банке. Когда поднакопилось достаточно, начал строить дом.

Тереса радовалась. Она могла выбирать мебель, не глядя на цены. Наняла Йолю для готовки и уборки. У нее самой никаких занятий не было. Иногда приезжала к мужу, в офис, или ходила гулять с сыновьями. Когда они подросли, у нее действительно появилось много времени. По несколько раз в день она меняла лак на ногтях.

Тереса: - Вначале трудно было привыкнуть к такой жизни. Но когда с нами поселилась мать Павла, занятие появилось. Нужно было все время за ней присматривать, она то и дело теряла память. Шла, например, в подвал, а думала, что открывает дверь на улицу.

Зофье Лукасик 74 года. Она много молится. По десять раз повторяет любимое заклинание: «К Тебе обращаюсь, Отец мой небесный». Когда она это произносит, то откидывает голову и смотрит в потолок (или в небо, если находится вне дома).

Тереса: - Она мне сказала, что делает это для того, что не пропустить момент, когда Бог ей явится.

Свекровь хорошо ладила с внуками. Так говорит Тереса. Она часто разговаривала с ребятами. Говорила о Боге и о смерти. Тереса не видела в этом ничего плохого: «Это все просто стариковская болтовня».

Тем больше поводов для отчаяния

Даниэль ждал первой спасательной акции. Анализировал разные возможности: спасательный модуль, применение подводных минилодок («Они смогут забрать только 24 человека, а что с остальными?»), присоединение рукава с воздухом.

Он обзвонил школьных товарищей. Просил к нему приехать. Приехали Мацек и Томек – остальные разъехались на каникулы. Он пошел к Яцеку и Кубе (живут в той же деревне, Даниэль гонял с ними мяч). Все четверо собрались в комнате Даниэля 16 августа. Даниэль хотел основать общество.

«Один я ничего не придумую, а от бездействия мне плохо делается.»

Общество «Курск» – пятеро ребят, самому младшему 12 лет, старшему – 17. Обсуждали, смотрели телевизор, слушали радио. Но главным образом – обсуждали. На 18 августа, в пятницу, Даниэль собрал чрезвычайное заседание (за два дня до этого он услышал по телевизору, что морякам «Курска» хватит воздуха самое долгое до пятницы).

Ребята поспорили.

- Перестань трепыхаться, Даниэль, эти парни с подлодки давно ded, рыбы их кушают.

- На такой глубине нет рыб.

- А что есть?

- Давление.

- Даниэль, ты ненормальный! Дело кончено, никого уже не спасти.

Даниэль вышел в ванную. Мацек говорит, что наверняка там расплакался, потому что когда вышел, лицо было красное. Вечером, когда он остался один, написал в своей тетрадке: «Они ничего не понимают. Ведь если бы экипаж «Курска» был мертв, то так бы уже никто не суетился. Мне кажется, они живы. Если они не двигаются, не стучат, то это для того, чтобы не тратить кислорода.»

Всю ночь он думал об «этих цифрах». Вначале сообщили: экипаж насчитывал 116 человек, так что он переживал за всех 116. Потом сообщили: их 118.

Написал: «На два человека больше, тем больше поводов для отчаяния.»

И еще: «Под водой все иначе. Там жутко, потому что нет ничего, кроме воды. Может, и смерти нет.»

Я тоже мог бы там быть?

20 августа он сидел за компьютером. Пришла Йоля с обедом.

- Ищешь что-нибудь?

- О «Курске».

- Тебя, видно, и правда задело...

Прочитал десятка два страниц в Интернете. Несколько распечатал:

«Все польские СМИ трубят о подлодке, а за прошлую неделю на польских дорогах разбилось столько же людей, сколько погибло в этой лодке и в самолете, и что??? Может, если их всех посадить в автобус и устроить столкновение с цистерной полной серной кислоты, о-о-о, тогда бы началось, все бы сразу позабыли о какой-то русской подлодке...»

«Жаль этих людей, но они сами выбрали себе профессию...»

«По моему мнению, нечего делать сенсацию. Люди умирают, а то, что одним суждено в своей постели, а другим в подводной лодке, так это дело случая, любой мог быть там, на [Курске]!»

Даниэль записал: «И я тоже мог бы там быть?»

Днем позже в «Курск» вошел норвежский водолаз. По радио Даниэль услышал:

- Первоначальные сообщения о воздухе, оставшемся за шлюзовой камерой, не подтвердились. Заблокированный вход в подлодку был вскрыт норвежскими водолазами в 5.45 и – как они говорят – только тогда туда проникла вода. В камере никого не было, никаких тел там не обнаружено.

Он радовался: раз не было тел, значит, еще живы. «Живые тела не плавают беспорядочно.»

Каникулы кончились. Даниэль начал ходить в школу. Но мысли его отсутствовали.

Мацек (из общества «Курск», одноклассник): - Как-то на перемене он начал рассуждать. Говорил, что если один отсек был герметичным, то есть, его не залило, то моряки там могли уцелеть. Этот отсек мог быть подключен к генератору, подающему воздух, и тогда они еще живы. Я не хотел это выслушивать, это технически невозможно. И глупо. Не переменах я его избегал. С ним ни о чем уже невозможно было разговаривать. Как-то он рассказал мне, что всю ночь просидел в углу комнаты, скрючившись – чтобы представить себе, как долго можно просидеть без движения. Он был ненормальный.

Всё за всё

Тереса Лукастик: - Он был нормальный. Вставал утром, ел завтрак, выходил из дома и шел в школу. Прошался, как обычно: «Ну, пока». А что еще? Нет, не заметила, чтобы он говорил больше или меньше. Он вообще говорил

мало. Он был неразговорчивый. Если бы что-то было не так, перестал бы уроки делать или прогуливал. А я бы сразу об этом узнала, у меня был хороший контакт с классной руководительницей. Нет, я тогда ничего не замечала.

Не видела она и как выглядит комната Даниэля (он ее запирает на ключ): всюду снимки, вырезанные из газет, статьи, книги о военно-морском флоте (особенно о подводных лодках), и длинный лист бумаги, приклеенный к стене. На нем фамилии всех 118 моряков с «Курска»: Нефедков, Боржов, Зубов, Шульгин, Баланов, Лячин, Шубин, Белогунь, Исаенко, Силогава, Саблин, Фесак, Полянский, Кисловский, Белов, Рычков, Котков...

Томек (из общества «Курск», одноклассник): - Он всё не терял надежды. Даже, когда сказали, что наверняка никто не выжил, он говорил, что враньё все это. Даже когда сказали, что будут их вынимать к концу сентября, а это доказывало, что в живых никого не осталось, он сказал: «Пусть поторопятся». Паранойя, правда?

17 октября по телевидению показывали документальный фильм «Курск». Даниэль его смотрел. И делал записи в тетради. Когда на экране показали экипаж «Курска» перед выходом в море, он записал, что моряки должны быть живы, ведь в фильме они живут. Когда появился норвежский водолаз – записал, что он не выглядит как профессионал, но наверняка их спасет. Когда водолаз откручивал клапан люка – написал, что мог бы действовать и побыстрее.

Под конец он пишет: «Ничего не показали, ни одного слова не сказали, живы ли они. А они живы, я знаю. А если они не выжили, то и другие не должны жить. Не что-то за что-то, а всё за всё.»

Фильм закончился. Даниэль записал в тетради последнюю фразу: «Чувствую, что меня изнутри заливают водой, противное чувство». Потом пошел брать ванну. Взял с собой нож для резки бумаги. От горячей воды вздулись вены.

Пришла Йоля с поздним ужином.

Наконец что-то проясняется

Скорая помощь везла Даниэля в больницу. Поехали от самого дома, но водитель не включал сигнал. Павел Лукасик сам попросил об этом: - Только когда из деревни выедете. Люди нас сплетнями замучат до смерти.

Даниэль долго лежал в больнице.

Тереса Лукасик: - Это был самое тяжелое время в нашей жизни. Мы непрерывно ломали себе голову: почему? Никто не знал ответа. В школе одноклассники не знали, учителя тоже. Мы подумали, что может быть кто-то его пугал, пригрозил чем-то, это с людьми случается. Только, ведь Даниэль был чересчур впечатлительный, и это могло на него сильнее подействовать, чем на кого-то другого.

Даниэль вернулся домой. Родители расспрашивали, но он молчал.

- Может быть кто-нибудь тебя шантажировал, грозился? – допытывалась Тереса.

Даниэль кивнул головой.

- Теперь тебе нечего бояться, поменяем школу, - решил отец.

Несколько раз они возили Даниэля к психологу, чтобы «Такие мысли больше никогда не появлялись.» Он отвечал на вопросы, поддержал родительскую версию, сам что-то добавил. Он не знал, что 25 октября выловили тела трех моряков, а потом нашлось письмо в кармане Дмитрия Колесникова. Он не мог этого знать, потому что в палате, где он лежал, не было ни телевизора, ни радио, и газет никто не читал. Он узнал об этом в машине, когда ехал с отцом за покупками. Лукасик-старший слушал радио (говорилось о письме, прочитанном несколько дней назад).

Павел: - Я сказал тогда в том духе, что, наконец мол что-то проясняется. А он наклонился вперед и спрятал голову между коленями. Я спрашиваю: «Что с тобой?» Сказал, что хочет вернуться домой, что заболел живот, и

он хотел бы лечь. Вернулись домой. Жена дала ему какие-то капли и сидела с ним часа два. Когда заснул, она вышла, но только на минуту, чтобы сварить себе кофе. Отсутствовала минут пятнадцать. Когда вернулась, Даниэль связывал разрезанную на длинные полосы простыню. Она даже не спросила, зачем ему это...

Если бы это было что-то реальное

Через два часа приехал психиатр (знакомый знакомого Павла Лукасика. Беседовал со всей семьей. Ничего не узнал, они-то ведь тоже ничего не знали, кроме собственной версии: Даниэлю кто-то пригрозил, он живет в постоянном страхе.

Анджей Милецкий (психиатр): - Причина была не в том. Из всего дома об этом знал только я и Даниэль.

Об этом не знали ни Яцек, ни Куба (члены общества «Курск», жители той же деревни), но в конце концов начали догадываться. Родителям об этом не сказали. Сейчас тоже не хотят об этом говорить. Разве что «за пятнадцать злотых на сигареты».

Яцек: - Такие вещи кажутся невозможными. Это как в кино, или что-то в этом роде. Никому не говорили, потому что мы не были уверены, а может, например, он это сделал, чтобы какую-нибудь девчонку напугать, которая ему отказала. Стыдно было бы шум поднимать.

Куба: - Безумцы кончают с собой из-за девушек, а сверхбезумцы из-за тех, что остались на дне.

Доктор Милецкий велел изменить окружение. Лукасики отвезли сына к брату Тересы – у него дом под Новым Сончем. Милецкий приезжал каждый день (поставил диагноз: тяжелая депрессия).

Тереса: - Я не могла спать по ночам. Боялась, что он в доме у брата что-нибудь опять с собой сделает, а я все еще не знаю, из-за чего всё это!

И только лишь 10 декабря она обнаружила в комнате Даниэля «полный архив IКурскаI» (так он назвал документацию, то есть, фотографии, статьи, информацию из Интернета, видеокассеты, всё это было разложено в разных местах, каталогизировано).

Тереса: - Если бы это была какая-то реальность, мне бы было легче, только не это...

Павел: - Он это пережил не так, как все, не просто, по-человечески...

Они не знают, как он это пережил, потому что не могут себе представить, что можно пережить что-то сильнее, чем «просто, по-человечески».

Я ничего не чувствую

Даниэль поправляется. По крайней мере, так говорит доктор Милецкий. Депрессию нужно лечить несколько лет. Но теперь он знает, как лечить, потому что знает, почему Даниэль хотел покончить с собой. («У меня никогда не было такого случая»). Он уверен, что парень не будет делать третьей попытки.

Милецкий: - То, что он должен был выбросить из себя – он выбросил. Теперь он пустой внутри и должен вобрать в себя что-то хорошее. Он должен чем-то себя заполнить.

Даниэль начал говорить, иногда улыбается. Он уже может говорить и об этом, но только тогда, когда действительно хочет (нельзя его расспрашивать).

Даниэль: - Я ничего не чувствую, ничего не понимаю. Знаю только, что мне жаль. Их жаль. Ночью я часто не сплю, мне это снится, и я просыпаюсь.

Во время рассказа он трет левую руку. Потом подтягивает рукав. У него еще свежие шрамы - вырезанное чем-то острым число 118 (столько погибло в подлодке «Курск»).

Даниэль: - Врач говорит, что всё пройдет. Может и так, но кожи я ведь не поменяю. Сто восемнадцать – это для них.

*Имена и фамилии героев репортажа были изменены
«Газета Выборча» 22.12.2000.*

**Нина
Молева-Белютина**

ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ МОСКОВСКИХ ПОЛЯКОВ

Открытие в Москве в 1954 г., вскоре после смерти Сталина, магазина “Книги стран народной демократии” (позднее переименованного в “Дружба”) едва ли не впервые позволило так наглядно выявить глубину и характер связей с Польшей и польской культурой, втайне от властей сохранившихся и развивавшихся в собственно народной среде. Отдел польских изданий со дня своего появления отличался исключительным многолюдьем. Буквально толпы покупателей расхватывали появлявшиеся издания, и — что очень примечательно — не словари, самоучители или адаптированные тексты. Читатель свидетельствовал о своем знании языка, которое при сталинском режиме лучше было скрывать.

Бум вокруг польской книги был одинаковой неожиданностью как для властей, так и для польской среды в Москве. Первые молчаливые покупки очень скоро сменились оживленными разговорами и дебатами на польском языке. Магазин стал своеобразным клубом, куда стремились даже больше для языковой практики, для ни с чем не сравнимого ощущения звучания родной речи. К тому же именно через польские издания в Советский Союз приходили мировые литературные новинки — пройдут долгие годы, пока окажется возможным их издание на русском.

Интересны чисто статистические данные. Почти сразу книжные киоски с польской книгой были организованы в многочисленных научно-исследовательских институтах, конструкторских бюро. Появились 23 “народных магазина”, работавших на общественных началах. Более 100 библиотек начали комплектовать польские отделы. В обиход Москвы наряду с художественной литературой вошла и польская научно-техническая литература. И все это при сравнительно малом спросе на словарные издания. Корни этого феномена уходили к началу века.

* * *

Сразу после начала I Мировой войны был отдан приказ верховного главнокомандующего о сплошной эвакуации с территории Польши всех государственных учреждений, простой список ко-

торых показывает, насколько всеобъемлющей была происходившая акция. К тому же заблаговременно принятое решение позволяло обеспечить наибольшие удобства для эвакуируемых — с семьями и всем домашним имуществом, под которое предоставлялись специальные товарные вагоны. Известно немало случаев, когда уезжавшие вместе с предметами домашней обстановки увозили даже комнатные растения, в то время в Польше очень популярные. Эвакуационный комитет гарантировал их сохранность, а тем более сохранность музыкальных инструментов, фамильных библиотек.

Местом эвакуации была назначена Москва, располагавшая большим количеством учреждений, по своим размерам способная принять массу эвакуируемых и — что, судя по казенным документам, представлялось немаловажным — издавна имевшая многочисленную польскую колонию, организованную, структурно оформленную и очень деятельную. Ее центром служила “римско-католическая польская святых Апостолов Петра и Павла церковь” в самом центре города, рядом с Лубянской площадью, в Милютинском переулке (в советский период — улица Мархлевского). Кстати сказать, единственный польский костел среди имевшихся в старой русской столице девяти церквей, как их называли, “иноверческих исповеданий”, в число которых входили три армяно-григорианских, две евангелическо-лютеранских, одна евангелическо-реформатская, одна английская епископальная и римско-католическая французская св. Людовика, поныне действующая на Малой Лубянке.

В том же Милютинском переулке располагались Общество польских женщин в Москве, общество “Дом польский”, Польская библиотека, имевшая собственный дом, Польское гимнастическое общество в Москве во главе с инженером-механиком Люцианом Цвирко-Годыцким и товарищем председателя Антонием Малевичем, польская женская школа и польское мужское училище при костеле, руководимые о. Антонием Виктором Герасимовичем (он же — викарий костела), и имевшее особенно большое значение в жизни поль-

ской колонии Благотворительное общество вспомоществования бедным римско-католического исповедания в Москве с Детским приютом в пригородном селе Богородском. Председателем Общества был в то время известный юрист, присяжный поверенный Александр Ледницкий, товарищем председателя — член Московской Судебной палаты Фаддей Мержинский, в числе постоянных членов — декан и настоятель костела, восторженно любимый польской колонией о. Игнатий Чаевский.

Впрочем, организационный груз, легший на их плечи, был значительно облегчен Московской городской думой. На заседании, посвященном решению квартирного вопроса в связи с таким массовым приездом эвакуированных, бессменный руководитель сословия и гласный Василий Гринев обратился к членам Думы со словами: “Господа, да неужто посралим первопрестольную и для них, бедняков, родного крова лишенных, скидки с квартирной платы не сделаем!” Призыв был услышан — цены на московские квартиры не поднялись. Приехавшие имели одинаковую возможность снять квартиру, поселиться в многочисленных меблированных комнатах, которых в городе насчитывались сотни, или в гостиницах.

Так канцелярия Варшавского генерал-губернатора во главе с камергером двора Н.Н.Граве оказалась в доме московского генерал-губернатора на Тверской. В примыкавшем к нему огромном домовладении — канцелярия Варшавского генерал-губернатора во главе с камергером двора И.К.Грессером, Варшавское губернское правление со всеми его многочисленными отделениями (от военно-полицейского до юридического, врачебного во главе с приобретшим сразу же известность в Москве доктором Александром Рогальским, ветеринарного, губернского совета общественного призрения и редакции “Варшавских губернских новостей”, которые редактировал Мариан Млынарский).

В огромном домовладении на Спиридоновке начинает свою деятельность канцелярия Варшавского обер-полицмейстера, которую возглавляет генерал-майор А.П.Балк. Здесь продолжают свою деятельность сыскное отделение под начальством Людвика Курнатовского, охранное под начальством Анатоля Бурдаговского, врачебно-полицейский комитет — Анджей Котляревский, адресный стол и даже смотритель судоходства по реке Висле, в должности которого состоял Франц Шумовский. Неожиданным кажется, что эвакуирован был весь состав так называемой наружной полиции

— от старших приставов, вроде Яна Шпигановича, Эугениуша Белановича, до младших помощников приставов и даже письмоводителей.

Само собой разумеется, в Москве оказалась вся врачебная управа Варшавы — городские врачи Бронислав Войткевич, Валенты Рудзинский, Станислав Пашковский, Генрик Дзедзицкий, многие другие.

Отдельно размещаются магистрат Варшавы, канцелярия Калишского, Келецкого, Люблинского и Радомского губернаторов, управление земледелия и государственных имуществ Варшавской, Петровской, Калишской и Плоцкой губерний, Варшавская контора государственного банка, Варшавская казенная палата, Варшавское казначейство, Варшавская таможня, Варшавская контрольная палата (во главе со старшими ревизорами Домиником Роговским, Базилием Плышевским, Станиславом Караффа-Корбутом).

Российское правительство сочло нужным перевезти в Москву не только учреждения ведомства государственного контроля, министерства императорского двора, ведомства Синода, но и учреждения министерства путей сообщения — управление Варшавско-Венской железной дороги, государственный контроль Привислинских железных дорог, их управление и материальную службу. За ними последовали учреждения министерства юстиции — Варшавская судебная палата под председательством Александра Пржецлавского, Варшавский окружной суд под председательством Г.О.Войницкого, Варшавский коммерческий суд, Варшавский съезд мировых судей, окружные суды и прокурорский надзор Келец, Ломжи, Радома, Сувалок, Седлец, Петровской губернии.

Простое перечисление учреждений, штат которых в связи с эвакуацией не сокращался, позволяет составить представление, скольких польских семей на родине коснулась необходимость оказаться в условиях русской столицы. Государственная служба во многом препятствовала образованию обособленной национальной колонии. Но характер эвакуации, позволивший сохранить привычный быт, даже личные связи и знакомства, — все это обуславливало появление в культурной жизни Москвы сильнейшего польского фактора. Надо принять во внимание и то, что в Москве оказался почти полный состав преподавателей высших и средних учебных заведений Польши.

В Москву были переведены Варшавский политехнический институт, Алексеевский Варшавский ветеринарный институт, все варшавские муж-

ские и женские гимназии, 2-е реальное училище, Варшавское реальное училище А.Скринникова, женская частная гимназия Л.П.Александровой, пользовавшаяся полными правами правительственных гимназий, Ченстоховская мужская гимназия, Варшавский институт глухонемых и слепых, Варшавское художественное училище. Учебные и методические фонды последнего вплоть до начала 1960-х хранились в неразобранном виде в Московском художественном институте им. В.И.Сурикова, по свидетельству заместителя директора по учебной части профессора Аркадия Кузнецова.

Занятия не прерывались буквально ни на один день. Для их продолжения на вечернее время — либо с 15 часов 30 минут до половины восьмого вечера, либо с половины пятого до половины девятого, — были предоставлены соответствующие московские гимназические здания. После первого учебного года набор первых классов привлек и многих москвичей. Варшавские школы привлекали хорошей постановкой преподавания иностранных языков, естественных наук и искусств, преимущественно рисования и начал живописи. Тут нельзя не упомянуть семью Дворецких-Богданович. Один из братьев, Роланд, преподавал в 1-й мужской варшавской гимназии, второй, Томаш, академик архитектуры, работал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и вел частную архитектурную мастерскую.

Для истории Варшавского политехнического института московские годы имели особое значение. Политехникум, основанный как приготовительная школа Политехнического института в 1826 г., был ликвидирован после восстания 1863 г. и воссоздан лишь в 1898-м с тем же статусом среднего технического учебного заведения. Эвакуация в Москву совпала с переводом политехникума в ранг политехнического института. Среди приехавших в Москву преподавателей находились такие ученые, как будущий профессор Александр Васютинский (1859-1944), до конца оставшийся в Варшавском политехническом институте и известный как строитель нескольких железнодорожных линий Польши, один из основателей Польского химического общества Тадеуш Милобендский (1873-1959) — автор широко популярных “Школы количественного анализа” и “Школы качественного анализа”, в Москве занимавший скромную должность штатного лаборанта, или Юзеф Богуский (1853-1933), один из пионеров химической кинетики. Он вывел так называемый закон Б, касающийся растворения твердых веществ в жидкостных растворах. Работавший в московские годы препода-

вателем, он стал в дальнейшем профессором Варшавского политехнического и известным популяризатором. В своих записках профессор Ю.Богуский вспоминает, какие великолепные, в частности, лабораторные помещения были предоставлены институту. Политехнический институт расположился в действительно превосходном, только что отстроенном здании Археологического института на нынешней Миусской площади.

Совершенно исключительной оказалась для Москвы роль Алексеевского Варшавского ветеринарного института. Высшего учебного заведения подобного профиля Москва не имела. Отсюда наплыв московских учащихся, тем более что плата за учебу была здесь сравнительно невысока — 50 рублей в год. Для сравнения: Московский институт инженеров путей сообщения взимал 100 рублей в год, Археологический — 75. Требования к предварительной подготовке отличались либерализмом. Наряду с аттестатами гимназий, реальных училищ, духовных семинарий допускались учащиеся, не получившие свидетельств об окончании среднего образования, но с обязательным экзаменом по латыни. Именно варшавский институт дал начало основанному в 1919 г. Московскому ветеринарному институту, превратившемуся, в конце концов, в Ветеринарную академию.

Окончание I Мировой войны не открыло перед теми, кто приехал в Москву, возможности немедленного возвращения в Польшу. Об организации переезда не могло быть и речи. Каждый добивался возвращения на свой страх и риск. Одним это удавалось, другим — нет. Им оставалось сохранять заветы своей культуры в становившейся все более враждебной обстановке. Прятались любые внешние признаки связи с Польшей. Переставала звучать польская речь. Втайне сохранялись обычаи и особенности национального уклада. И тем не менее Польша существовала, давала о себе знать в том, как складывались характеры и мироощущение представителей следующих, родившихся уже на московской земле поколений. Отсюда взрыв интереса к Польше, спровоцированный первым же открытым книжным магазином, возможностью оформлять подписку на польские издания. Московская Польша еще ждет своего углубленного изучения и научных публикаций.

Автор статьи — профессор, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, член Союза писателей и Союза художников России.

Анджей Наймродзкий

Я – ЧЛЕН КЛУБА ДРУЗЕЙ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Мы встретились в Польше. Вернее, на польской территории — в небольшом салоне польского посольства в Москве, любезно предоставленного нам советником посольства Влодзимежем Сандецким, который помог организовать эту встречу.

Нас представили друг другу: шведская актриса Кристина Андерсон, профессор Лев Алексеевич Шилов, инженер Марат Рустамович Гизатулин. Одним словом — международный клуб друзей Булата Окуджавы, клуб, который, правда, не проводит пока мероприятий международного масштаба, но уже насчитывает множество членов и помощников в различных странах. Они мечтают о создании отделения в Польше и надеются, что при участии моей скромной особы приобретут старых и новых друзей. А друзьям этим они обычно задают один вопрос: «Когда Вы впервые услышали Булата Окуджаву?» И вот что удивительно: все помнят!

Отвечаю и я: «Давно, почти сорок лет назад. Тогда в наших домах еще не было магнитофонов, но один мой друг был счастливым обладателем так называемой магнитофонной приставки к проигрывателю. Эта «штуковина» на трех ножках с трудом водружалась на проигрыватель, после чего можно было прослушивать кассеты с тоненькой пленкой...»

Так я познакомился с поэзией и легендой Окуджавы. В свою очередь, и я прошу своих собеседников припомнить свою первую встречу с Булатом...

Лев Шилов рассказывает о создании Клуба: «Это было шесть с лишним лет назад, как раз в день рождения Булата Окуджавы, когда торжественно отмечался его семидесятилетний юбилей, а в московском Литературном музее были организованы два концерта, в которых принимали участие друзья поэта, литературные критики, поэты. Булат тоже участвовал в них и со своей обычной скромностью и сдержанностью выслушивал приветствия и поздравления. На

второй день он выступил сам с чтением своих стихов...

Во время одной из встреч я прочитал собравшимся письмо от профессора Романа Чайковского из... Магадана! Там, в местном университете тоже занимались творчеством Окуджавы. И вот, в местной газете этот профессор обратился к своим землякам с призывом: «А почему бы нам, литературоведам и простым читателям и «почитателям», не организовать?»

Я прочел этот призыв в присутствии более чем сотни участников встречи. В первый список записались около тридцати...»

Так возник клуб — при жизни поэта, но еще без его согласия. Через неделю члены клуба встретились в первый раз и начали строить планы, а затем уже стали встречаться регулярно, каждый месяц. Они слушали и обсуждали самые старые, уже полузабытые записи и готовили к печати альбом о концертах Булата Окуджавы в московском Доме Литераторов. Были собраны тексты выступлений участников и самого поэта, снимки и портреты разных периодов. К альбому должны были прилагаться две кассеты с записями, сделанными во время концертов.

Наконец, они набрались смелости и попросили Булата встретиться с ними. Многочисленная делегация из пятнадцати человек приехала на дачу Окуджавы. Они привезли с собой макет будущего альбома. Было множество споров. Записи устных выступлений оказывались корявыми и нескладными, производили впечатление составленных наспех. В записях встречались повторения, накладки, слышались разнообразные скрипы, вздохи и покашливания. Были и паузы — иногда раздражающие, иногда необходимые...

Обсуждения продолжались два года. Наконец, результат споров был представлен на суд главному персонажу. Проект был принят.

Теперь нужно было найти спонсора. Это оказалось делом нелегким, но в конце концов

одному из членов клуба удалось договориться в Министерстве финансов о том, чтобы альбом был напечатан почти бесплатно. Он был готов 9 мая, в день рождения Булата Шалвовича, но тот был болен, находился за границей и в Москву в тот год не вернулся... А потом уже был печальный и торжественный день на Ваганьковском кладбище. И изданный (уже как бы посмертно) альбом был представлен читателям именно там...

Однако клуб продолжал свою деятельность. В частности, благодаря усилиям его членов, в помещении небольшой дачи в Переделкине был организован дом-музей Булата Окуджавы. Сегодня на счету у клуба многочисленные издания литературоведческих и критических работ, эссе и воспоминаний, связанных с жизнью и творчеством выдающегося поэта.

* * *

Лев Шилов не помнит точной даты, когда он услышал первую в своей жизни запись Окуджавы. У него редкая литературоведческая специализация: коллекционирование голосов писателей и поэтов. Он не только собирает архивные материалы, но и сам уже более сорока лет записывает на магнитофон их публичные выступления, которые имеют в России давнюю, уходящую корнями еще в прошлый век традицию. Он много путешествовал, представляя свои записи и читая лекции на небольших авторских встречах. При этом он всегда старался привозить на эти встречи какие-нибудь последние записи Окуджавы. «Бывало, что в каком-то городке на краю света, — вспоминает он, — я начинаю показывать свои «столичные новинки» — и, представьте себе, слышу: «А у нас это уже есть!» Я был свидетелем того, как молниеносно распространялись его баллады в стране и за рубежом. Похожее чувство я испытал, когда впервые оказался в Варшаве в квартире Витольда Домбровского, друга и переводчика Окуджавы. Мне показалось, что я у себя дома — скромный интерьер, те же книги, те же авторы. Булат связывает между собой самых разных людей. Я осознал это, когда стал задумываться над феноменом Окуджавы и его популярностью в других странах. В Польше — ну, это еще понятно. Славянский язык, похожее

отношение к истории, общие судьбы и национальный характер... Но представьте себе мое изумление, когда я узнал, что пластинка с песнями Окуджавы появилась в Японии и к тому же распродавалась массовыми тиражами! Я долго размышлял об этом, беседовал с японцами, и наконец пришел к выводу, что в самом тембре его голоса, в манере пения есть что-то, что воздействует не только на сознание, через понимание слов, но и на подсознание. Он непосредственно воздействует на наши души, и потому, даже не улавливая смысла слов, мы в состоянии почувствовать, о чем он поет. Мы начинаем понимать его голос!»

Кристина Андерсон впервые услышала баллады Окуджавы в Австрии, в театральной студии, где она обучалась пению и актерскому мастерству. Ее «специальностью» были зонги Брехта. Ее профессором там был... сам Александр Бардини¹! А еще там учился один студент из Болгарии, который, подыгрывая себе на гитаре, исполнял песни Окуджавы. Она спросила: «Что это?» А профессор ответил: «Это Булат Окуджава. Гениальный поэт. Живет в России». Именно Бардини раздобыл для нее ноты и тексты этих песен, по-русски и по-польски. Однако, чтобы Кристина хоть что-то могла понять, ему пришлось переводить их на немецкий. Впрочем, объяснять приходилось не только смысл слов... Кристине повезло — Александр Бардини был не только великолепным педагогом, но и человеком большой души.

Первой балладой, которую она осмелилась исполнить, была знаменитая «Молитва». «Это было 23 года назад, — вспоминает она, — Потом я вернулась в Швецию, играла в Драматическом театре — в частности, множество брехтовских ролей, но параллельно занималась пением и вскоре записала свою первую пластинку, на которой зонги Брехта соседствовали с песнями Окуджавы. Позднее я познакомилась с ним лично — и это была новая школа. Школа музыки и поэзии. Мы выступал вместе, как в Швеции, так и в Москве. Сегодня я сама перевожу его баллады. Был снят фильм, у меня уже вышли 4 пластинки, меня по-прежнему приглашают на концерты... Как

¹ А.Бардини (1913-1995) - выдающийся польский актер, театральный деятель и педагог. — *Пер.*

я пою его песни? Я думаю, что Булат оберегал свою душу, защищал ее. Это было слышно в его голосе. Именно поэтому, как говорит профессор Шилов, дух его поэзии бывает понятен даже в Японии, даже без слов... Это ответ на главные вопросы: как жить, чтобы сохранить себя, как не позволить разрушить свою душу?»

Марат Гизатулин жил в Узбекистане, в небольшом городке Чирчик. Там к нему в руки попала пленка. Еще не кассета, а бобина с какой-то глуховатой, не слишком чистой с технической точки зрения записью. Трудно было понять, кто и о чем поет. Там, в Азии, Окуджавы был еще неизвестен.

«Наконец, мне удалось расслышать слова этой баллады о грохочущих солдатских сапогах, — рассказывает сегодняшний бизнесмен, владелец ателье по ремонту радио- и телеаппаратуры, инженер, — Мне очень хотелось разобрать остальные строфы, текст, исполнение. Я прослушал пленку еще по крайней мере три раза... Так я стал поклонником Окуджавы. В годы тоталитаризма его стихи были для меня глотком свободы. Впрочем, он сам их так называл. Потом рухнули все стены, рухнул тоталитаризм... Теперь мы понимаем, что его песни обладают универсальным характером, в них есть человеческое измерение... Да они никогда и не были антисоветскими в смысле, навязывавшемся ему недоброжелателями и врагами, которых было немало. Говорили, что эти стихи направлены против государства, а в них просто был глубокий гуманизм, любовь к человеку, к женщине. Ничего не значил ни государственный строй, ни эпоха. Это была просто любовь к ближнему. Как в Евангелии. И эти ценности навсегда останутся среди нас...»

* * *

Уже после встречи я подумал о том, как приятно было услышать от моих собеседников теплые слова о Польше и о польских друзьях Булата. У них в Клубе есть собрание записей зарубежных исполнителей, поющих переводы стихов Окуджавы. Наиболее высоко члены Клуба оценивают пластинку польских актеров. Я прекрасно помню эту пластинку. Там не было никакой подражательности, хотя, как признавались сами исполнители, они учили эти баллады без нот,

со слуха. Однако прежде всего они старались передать дух поэзии Окуджавы. Идеально делала это Агнешка Осецкая и выдающиеся переводчики русской поэзии.

Булат Окуджавы, а позднее Владимир Высоцкий занимали в культурной жизни Польши особое место...

Будем ли мы — как в Польше, так и в России, — помнить об этом сегодня, в эпоху бурного развития новых технологий и Интернета?

Кристина Андерсон выпустила недавно новую пластинку. Новый диск подготовило и «Польское радио», обратившись к архивам фонотеки и концертным записям.

Деятельность Клуба друзей Окуджавы достойно вписывается в эту общую картину и станет тем более ценной, если приобретет больший международный размах.

Булат Окуджавы был так близок людям еще и потому, что он пел и говорил о самых простых, но чрезвычайно важных вещах. И именно сейчас, когда в нашей жизни так много забот, когда люди так нелегко переживают период перемен, когда для многих жизнь становится все труднее и труднее, и они уже ощущают себя на дне — мысли этой массы людей, как в Польше, так и в России, обращаются к тому, что было в нашем прошлом ценного, от чего можно оттолкнуться... Разрушились авторитеты, нормальные человеческие отношения, иерархия ценностей. В борьбе за повседневное выживание люди читают все меньше книг, редко говорят о возвышенном.

Среди немногих вещей, которые остались нам от прошлого, есть и баллады Булата Окуджавы, и образ его мыслей. Образ его жизни, искренность, простота, честь. Такие, казалось бы, простые вещи: не обидеть соседа, уметь жить в обществе, никого не ранить, быть доброжелательным и нести помощь ближним.

Поэт повторял это, повторял без конца, повторял всю жизнь...

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

► В Варшаве завершился XIV Международный конкурс им. Шопена. Победителем стал представитель Китая Ли Юнь-ди. «Уже начиная с первого тура, – заявил журналистам восемнадцатилетний китайский пианист, – мне удалось добиться контакта со слушателями. Поэтому своим успехом я обязан сочетанию внутреннего вдохновения с положительной энергией, которую я черпал из зрительного зала». На концерт лауреатов в Варшаву прибыла испанская королева София; в зале присутствовал также президент РП Александр Квасневский с супругой. Этот концерт представлял собой также официальное завершение Шопеновского года, отмечавшегося в связи со 150-летием со дня смерти композитора. Хотя вердикт жюри относительно главной премии ни у кого не вызвал сомнений, по поводу последующих наград разгорелись страсти. Любимицей журналистов и публики была румынка Микаэла Урсуляса, не прошедшая в последний, 3-й тур. Тем самым она пополнила ряды таких знаменитостей, как Иво Погорелич из Югославии или аргентинец Нестор Гёрнер, которых подобная судьба постигла в прошлые годы. Похоже, что «салон отвергнутых» на Шопеновском конкурсе имеет почти столь же славные традиции, как и сам конкурс.

► Краков, провозглашенный ЮНЕСКО культурной столицей мира 2000 года, с честью справляется со своей ролью. В программу фестиваля «Краков 2000» входит, в частности, Фестиваль современной музыки «Бархатный занавес». «Бархатный занавес» представляет собой показ лучших образцов современной музыки Центральной и Восточной Европы. «Мы начинаем жить в Европе, в которой уже нет занавесов... Но след от занавеса, некогда разделявшего Восток и Запад, остался. Опыт Востока может стать опытом всей Европы, если занавес будет подниматься перед каждым, кто захочет его поднять. И это вполне возможно, ибо занавес перестал быть железным, а стал бархатным» – сказал руководитель Фестиваля Анджей Хлопецкий. В программу вошли девять произведений, сочиненных специально по заказу фестиваля «Краков 2000», а также впервые исполненное в Польше произведение Кшиштофа Пендерцкого «Actions».

► В Варшаве состоялся уже 42-й фестиваль «Джаз Джамбори», собирающий музыкантов со всего мира. Звездой встречи на этот раз оказался Брэд Мельдау. Кроме того, как утверждают критики, в этом году основной упор фестиваля опасно сместился в направлении «развлекательного, нередко склоняющегося к поп-музыке фольклора из разных стран мира». В связи с этим возникло несколько ироническое предложение – превратить «Джаз Джамбори» в фестиваль этнической музыки. Выступления в рамках фестиваля проходили в этом году в многочисленных джаз-клубах во всей Варшаве и были встречены слушателями с большим интересом.

► Новые явления были отмечены на рынке музыкальных записей, который как будто начал оживляться после нескольких лет спада. Уже само по себе это не может не радовать. Однако наиболее интересным феноменом следует признать тот факт, что большинство дисков, пользующихся огромной популярностью на польском рынке, было выпущено небольшими независимыми фирмами (нередко на собственные средства исполнителей, что оказалось для них «золотой жилой»). Так обстоит дело с самыми популярными сегодня альбомами авторства групп «Ноев Ковчег» и «Голец & Оркестр». Крупные международные фирмы, которые опасались, не решались или вообще не интересовались вложением средств в польских исполнителей, внезапно оказались перед лицом свершившегося факта. И если они действительно намерены остаться на польском рынке, им придется принять его во внимание.

► В Кракове в возрасте 65 лет скончался Кшиштоф Литвин – художник, график, но прежде всего популярный киноактер («Приключения пса Штафирки», «Рукопись, найденная в Сарагосе») и один из «столпов» краковского кабаре «Пивница под Баранами».

► Событием театрального сезона стала премьера пьесы Тадеуша Ружевича «Спагетти и меч», поставленной Казимежем Куцем в краковском Старом театре. «Просто диву даешься, – сказал Куц в интервью для газеты «Жиче», – что этот абсолютно уникальный автор так редко появляется на наших

сценах. Его драмы [...] невероятно польские, и в то же время всегда универсальные. [...] Он совершил революцию в польской драматургии и не вписывается в рамки традиционной сценической литературы».

► Ингмар Иллквист – скрывающийся под скандинавским псевдонимом польский автор – на глазах становится одним из самых интересных современных драматургов. Иллквист предлагает нам психологический театр: больше всего его интересуют нездоровые эмоциональные связи между людьми, а его постоянный рефрен – необычность, скрытая под повседневностью. Наибольшим успехом пользуется его пьеса «Ночь Хельвера», поставленная в нескольких польских театрах и уже переведенная на немецкий язык, затем – цикл одноактных пьес «Анаэробы», «Призрак» (где показаны мужчина и женщина, ведущие себя так, будто между ними постоянно находится кто-то третий), «Без заглавия» (о смерти юноши, больного СПИДом) и несколько других.

► Под лозунгом «Театр и современный балет из Нью-Йорка и Варшавы» прошли в этом году VII Международные встречи сценических искусств «Распутье 2000». «Это встречи театральных коллективов, которые переходят границы, разрушают условности, объединяют разнородные явления», – сказал многолетний организатор Встреч, Януш Марек. В этом году в них приняли участие «Дуг Элкинс Данс Компани», «Триша Браун Данс Компани» и «СИТИ Компани» из Нью-Йорка, а также «Академия Руху», видеотеатр «Поза» и театр «Академия» из Варшавы.

► Анджей Вайда стал лауреатом премии им. Конрада Свинарского за постановку телевизионного спектакля «Бигда идет». Премии им. Александра Зельверовича для лучших актеров получили Катажина Гневковская за роль Грушеньки в «Братьях Карамазовых» по Достоевскому в постановке Кристиана Люпы и Игнаций Гоголевский за роль Шарма в «Оперетте» Гомбровича.

► Одним из героев фестиваля «Краков 2000» в области театра и изобразительных искусств стал Тадеуш Кантор. Во всем городе выставлены его картины, в Национальном музее открыта выставка автопортретов художника, а в его филиале в Сукенницах – своеобразная канторовская версия классического полотна Яна Матейки «Присяга прусского князя». Демонстрируются также театральные проекты и реквизиты из спектаклей, поставленных этим режиссером, который был одним из самых интересных экспериментаторов в области сценического искусства уходящего XX столетия.

► В связи с 200-летием со дня рождения Петра Михаловского в краковском Национальном музее открылась выставка «Петр Михаловский (1800–1855)». Михаловский, считающийся наиболее выдающимся представителем периода романтизма, был самоучкой. Свой интерес к живописи он развивал, упорно работая над собой, некоторое время учился в Париже и пополнял свой художественный опыт, внимательно изучая старинные полотна в Лувре. Писал лошадей, жанровые сцены и портреты, благодаря которым он и приобрел широкую известность.

► Прежде чем попасть в галерею «Захента», выставка «Нацисты» Петра Уклянского демонстрировалась в Чикаго, Берлине и Лондоне. Уклянский использует кадры из фильмов, на которых представлены актеры, переодетые в гитлеровские мундиры, и выстраивает эти фотографии в виде гигантского фриза. Эти портреты становятся вещественным доказательством в процессе против невинной с виду массовой культуры, которая в течение пятидесяти лет, прошедших со времени окончания войны, привела к полному смещению акцентов: из отрицательного героя новейшей истории она сделала своего рода идеал суровой мужской красоты, харизматического антигероя, облаченного в зловещую, но не лишнюю определенной возвышенности военную форму.

► Краковский музей Чарторыских передал во временную экспозицию Иерусалимского музея картину Рембрандта «Пейзаж с милосердным самарянином». На время пребывания полотна в Израиле в Краков прибыли акварели Ренуара и Сезанна, выставленные в музее Чарторыских.

► «Искусство дизайна. Варшава 2000» – так называлась выставка, прошедшая в варшавском Доме Художника, на которой были представлены достижения последних лет в польском дизайне. Среди экспонатов были как предметы ежедневного обихода, так и примеры оформления крупных и небольших пространств и помещений на выставках, зрелищных мероприятиях и территориях ярмарок.

► Во Дворце культуры и науки в Варшаве открылся первый в истории столицы музей восковых фигур. На 30-м этаже высотного здания можно будет увидеть изображения как ныне живущих, так и

исторических персонажей. Восковые фигуры придут из Санкт-Петербурга в рамках договоренности с тамошним музеем «Паноптикум».

► Фирма «Польское телевидение» подписала договор с европейским телевизионным каналом «Арте», вещающим на немецком и французском языках и посвященном главным образом событиям в области культуры.

► По мнению зрителей 16-го Варшавского международного кинофестиваля, лучшим показанным на нем фильмом была чешская картина «Одинокие» режиссера Давида Ондржичека. Второе место занял исландский фильм «Рейкьявик 101». Оба кинопроизведения представляют собой камерные рассказы о человеческих проблемах в эпоху индустриализации и коммерциализации нашего мира.

► Степень доктора honoris causa Высшей киношколы в Лодзи была присвоена Роману Полянскому, Анджею Вайде и Войцеху Ежи Хасу (посмертно).

► Фильм Кшиштофа Занусси «Жизнь как смертельная болезнь, передающаяся половым путем», победитель фестивалей в Москве и Гдыне, был выдвинут на соискание премии «Оскар» в качестве польского кандидата по разделу неанглоязычных фильмов.

► В амстердамской фильмотеке польские исследователи обнаружили самый старый польский художественный фильм – 24-минутную детективную комедию «Тайна комнаты № 100» (1914 г.), в котором выступили, в частности, корифеи польской сцены Стефан Ярач и Александр Зельверович.

► В последнее время вошло в моду посещение съемочных площадок. Больше всего гостей бывает на съемках экранизации романа Жеромского «Канун весны», которую осуществляет режиссер Филип Байон, а первым посетителем здесь стал маршал Сейма Мацей Плажинский. Затем на съемках «Камо грядеши» (по роману Г.Сенкевича) в гостях у Ежи Кавалеровича появился посол США в Польше Кристофер Хилл с супругой. А совсем недавно первый символический щелчок «хлопушки» на съемках фильма Ежи Антчака «Шопен – желание любви» сделала Иоланта Квасневская, жена президента РП.

► Зато на съемках фильма «В пустыне и в пуще» (по Г.Сенкевичу) царит подлинное вавилонское столпотворение. Многонациональная съемочная группа фильма общается между собой по-английски, по-польски, по-французски, по-арабски и на суахили. Неудивительно, если учесть, что главные роли исполняют польские дети и двое восемнадцатилетних подростков из племени зулусов, съемки проходят в Тунисе, а ставит фильм режиссер Гэвин Худ из ЮАР.

► Тадеуш Ружевиц стал доктором honoris causa Ягеллонского университета в Кракове. Почетная степень присуждена ему за «убедительный и проникновенный показ в своем творчестве важнейших ситуаций и экзистенциального опыта современного человека».

► Польский лауреат Нобелевской премии Чеслав Милош учредил и с 1991 года присуждает собственную премию для молодых поэтов. В этом году лауреатами этой премии (в размере 10 000 злотых) стали Павел Марцинкевич и Яцек Подсядло. Свой выбор старейший польский поэт обосновал следующим образом: «Хозяйство польской поэзии испытывает очередные потрясения, вызванные спазматической историей нашей страны и необходимостью усвоения стилей и способов мышления, приходящих извне (в основном – с так называемого Запада). Эти два фактора действовали и в последнее десятилетие, что привело к своего рода кризису идентичности... Подсядло и Марцинкевич в своих стихах искали ответ на вопрос «Кто мы?» – как в языковом смысле, перед лицом всей польской литературной традиции, начиная от Кохановского, так и в экзистенциальном – пытаюсь понять, чем их действительность отличалась от действительности американских поэтов. И вот, во внимательном наблюдении и описании окружающего мира во время странствий по Польше (у Подсядло) и жизни в домах-муравейниках спальных микрорайонов (у Марцинкевича) они нашли свою подлинность и оригинальность. Конкретность деталей ограждает их от опасности превращения поэзии в стилистическое упражнение».

► Очередным мероприятием фестиваля «Краков 2000» стала II Встреча поэтов. В ней участвовали лауреаты Нобелевской премии – жители Кракова Чеслав Милош, Вислава Шимборска – и ирландец Шеймус Хини. Основная тема Встречи была сформулирована так: «Поэзия – между песней и молитвой». В Краков приехали поэты, представляющие различные культуры: в частности, Бэй Дао из Китая, Джой

Харджо – индианка из племени Мускоджи, Адмей Косман из Израиля, Ко Ун из Кореи, Райнер Кунце из Германии, Сергей Стратановский и Елена Шварц из России и многие другие.

► Премию издательско-книготоргового сезона «ИКАР 2000» получил о. Ян Твардовский – самый выдающийся из издающихся сегодня поэтов в сутанах.

► В Варшаве прошли III Дни еврейской книги. В рамках продолжавшегося несколько дней мероприятия состоялась презентация книги Хенрика Гринберга «Меторбух», многочисленные встречи (в частности, с Марекон Эдельманом, последним командиром восстания в Варшавском гетто), уроки ивритской каллиграфии, лекция на тему «Новое мышление в католической Церкви о евреях и иудаизме» и, наконец, концерт главного венского кантора Самуэля Барзлая и Хора синагоги «Под белым аистом» из Вроцлава. Был представлен также богатый выбор поваренных книг, посвященных еврейской кухне.

► На IV Книжной ярмарке в Кракове издательство «Выдавництво Литерацке» представило, в частности, «Почти полное собрание сочинений» Венедикта Ерофеева, составленное еще покойным Анджеем Дравичем. Другие интересные публикации – это беседы со Станиславом Лемом «Мир на краю пропасти», подготовленные Томашем Фиалковским, и книга Тадеуша Пильха «Под Крепким Ангелом». Последнее произведение уже завоевало себе широкую известность благодаря фильму Януша Моргенштерна с блестящей ролью Януша Гайоса. На первый взгляд это повесть об алкоголизме, но идущая дальше и глубже, поскольку обличающий алкоголизм автор одновременно стремится растворить проблему в потоке слов и свести ее к чисто риторическому вопросу.

► В списке бестселлеров этого месяца почетные места все еще занимают книги Паулу Сельу, однако на первый план выдвинулись первые книги из цикла волшебных сказок английской писательницы Джинн К. Роулинг о Гарри Поттере – мальнике, который узнает, что его родители, да и он сам – волшебники («Гарри Поттер и философский камень», «Гарри Поттер и комната тайн»). Среди произведений польской литературы – наряду с бессменной Иоанной Хмелевской («Тайна», «Стечение обстоятельств») – наиболее популярны проза Тадеуша Ружевича («Уход матери») и книги недавно скончавшегося философа о. Юзефа Тишнера («Пособие по переоценке ценностей», «История философии по-гуральски»).

► В Оксфорде в возрасте 95 лет скончался Тимон Терлецкий, выдающийся эссеист, критик, театровед, переводчик, многолетний председатель Союза польских писателей за рубежом – человек, вся жизнь которого была связана с театром.

► В Польше не утихают дискуссии о состоявшейся во Франкфурте Международной книжной ярмарке, на которой Польша была почетным гостем. Хотя в целом все заинтересованные стороны сочли наше участие весьма успешным, не обошлось и без ложки дегтя в бочке меда. Марцель Райх-Раницкий, выросший в Польше патриарх немецкой критики, в своей телевизионной программе облил грязью всю польскую литературу. Он заявил, что по большому счету в ней заслуживает внимания только поэзия, но она непереводаима, проза же гроша ломаного не стоит, поэтому и переводить ее незачем. Практика, однако, показывает, что Райх-Раницкий скорее одинок в своих суждениях.

► Ноябрьский День поминовения усопших занимает в польской традиции и обычаях особое место. В этот день каждый поляк чтит память ушедших, и помешать ему в этом не может никакая непогода (как, например, дождь и грязь на кладбищах в этом году). Однако в этот день люди вспоминают не только своих близких. День поминовения становится днем упрочения и торжества ощущения принадлежности к своему народу, подчеркивающим преемственность традиции. Общенациональный день памяти сосланных в Сибирь организовал на Театральной площади в Варшаве актер Ольгерд Лукашевич. Артисты выступали с чтением воспоминаний «сибиряков», переживших этот ад, собравшиеся сосредоточенно слушали письма ссыльных. На православном кладбище в варшавском районе Воля в рамках экуменического крестного хода вместе молились православные и католики. На 30-м этаже варшавского Дворца культуры и науки была открыта выставка фотографий «Воспоминания об ушедших поэтах». Воспоминаниями о них делились со слушателями также их дети и друзья (о Ярославе Ивашкевиче говорила его дочь Мария, о Мечиславе Яструне – сын Томаш, о Галчинском – его дочь Кира). Самое важное мероприятие, посвященное памяти Ежи Вальдорфа, было разделено на две части и состоялось в Большом театре и на кладбище Повонзки. Недавно скончавшийся популярный музыкальный критик

и эссеист были инициатором и неутомимым председателем общественного Комитета восстановления старого кладбища Повонзки. На сцене появились его любимые актеры и друзья, с которыми он ежегодно проводил на Повонзках сбор пожертвований, и которые теперь пришли почтить его память. На кладбище был открыт бюст Ежи Вальдорффа, посвятившего 25 лет своей жизни спасению памятников кладбища Повонзки, играющего столь важную роль в польской культуре.

▶ Лауреатами премий им. Киселя (Стефана Киселевского) стали в этом году политик Анжей Олеховский, занявший второе место на последних президентских выборах («за то, что попал в десятку»), Ирена Эрис, владелица косметической фирмы («за крупное предприятие средних размеров»), и журналист, экономический обозреватель «Газеты Выборчей» Витольд Гадамский («за то, что попадает в самую суть»).

▶ Премии Министра иностранных дел за заслуги в деле популяризации Польши в сегодняшнем мире в 1998–1999 гг. получили переводчики польской литературы, деятели культуры, организации и учреждения. Среди последних оказалось российское общество «Мемориал», собирающее, в частности, документальные материалы о преступлениях советских властей против польского народа.

▶ В Лондоне скончалась Маргарет Сьюзен Чешир, известная под именем Сью Райдер – баронесса Варшавская, пэр Англии, почетная гражданка столичного города Варшавы, основательница фонда «Сью Райдер», отличавшаяся огромными заслугами, непреклонной волей и большой скромностью. Она служила обездоленным, обиженным и нуждающимся. Особые узы связывали ее с Польшей, к которой она относилась как ко второй родине. Она разделяла с поляками их веру и их надежду.

ВАРШАВСКИЙ БАЛЕТ В МОСКОВСКОМ БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

Балет Большого театра – Национальной оперы в Варшаве принял участие в праздновании 75-летия со дня рождения знаменитой русской балерины Май Плисецкой. Варшавский ансамбль исполнил балет «Кармен» на музыку Бизе и Щедрина в хореографии известного шведского хореографа Матса Эка.

Постановку Матса Эка, осуществленную в 1992 году, Мая Плисецкая в своей книге «Я, Мая Плисецкая» называет блестящей. В Варшаве Эк поставил этот поразительный балет в 1999 г. После премьеры он сказал, что варшавская «Кармен» лучше всех, поставленных до сих пор. Поэтому именно польский ансамбль пригласили на торжественный юбилей Май Плисецкой.

В Большом театре в Москве главную роль исполнила знаменитая балерина варшавского балета Эльжбета Квятковская, а в роли дона Жозе выступил талантливый танцовщик Славомир Возняк.

К.К.Гарdziна

Витольд Бересь

«ГАЗЕТА ПОЛЬСКА»

Еженедельник, выходит с 1993 года

«На протяжении нескольких месяцев несколько десятков деятельных, заслуживающих доверия молодых людей, нанятых министром Антонием Мацеревицем, в аналитической группе, созданной специально с этой целью, изучали архивы МВД. В результате их работы были установлены имена государственных деятелей и членов парламента, которые при коммунизме были сексотами, то есть сознательно и, как правило, за деньги доносили на своих друзей, коллег и информировали офицеров госбезопасности о неблагонадежных взглядах и патриотических действиях».

Так начинался один из самых громких польских публицистических текстов, открывавший в 1993 г. один из первых номеров нового еженедельника «Газета польска».

Напомним: 4 июня 1992 г. министр внутренних дел Мацеревиц передал Сейму список 66 политиков, заявив, что это бывшие сексоты. Хотя правительство, при котором возникло это дело, практически тут же рухнуло, а многие имена из списка просочились в СМИ, только год спустя появилось издание, сделавшее люстрацию своей программной линией, а содержащее архивы МВД — сенсацией. Это и была «Газета польска».

Публикации были начаты в первую годовщину падения того правительства: здесь было полностью обнародовано содержимое досье Мацеревица; затем на протяжении многих номеров появлялись другие острые документы, хотя понятно, что проверить их подлинность было очень трудно. Тем более, что почти все начальники секретных служб отрицали ценность архивов госбезопасности. Ежи Конечный, глава Управления охраны государства в 1992-1994 гг., объяснял: «Самым слабым местом предпринятых до сих пор шагов по люстрации был (...) принцип, что можно точно определить, кто был агентом. Пример: один из людей оказался в списках агентов абсолютно без своего ведома — только потому, что в его окружение был внедрен кадровый гебист, который просто добросовестно записывал его суждения и получаемые в разговорах сведения».

Другое дело, что на Петра Вежбицкого [главного редактора «Газеты польской». — Пер.] власти обрушились столь же возмутительным образом: его обвинили в разглашении государственной тайны. Скандально уже то, что государственной тайной признаны архивные материалы коммунистической политической полиции. Но особенно возмущала попытка надеть на свободную прессу намордник цензуры. К счастью, это не удалось.

Но и сам Вежбицкий после падения Берлинской стены причинил немало зла некоторым недавним союзникам по оппозиции, обвиняя их в связях с госбезопасностью. Волнующе прозвучало признание Веслава Хшановского, узника послевоенных времен, который, комментируя тот факт, что он попал в список агентов, напомнил: «Когда в 1948 г. меня посадили на шесть лет, майор госбезопасности обещал, что ГБ будет преследовать меня до конца. Думаю, что, сознательно или нет, это обещание испол-

няется по сей день». Кое-кто из оклеветанных подал в суд на Вежбицкого и дело выиграл, но окончательно их доброе имя очистил только закон о люстрации, принятый в 1998 году.

Правда, и этот закон оказался сомнительным, и многие наблюдатели утверждают, что он используется прежде всего в политических целях. И хотя сегодняшняя люстрация, может быть, самая цивилизованная из возможных, но и в ней хватает причиняемого людям ущерба, оговоров и скандалов.

Что представляет собой «Газета польска»? Саркастически, но не совсем неверно ее можно описать как десницу, очерчивающую круг врагов и разящую их даже в рецензиях на фильмы. А так как враг — это обычно экс-коммунисты из социал-демократов, а еще чаще — бывшие союзники по демократической оппозиции, ныне входящие в центристскую «Унию свободы», предугадывать, на чем будут заострены тексты, — чаще всего пустое занятие.

При этом «Газета польска» способна признавать свои ошибки. Например, Вежбицкий писал: «Иногда, когда я читаю «Газету выборчу», меня с души воротит. Однако неужели я не способен признать, что война НАТО с Югославией была описана в этой газете с достойным восхищения профессионализмом (...)? Ситуация, когда вся правота находится на одной стороне, а другая полностью не права, возникает только в исключительных, экстремальных условиях. (...) Иногда, надо признаться, мы впадаем как раз в такой тон. А зря. Нам бы побольше здравого смысла».

Очень любопытно отношение «Газеты польской» к русскому вопросу. Подчеркивая симпатию ко всем демократическим и прорыночным переменам в бывшем Советском Союзе, не говоря уже о симпатии к русской культуре, редакция решительно отвергла кличи своих сторонников, призывавших порвать с НАТО в пользу раблепного союза с Россией. «Сталин наверняка в аду потирает руки. (...) Дмовский

[польский национал-демократический лидер первых десятилетий нашего века] вел с Россией настоящую политическую игру, целью которой была независимость Польши, — они же предлагают Москве лишь почести да поклоны. Дмовский был борцом за независимость, они же — глашатаи вассальной зависимости».

А когда на Вежбицкого обрушился Зигмунт Вшодак, один из самых ярких шовинистов, тот расценил его отношение к вступлению Польши в НАТО как замысел совместно с «националистами» из ПОРП, «Пакса» [объединения прокоммунистических католиков. — Пер.] и других гнездышек советской агентуры отвести Польше роль кремлевской прихожей, где гниение Запада будут лечить микстурой из аптеки императрицы Екатерины.

Еще один ведущий фельетонист «Газеты польской», известный писатель-фантаст Рафал Земкевич сумел разглядеть другие смешные черты в своем лагере. «Я считаю, что причиной поражения правоцентристов (...) был прежде всего используемый ими язык. Это одна из их самых больших проблем, с которой они не могут справиться уже много лет. Национал-католический лагерь изъясняется (именно «изъясняется», а не «говорит») на архаическом, напыщенном и чопорном польском языке, который до рядового поляка не доходит, но откровенно его отталкивает и смешит. «Призываю вас объединиться под предводительством Матери Божией и Сына Ее Христа в борьбе за свободную Польшу и свергнуть порабощение, которое уготовала нам новая конституция» — это цитата из Мариана Кшаклевского».

Таким образом, от «Газеты польской» можно держаться на расстоянии, учитывая ряд ее спорных шагов, но нельзя не признать, что это издание совершенно независимо от сложившихся в политике групповых отношений. И хотя оно весьма экспрессивное, но при этом честное и последовательное.

Ежи Садецки

КРАКОВ ВЗЯТ

– Мне это снится, да? Не может быть, чтобы все это происходило наяву... – как в трансе повторял валлийский поэт Дэнни Эбс. Было похоже, что его настроение передалось всем присутствующим на сцене и в зрительном зале Старого театра в Кракове. Когда поэтическая мистерия «Дзяды» закончилась, зрители встали со своих мест и устроили участникам десятиминутную овацию.

На сцене, в полумраке, за столиками сидели поэты. В глубине сцены горели свечи, за которыми следила муза в белом одеянии. А под колосниками развевались два огромных серебристых пера. Едва видный, слившийся с темнотой, проникновенно импровизировал на трубе Томаш Станько. С каждым новым стихотворением – воспоминанием о близких и умерших друзьях-поэтах – начинал теплиться очередной огонек, который вскоре гас. Произносились имена Херберта, Бродского, Челана, Леви, Лорки, Маяковского, Мандельштама, Чапского, покончившего с собой молодого словенского поэта. Их духи витали на сцене, и мы прикасались к тайне жизни и смерти. И все это – без тени пафоса, светлыми и чистыми словами, даже с добавкой мягкой иронии.

Поэтическая ноябрьская мистерия, обращающаяся к литовскому обряду с участием «дзядов», то есть духов умерших предков, была предложена Чеславом Милошем в качестве заключения краковской международной встречи поэтов. Его стихи стали также своеобразной оправой, замкнувшей в себе этот удивительный спектакль. Он начался стихотворением «Предисловие» из сборника «Спасение», опубликованного Милошем в 1945 году, со строками «что же такое поэзия, которая не спасает ни людей, ни народов», и закончился стихотворением «Свет сияющий» из последнего сборника «Это». Между этими двумя произведениями пролегла целая поэтическая эпоха – эпоха Милоша. «Последняя четверть века охватывает собой творчество всех участников краковской встречи» – говорит автор сценария поэтической мистерии «Дзяды» Иоанна Громек-Илльг.

Из разных культур, из различных религий

Они приехали в Краков на II Встречу поэтов из разных уголков земного шара. С хорошими стихами и багажом различного опыта, религий и культур. Играющая на тенор-саксофоне Джой Харджо – американская поэтесса из индейского племени Мускоджи, Джейн Хиршфельд из Калифорнии – последовательница буддизма, посвященная в сан послушницы в традиции Сото-дзен, Роберт Хасс – представитель элиты американских поэтов и переводчиков. Брызжащий обаянием и юмором ирландский лауреат Нобелевской премии Шеймус Хини, уже хорошо знакомый жителям Кракова. Всесторонне образованный словенец Алеш Дебеляк, делящий свое время между родной страной и Америкой. Нередко упоминаемый в числе кандидатов на Нобелевскую премию китаец Бэй Дао, живущий в эмиграции со времен побоища на площади Тянаньмэнь. Чудесный врач и поэт из Уэльса Дэнни Эбс. Из России приехали Елена Шварц и Сергей Стратановский, еще не так давно публиковавший свои стихи в нелегальном «самиздате». Райнер Кунце, которого исключили из Союза писателей ГДР, запретив ему печататься. Преподаватель Вильнюсского Университета Марцелинос Мартинайтис. Адмель Косман из Тель-Авива, специалист по Талмуду и Мидрашу, работающий сейчас над книгой о значении поцелуя в еврейской традиции. И, наконец, последний из зарубежных гостей – 67-летний Ко Ун из Южной Кореи, жизни которого хватило бы на несколько биографий. Автор около 150 книг, во время корейской войны, будучи молодым солдатом, он пытался покончить жизнь самоубийством, десять лет был буддийским монахом, затем ушел из буддийской общины, писал нигилистические манифесты, переживал нервные срывы, повторял попытки самоубийства. С 1973 года стал политическим активистом, боролся за права человека, сидел в тюрьме, подвергался пыткам, был осужден на пожизненное заключение, но спустя два года помилован. В Кракове он рассказывал, что под пытками не

захотел, подобно многим другим, обратиться к Богу. «Я не мог этого сделать, потому что не обращался к Нему прежде, когда наслаждался хорошей выпивкой или прекрасными пейзажами», – объяснял Ко Ун.

К этой международной группе присоединились поляки – Вислава Шимборская, Мажанна Богумила Келяр, Эва Липская, Лешек Александр Мочульский, Адам Загаевский.

Присоединились и стихи тех, кто по состоянию здоровья не смог принять участие во встрече – Чеслава Милоша, о. Яна Твардовского, Ежи Фицовского.

– Уже первая встреча поэтов в 1997 году стала успехом. По

всему миру разлетелась весть, что в Кракове существует прекрасная, немного мистическая атмосфера. Так что теперь нам было легче приглашать поэтов из разных стран. Тем более, что обе встречи проходили под духовным покровительством нобелевских лауреатов Чеслава Милоша и Виславы Шимборской, – говорит Ежи Илльг, художественный директор обоих поэтических слетов. Три года назад основной темой встречи стали отношения между поэтами Востока и Запада. На этот раз, в соответствии с предложением Чеслава Милоша, мы решили выбрать широкую тему духовности, а в качестве лозунга встречи – «Поэзия – между песней и молитвой».

Магия слова и музыки

– Я побывал на многих фестивалях поэзии, но то, что я увидел и услышал в Кракове, превосходит все виденное мною раньше. С подобным духовным напряжением мне не довелось встретиться ни разу, – заверяет нас Алеш Дебеляк.

– Поэзия не может существовать только на бумаге. Время от времени она должна прозвучать вслух, должна быть услышанной. Именно это и произошло, – замечает Адам Загаевский.

– Мы участвовали в грандиозном празднике поэзии, – говорит Лешек Александр Мочульский.

Другие поэты единодушно подтверждают эти слова. Они счастливы и потрясены тем, что на каждый авторский вечер в церковь св. Екатерины приходило до тысячи человек, переполнена была синагога Темпль, трещал по швам Старый театр. К поэтам, подписывающим свои книги в Сукенницком пассаже, выстроилась очередь длиной в несколько десятков метров.

Это была молодая аудитория, жадно впитывающая в себя стихи, живо реагирующая, чувствующая поэзию. Аудитория волшебная, всматривающаяся в каждый жест, вдумывающаяся в скрытый смысл слов. Она вслушивалась в мелодию родного языка поэтов, сопоставляя ее с польскими переводами, которые выразительно читали переводчики. Она была открыта музыке Томаша Станько, ирландского волынщика Лайама О'Флинна, поэтессы-саксофонистки Джой Харджо, музыкантов из краковской группы «Stacow Klezmer Band» или исполнителей песен на стихи Лешека Александра Мочульского – Эльжбеты Товарницкой, Беаты Рыботыцкой и Гжегожа Турнау.

– Об этом мне говорили все приглашенные. Встречи с краковской публикой были важны для обеих сторон – в том числе и для читавших свои стихи поэтов, которые видели молодые блестящие глаза, ощущали серьезность и сосредоточенность зрительного зала. Это стало для них очень сильным экзистенциальным переживанием, – говорит Ежи Илльг. Подобная атмосфера царила и на дружеских вечерних беседах самих поэтов, заканчивавшихся поздно ночью – как, например, в ирландском пабе по приглашению Шеймуса Хини.

«Жизнь вынуждает людей носить маски»

Как объяснить этот краковский феномен?

– Существует явственная потребность в подлинной культуре, а не в разговорах на тему культуры. Ощущение этой подлинности и дает поэзия. Среди этой аудитории очень многие сами пишут, и необязательно стихи. Они находятся как бы на границе между пишущими и мечтающими писать, – объясняет Чеслав Милош.

Другой нобелевский лауреат, Шеймус Хини, ссылается на волшебство города – Кракова Милоша и Шимборской, который исконно был городом поэзии, как Лондон Шекспира и Марло или Петербург Мандельштама и Ахматовой.

– Это потрясающе – смотреть на поэтов, ощущать их присутствие, мелодию голоса. Это действительно незабываемое переживание, ты начинаешь больше понимать, чувствуешь, что становишься лучше, – так чаще всего отвечают молодые посетители краковских встреч.

Они приходят сюда услышать человеческий голос – а не ту хамскую невнятицу, которой кормят нас в газетах, по радио и по телевидению. Услышать нормальные голоса, нормальных людей, – так считает поэт Бронислав Май, который был ведущим поэтического спектакля «Дзяды».

– Быть может, это потребность в некой духовности? Разве люди не ищут эту «крошку души», о которой пишет Шимборская? – размышляет другой поэт.

А может быть, достаточно лишь создать – как это было сделано в Кракове – соответствующие условия, чтобы стихи могли завораживать людей? Быть может, ответ нужно искать в магической структуре поэзии, о которой немало говорили гости краковских встреч?

Адмель Косман:

– Жизнь вынуждает людей носить маски. Поэзия – это разговор, идущий от сердца к сердцу, а тогда маски не имеют значения.

Сергей Стратановский:

– Поэзия – это философия, она объясняет смысл жизни.

Джейн Хиршфельд:

– Она объясняет нам то, чего мы не знаем, и позволяет выйти за пределы своего «я». Я никогда не видела настоящего стихотворения, в котором не нашла бы утешения перед лицом смерти. Каждое настоящее стихотворение могло бы называться «Нежность».

Джой Харджо:

– Заниматься поэзией – значит жить духовной жизнью. Поэзия – это таинство выражения себя как личности, как человеческого существа.

С Милошем и без Милоша

Важнейшим из отсутствующих гостей краковской встречи был Чеслав Милош – автор ее идеи и главный почитатель. Болезнь не позволила ему ни на минуту принять участие в этом съезде поэтов, которому он придавал столь большое значение. Неожиданно дало о себе знать утомление после насыщенных поездок в Париж, Стокгольм, Вильнюс и Франкфурт.

Но на встрече все время присутствовали его стихи, на которые ссылались поэты – в ходе как публичных дискуссий, так и бесед в дружеском кругу. Все подчеркивали, насколько важна для них личность Милоша.

Если бы с нами был Чеслав Милош, этот Великий Лирик, то все шло бы еще на один тон выше, – говорит Ежи Илльг.

– Я бы там жутко свирепствовал, – смеется Чеслав Милош, когда я говорю, что без него публичное обсуждение стихотворения Филиппа Ларкина «Alba» немного хромало. Он уверяет, что у себя дома непрерывно получал самые подробные сведения о ходе встречи.

– Я был очень рад приезду моих друзей: Шеймуса Хини, Роберта Хасса, Джейн Хиршфельд и Адама Загаевского. Все были в восхищении от Кракова и от восприятия их творчества. Я горжусь тем, что краковская публика так всем понравилась, – признается Чеслав Милош.

А Ежи Илльг уже думает о следующей встрече поэтов. Снова в Кракове, через три года. «На этот раз можно было бы пригласить представителей поколения «beat generation» – таких, например, как поэт Майкл Мак-Клюр или органист группы «The Doors» Рэй Манзарек».

Чтобы вновь повторилось это волшебное чудо поэзии.

Лешек Шаруга

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Произнося торжественную речь на церемонии присуждения редактору парижской «Культуры» Ежи Гедройцу докторской степени *honoris causa* Щецинского университета, видный теоретик литературы Эразм Кузьма обратил особое внимание на литературные пристрастия героя дня. В тексте речи, помещенной в 4-м номере щецинского литературного журнала «Погранича», выходящего раз в два месяца, мы читаем:

«Похоже, что редактора «Культуры» сформировал романтизм и что даже в политическом смысле он его наследник и хранитель его ценностей. Как он сам признавался, его волновал не Мицкевич, а Словацкий: нет ли здесь совпадения с другим последышем романтизма и кумиром Гедройца — Пилсудским? То есть Словацкий, автор «Бенёвского» и «Царя-Духа». Далее — Станислав Бжозовский, Стефан Жеромский, Вацлав Берент, Виткаций, Гомбрович. В этом перечне есть некий порядок и связь с мыслью Гедройца: все эти писатели были «больны Польшей», желали ее величия или хотя бы нормальности и поэтому безжалостно обнажали ее заболевания, прокладывая пути исцеления. Именно Словацкий в «Бенёвском» показал нравственное и политическое разложение эмиграции, восклицая: «Хоть бы одна грудь была сделана по мерке не портного, а Фидия!»; так же думал об эмиграции и Ежи Гедройц, ужаснувшийся тому, что творилось в Румынии после сентябрьского поражения 1939 года. Словацкий в «Могиле Агамемнона» писал о Польше как о «павлине народов» и «чужой служанке». Сегодня Гедройц клеймит поляков, держащихся за хозяйскую полу — сначала советскую, ныне американскую. Словацкий в «Царе-Духе» желал, чтобы через страдания в поляках освободилась сила, способная к самостоянию. Сегодня Гедройц клеймит размягченность поляков и противопоставляет им твердых русских. (...) Чаше всего, однако, упоминает редактор «Культуры» Стефана Жеромского. Сам себя он назвал «жеромщиком». И, пожалуй, он исполняет завет Жеромского, некогда высказанный в драме «Сулковский»: «Нужно раздирать польские раны, чтоб они не затянулись пленкой подлости». И Гедройц не позволяет нам забыть о наших пороках, былых и нынешних. Он сыплет соль

на раны. (...) Ежи Гедройц, таким образом, хранит те ценности литературы, которые сдирали с поляков иллюзии — «самодурство», по его выражению, — и готовили их к суровой жизни в современном мире, стоящем на остром соперничестве. Ничто не дается даром, и ничто не дано навсегда, говорит он, — все надо добывать заново ежедневным трудом».

Я обратился к этому высказыванию не для того, чтобы еще раз напомнить о Ежи Гедройце. Недавно в одной дискуссии на радио меня спросили, каким будет «мир без Гедройца». А мира без Гедройца, ответил я, не будет: Гедройц прочно вписался в нашу жизнь, и без него жить нельзя, как нельзя жить без Словацкого или Жеромского. Редактор «Культуры» — заведомо не случайно — стал членом нескольких университетских общин. Докторские степени *honoris causa* ему присуждали (последнюю, уже посмертно, — в Люблинском католическом университете) не потому лишь, что хотели выразить уважение к идеям и достижениям Гедройца. Прежде всего это было свидетельством перемен, происходящих в академических кругах и направленных на то, чтобы соответствовать требованиям, которые им ставит «жизнь в современном мире, стоящем на остром соперничестве». Этой проблеме посвящен большой блок текстов, опубликованных в 10-м номере вроцлавской «Одры» под общим заглавием «С каким университетом в Европу?». Польские университеты с трудом приспосабливаются к новым условиям. Ежи Яжембский пишет, анализируя причины этой неприспособленности:

«Коротко говоря, надо иметь общий замысел науки и образования в Польше. Такой концепции не заменяют требования вроде ликвидации «армии адьюнктов» (...) или обещания покончить с совместительством, а также туманные заверения в повышении зарплаты (пока что падающей: 4% повышения за этот год даже не компенсируют инфляции). На адьюнктах еще долго будет держаться университетское преподавание; совместительство — не только результат бедности или жадности университетских преподавателей, но и производная от дефицита высококвалифицированных кадров везде, не только в вузах. (...) Усталость, уху-

шающая качество преподавания и мешающая научной работе, — далеко не всегда результат совместительства. Однако до тех пор, пока зарплаток ученых не будет хватать на удовлетворение элементарных нужд, будет оставаться и проблема приработков преподаванием и чем придется. (...) Реформа университетов, конечно, — очень трудная задача, причем везде и всегда. Как учреждения по природе своей консервативные, университеты не радуются переменам. А с другой стороны, именно они на протяжении последних столетий вырабатывают идеи, меняющие мир; именно их выпускники чаще всего становятся проводниками и исполнителями крупнейших ускорений в истории культуры, понимаемой самым широким образом».

А профессор Влодзимеж Сивинский, говоря о преобразовании университетов и появлении многочисленных частных вузов, констатирует:

«Факультеты общественных наук в университетах и вообще в государственных вузах обременены своей историей. Они растили специалистов, экспертов для совершенно иной политической и экономической системы. Экономистов растили для планового, централизованного народного хозяйства, управлению учили применительно к государственным предприятиям и т.п. Вновь созданные частные вузы при умелой кадровой политике могли обзавестись самой лучшей профессурой, обладающей новейшими познаниями в тех областях, которыми у нас прежде не занимались. Такие люди в университетах были. Экономические, политические, менеджерские факультеты в государственных вузах были вынуждены преобразовываться глубоко и по существу, по содержанию. Например, в моей области мы всего лишь десять лет развиваем интенсивные исследования рыночной экономики и растим для нее экспертов. Частные вузы начинали ничем не обремененные, но очень по-разному воспользовались своими шансами, и теперь среди них мы находим как действительно замечательные, так и совершенно авантюрные начинания».

Сивинский, до недавнего времени ректор Варшавского университета, обращает внимание и на то, что сегодня меняется статус интеллигента:

«Роль интеллигенции меняется — хотя бы по причине (...) массовости высшего образования. Раньше порукой принадлежности к интеллигенции был аттестат зрелости, и только у 5-6% населения было высшее образование. Если его будет получать почти половина общества, то этим людям выпадут самые разнообразные роли. Вероятно, они по-прежнему будут занимать ведущие места,

но в очень разных сферах и секторах общества. Мы иногда сужаем понятие интеллигенции до людей, занятых творческим трудом, формирующих мнения, вкусы, т.е. артистов, писателей, ученых, журналистов и т.п. (...) но, например, слой образованных чиновников гражданских служб, творящих ткань государства, тоже вырабатывает свойственные ему нормы и образцы поведения. В Польше этот процесс только начинается или после огромного перерыва возобновляется».

Это замечание важно хотя бы с той точки зрения, что образцы и нормы, о которых идет речь и которые определяют отношение к государству, имели необычайно большое значение для Ежи Гедройца: он ведь и сам в период между двумя мировыми войнами служил чиновником в министерстве.

Преподаватель краковского Ягеллонского университета, поэт Станислав Стабро присматривается к своей среде:

«Среда, о которой здесь говорится, может возбуждать в посторонних наблюдателях отрицательные чувства, хотя бы из-за того, что анахронически лелеет свою феодальную структуру и такие внутренние отношения между членами научной общины, которые ныне не всегда приспособлены к меняющейся действительности. Вдобавок некоторая часть научной среды в прошлом проявляла оппортунизм по отношению к тому или иному политическому строю и чрезмерную готовность к компромиссам не только со строем, но и с обществом. (...) Научная община, по-прежнему в большинстве своем запуганная и утраченная, до сих пор, в отличие от других общественных групп, не выработала успешных методов борьбы за свои справедливые и отнюдь не частные интересы. Думаю, немалую роль здесь играют унаследованные от прошлого, внушенные историей и обществом интеллигентские комплексы, совершенно неуместные в новой капиталистической действительности».

Автор также обращает внимание на растущую пауперизацию ученых, добавляя:

«Однако во всем этом вопросе есть и еще один, чисто нравственный аспект. Третья Речь Посполитая особенно многим обязана именно этой социальной и профессиональной группе, которая в свое время массово и активно поддержала движение «Солидарности». Превращать научных работников в категорию «лишних людей», спихивать их на дно общества, увлеченного медальными побрякушками прогресса, — это явная социальная несправедливость, творящаяся под смехотворительной историей».

О важности поднятой в «Одре» проблематики может свидетельствовать тот факт, что несколько месяцев назад блок материалов на ту же тему был опубликован на страницах 2-го номера краковского «Знака». Галина Абрамчик в статье «Не бояться перемен» писала:

«Затраты на научные исследования и работы по их внедрению в пересчете на душу населения в Польше почти в семь раз ниже, чем в странах Европейского союза, в три раза ниже, чем в Чехии, и чуть выше, чем в развитых странах Латинской Америки. (...) При этом число лиц, занимающихся в Польше научными исследованиями, приближается к тому же числу в развитых странах».

Уже эти данные указывают на уровень нужды, царящей в научных кругах, и на необходимость серьезных перемен. Характер этих перемен в известной степени определен новым законом о высшем образовании, но при трагически низком бюджете науки (меньше полпроцента валового национального продукта) заложенные в законе положения не имеют особых надежд на быстрое проведение в жизнь. И вот Эва Бартник заканчивает свою статью «Пирамида или клепсидра?» в том же номере «Знака» в довольно минорном тоне:

«Не знаю, как будут выглядеть вузы через 20 лет. Я колеблюсь между картиной катастрофы, в результате которой профессорам, уходящим на пенсию, некому будет передавать кафедры и факультеты, и, может быть, более реалистической картиной науки как такого великолепного приключения, что всегда найдется достаточно энтузиастов, готовых ей себя посвятить».

Это, может быть, и правда, но правда и то, что самые способные студенты, не обязательно готовые посвятить свою жизнь приключению, приносящему лишь материальные потери и малое удовлетворение, получают предложения работы лучше, чем то, что им могут предложить университеты. Я это знаю, так как в конце каждого учебного года наблюдаю бегство одаренных студентов.

Не случайно и то, что 6-й номер «Культуры» за прошлый год открывался статьей Анджея Гринкевича «Проблемы польской науки». Уже первые слова звучали драматически:

«В последнее время в средствах массовой информации появилось множество зловещих предсказаний насчет финансового положения польской науки. Представители разных направлений научных исследований говорят и пишут о коллапсе науки в Польше, о ее катастрофическом состоянии. Раздаются резкие выражения — например, слова о том, что министр финансов убивает польскую

науку. Создан Комитет спасения польской науки, обратившийся к обществу с открытым письмом, подписанным видными польскими учеными».

Столь же драматично и заключение статьи:

«Политика ограничения расходов и отношении к этой сфере как к источнику бюджетной экономики ошибочна и близорука. Она приносит Польше вред, ибо создает в сфере науки весьма опасное отсутствие нового поколения и обостряет разницу между Польшей и странами Евросоюза, в который мы стремимся. Боюсь, что нанесенный ущерб в значительной степени может оказаться невосполнимым».

Ни убавить, ни прибавить. Однако дело в том, что политики, принимающие решения о выделении средств на развитие науки — сами, притом, нередко научные работники, как Лешек Бальцевич или премьер-министр Ежи Бузек, — подвергаются натиску тех, кто хочет видеть ощутимые результаты этих затрат. Капиталовложения в науку, как и в культуру, возвращаются не быстро — их результатов, зачастую поразительных, приходится ждать долго, иногда и четверть века. Но для политиков это не «перспектива» — они живут в четырехлетнем ритме: от выборов до выборов. Чтобы понять, что с точки зрения долгосрочных интересов государства и общества эти затраты действительно окупаются, им пришлось бы сменить свой склад ума и стать настоящими государственными деятелями, а таковых, как известно, всегда не хватает.

В заключение стоит напомнить слова близкого Гедройцу Жеромского, написанные в 1919 году:

«Когда сельское сословие, включая даже наименее работников, оказалось под опекой закона (...), интеллигенция, отброшенная в положение пролетариата, мизерно зарабатывающего перед лицом дороговизны, уровня потребностей и жизненных норм, осталась неорганизованной, разбитой на группки, зажатой в рамки различных партий, выслуживающейся перед разнообразными программами общественных групп, создающей эти программы и по временам кое-где делающей индивидуальные карьеры. Как целое она осталась собою, все той же гувернанткой, личностью всего лишь интеллигентной, разбирающейся в логарифмах и поэзии и беспомощно блуждающей между «усадьбой», «избой» и «лакейской»».

Может быть, все-таки не так уж беспомощно, если вопрос о состоянии интеллигенции — а тем самым науки и культуры — вновь и вновь поднимается в публичных дискуссиях. Те, кто молчит, наверняка ничего не добьются.

Кшиштоф Пендерецкий

КОНЕЦ ВЕКА — ЭТО НЕ КОНЕЦ ИСКУССТВА

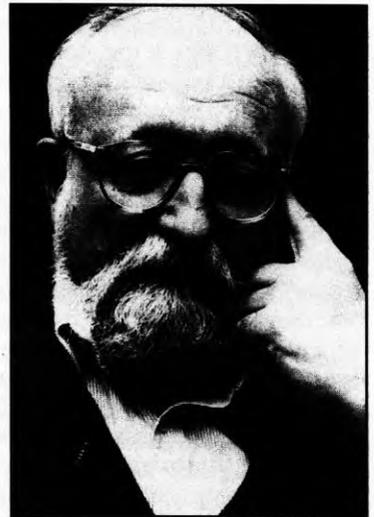
В своем знаменитом трактате «О духовном в искусстве» (1912) Василий Кандинский сравнил схему духовной жизни с большим треугольником, разделенным на неравные части. Полноту духовности воплощает острая вершина, нацеленная вверх. Чем ниже, ближе к основанию, тем этого элемента меньше, снижается его концентрация. В каждом из сегментов треугольника находятся художники, но на вершине их немного, иногда лишь один. Треугольник этот едва заметно продвигается кверху. Однако должно пройти немало времени, пока основание достигнет уровня, на котором когда-то находилась вершина, и тогда видение творца-одиночки станет достоянием масс. Кандинский воспользовался примером безмерно одинокого гения Бетховена, снискавшего признание и поклонение лишь у поколения модернистов, к которому принадлежал и сам художник. Сегодня, чего тогда никто не мог предвидеть, Бетховена, как и многих других классиков, присвоила массовая культура. Высочайшая ценность угодила на самый низкий уровень.

Если целостный комплекс характерных черт современной эпохи указать трудно, то эта черта не вызывает сомнения. Массовая культура, «популизм» никогда прежде не приобретали такого значения, как теперь. Разумеется, в отрицательном смысле. Это явление возникло сравнительно недавно: оно появилось после Французской революции вместе с демократизацией общественных отношений и развитием всеобщего образования. Как указывает выдающийся английский социолог Дуайт Макдональд, «массовая культура — динамичная, революционная сила, разрушающая преграды классов, традиций и вкуса, сглаживающая культурные различия. (...) Массовая культура чрезвычайно демократична: она категорически отвергает дискриминацию кого бы то ни было и чего бы то ни было. Все попадает в ее жернова и выходит из-под них гладко обработанным».

Неудивительно, что канон этой культуры, представляющий собою прямое отрицание культуры как таковой, сформировался в самой демократической стране мира — в США. И неудивительно, что именно там сейчас зарождается самая резкая реакция на популизм. В нашумевшей в последнее время книге «В защиту элитарности» американский критик, двукратный лауреат Пулитцеровской премии Уильям А. Генри III налагает вето на злоупотребления популистской политикой «мультикультурализма» в своей стране, подрывает американский миф о равенстве. «В погоне за равенством, — пишет он, — абсолютно чуждым тому идеалу, как понимали его отцы-основатели, мы в самоослепении перестали замечать элементарную истину (...), что некоторые люди лучше других: быстрее и больше работают, лучше учатся, больше производят, — и их труднее заменить. Некоторые идеи лучше других, некоторые ценности устойчивее, некоторые произведения искусства более универсальны. Некоторые культуры — хоть мы и не смеем этого сказать, — богаче других, а поэтому больше заслуживают изучения. Каждый уголок земного шара, в котором живут люди, привносит что-то свое. Но это не означает, что эти взносы равноценны».

В Польше болезнь популизма выглядит еще опасней из-за отсутствия защитной реакции. В бедной стране, деградировавшей при тоталитаризме, особенно резко обнаруживается предрассудок, признающий правоту и превосходство вкусам большинства. Припомним вслед за Юзефом Бохенским, автором замечательной книги «Сто предрассудков», что такое настоящая элита: «Настоящая элита — это общность самых выдающихся людей данного общества, выдающихся по характеру, знаниям, уму, творческим способностям и т.д. В этом значении элита — противоположность толпе». Бохенский предостерегает: подчинение распространенному сегодня предрассудку, будто бы элита не была нужна, ведет к опасным для общества последствиям. «Потому что благосостояние, прогресс, а иногда и само существование общества зависят от того, сумело ли оно создать хорошую элиту. Общество без элиты обречено на окостенение и скорую смерть», — подчеркивает философ.

Этот диагноз полностью подтверждается в Польше: наше общество, лишенное костяка авторитетов, напоминает губку, оно способно впитать в себя все самое худшее. В этой стране очень трудно создавать настоящие ценности, зато ужасает легкость, с какой они растрачиваются и уничтожаются. Возмутительный пример —

Этот диагноз полностью подтверждается в Польше: наше общество, лишенное костяка авторитетов, напоминает губку, оно способно впитать в себя все самое худшее. В этой стране очень трудно создавать настоящие ценности, зато ужасает легкость, с какой они растрачиваются и уничтожаются. Возмутительный пример — ликвидация оркестра Краковского радиовещания, пользовавшегося всеобщим признанием, или положение, сложившееся в оперных театрах. Нехватка денег — алиби нивелирования подлинных явлений и талантов, оправдание маразма и пассивности.

Положение усугубляет общая атмосфера упадка. Возвращаясь к Кандинскому, прибегнем к его описанию эпох, подобных нашей: «Периоды, когда искусство не имеет ни одного крупного представителя, когда отсутствует преображенный хлеб, являются *периодами упадка* в духовном мире. Души непрерывно падают из высших секций в низшие, и весь треугольник кажется стоящим неподвижно. Кажется, что он движется вниз и назад. Во время этих периодов немoty и слепоты люди придают особенное и исключительное значение внешним успехам, они заботятся лишь о материальных благах и как великое достижение приветствуют технический прогресс, который служит и может служить только телу. Чисто духовные силы в лучшем случае недооцениваются, а то и вообще остаются незамеченными».

Более того, мы живем во времена, которые нельзя даже назвать вульгарными, ибо само это понятие утратило смысл. Тем временем вульгаризация пронизывает все сферы жизни — от политики до искусства. Король Убю* переживает свой ренессанс как покровитель президентских голов, мы дрейфуем в неизвестность на «корабле дураков». Современный человек, желая убить пустоту, ищет все более мощных стимулов в мультимедиальных субстратах, получаемых благодаря новой технологии. Ученые запугивают нас призраком homo ruknolerticus (термин французского мыслителя Поля Вирильо), т.е. человека, который под влиянием изобилия раздражителей перестает что бы то ни было сознавать. История вовсе не собирается завершиться на наших глазах идиллическим хэппи-эндом, как это объявил несколько лет назад чрезмерно разрекламированный Фукияма, а приобретает все более неожиданные — то гротескные, то уродливые — формы. Это «празднество апокалипсиса» гениально выразил Збигнев Херберт в стихотворении «Вавилон»:

*Так свершается finimondo накрыты этрусские столы
в рюбах залитых вином в блаженном неведении они пируют
варвары являются в финале чтоб перерезать аорту.*

Неужели все-таки сбудется предсказывавшаяся в течение всего XX века тотальная катастрофа? Я все больше осознаю свое апокалиптическое настроение, то есть видение страшной катастрофы меня отнюдь не парализует, а высвобождает силы, активизирует. В этом я ощущаю близость к Кандинскому и родственным ему по духу художникам авангарда, возникавшего на рубеже веков, которые перед лицом неминуемой катастрофы высвободили в себе новую энергию созидания. Я, конечно, не хилиаст, какими были они. Они кормились апокалипсисом, высматривали его знаки, веруя, что после него произойдет великое преображение искусства и жизни, настанет эпоха великой духовности. Я не стремлюсь исправлять мир, утопическое мышление мне чуждо. Однако я уверен, что наш «конец тысячелетия» с его тональностью пресыщенности и опустошенности отнюдь не означает конца искусства, конца творчества. Способность искусства к возрождению — для меня непреложная истина. В соответствии с естественным ритмом смены поколений, после сегодняшних эклектиков придет поколение модернистов, обновителей, которые вторгнутся на сцену как дружина графа Роланда — с боевым кличем «Монжуа!». Роланд, прототип всех авангардистов, должен был погибнуть, принимая неравный бой с войском сарацинов. Однако он показал пример решимости и абсолютной преданности своему призванию.

Без этого призвания, без внутренней потребности нет художественного творчества. Форма должна быть следствием кристаллизации внутренне ощущаемого содержания. Научиться этому невозможно. Здесь нет правил. Это, без сомнения, дар. Вот каким признанием Чеслав Милош начал свои гарвардские лекции: «Честно говоря, я всю жизнь находился во власти некоего духа и не очень-то понимаю, как появились продиктованные им стихотворения». Подобным образом воспринимал это Витольд Лютославский, в едва ли не последнем своем интервью сказавший, что музыкальные произведения — «послание из идеального мира».

Пока не иссякнет тот источник, из которого к нам текут звуки, образы и слова, пока не прекратится это, как писал Данте, «снятие, обретающее форму в небесах», до тех пор не отомрет способность творить, до тех пор не иссякнет воображение.

Из книги «Лабиринт времени. Пять лекций к концу века»

* «Король Убю» — опера-буфф Пендерецкого (1990-1991) по знаменитой пьесе французского драматурга конца прошлого века А.Жарри. — *Пер.*

КАК БЫТЬ МУЗОЙ КОМПОЗИТОРА

Интервью с Эльзбетой Пендерецкой

Все чаще мы слышим о том, что XX век стал «веком женщин». Говоря словами Вирджинии Вулф, женщина завоевала право создать свой мир в «собственной комнате». XX век изменил незыблемый, устоявшийся веками уклад: женщина, существо пассивное и покорное, вдруг превратилась в творческую личность. Еще в начале века женщина выступала лишь в традиционной роли хранительницы домашнего очага. Динамизм развития цивилизации разрушил стереотип «мужских занятий» и вынудил женщину «делать карьеру» — исполнять мужские роли практически во всех сферах общественной жизни. Все чаще мы говорим о «преуспевающих женщинах», т.е. о тех, кому удалось взойти на вершины иерархической структуры мира мужчин и прочно удерживать там свои позиции.

— Пани Эльзбета, вас, несомненно, можно назвать преуспевающей женщиной. Вы в одном лице и жена, и мать, и хозяйка дома — продолжательница семейных традиций. Вы импресарио — профессионал высокого класса. К тому же вы жена одного из крупнейших композиторов XX века Кшиштофа Пендерецкого. Можно сказать, что это идеальный синтез женственности нашего века. Что для вас значит быть женой и духовной спутницей великого композитора?

— Сопутствовать в жизни великому творцу — это прежде всего большая ответственность. Следует отказаться от собственных амбиций и при этом не испытывать комплексов из-за того, что приходится жить в тени великого человека. История знает многих женщин, которые были музами великих художников и творцов, делили с ними свою жизнь. Наверняка их жизнь была соткана из компромиссов. Мой муж необыкновенно добрый и обаятельный человек, ему не надо искать уединения, чтобы творить. Он очень любит семью, любит пребывать в кругу близких ему людей, но предпочитает камерную обстановку. Он очень высоко ценит дружбу, но круг его друзей невелик. Я думаю, что для творческого процесса ему необходима атмосфера сплоченной семьи.

Моя мать, женщина очень мудрая, когда-то сказала мне: «Тебе предстоит жить рядом с незаурядной личностью, поэтому придется отказаться от собственных амбиций». Мне пришлось поменять круг своих интересов. Я хотела стать физиком, но решила отказаться от научной карьеры. Большое счастье — делить каждый прожитый день с этим необыкновенным, оптимистически настроенным человеком.

— Музыка занимает особое место в вашей жизни. Чтобы жить в атмосфере музыки, ее надо очень любить. Какую музыку вы любите? Есть ли у вас любимые сочинения вашего мужа?

— Музыку я любила всегда. Я выросла в музыкальном доме: мой отец был музыкантом. Он был не только юристом, но и музыкальным педагогом (преподавал в музыкальной школе и в консерватории), концертмейстером в филармоническом оркестре и хорошим исполнителем камерной музыки. Я росла в атмосфере постоянного контакта с миром музыки, она звучала в наших стенах с утра до вечера. Каждое воскресенье и понедельник я шла вместе с отцом в Краковский оперный театр, где у меня было свое постоянное место в оркестре — стульчик за контрабасами. А каждую пятницу и субботу я сопровождала отца в филармонию. Именно там, в Краковской филармонии, я познакомилась со своим мужем после премьеры его «Полиморфии». Я подошла к Пендерецкому, чтобы поздороваться и поздравить с премьерой. Он спросил: «Неужели пришла молодую особу может интересоваться современной музыка?» Я ответила, что музыкой я интересуюсь давно, так как постоянно хожу на концерты.

Я действительно очень люблю музыку. Люблю музыку разных композиторов — это и Монтеверди, и Гайдн, и старинная польская музыка. Конечно, очень люблю Баха, Брамса, Бетховена. Путешествуя, я покупаю пластинки с музыкальными сочинениями, которых раньше не слышала, стараюсь познако-

миться с новыми исполнителями. Составляя программу своих фестивалей или концертов, я стремлюсь представить польской публике интересных музыкантов, которые у нас в стране еще не совсем известны, но в мире уже имеют устоявшуюся репутацию.

Что касается музыки моего мужа, то ее мы слушаем довольно редко. Чаще всего слушаем классику, те произведения, которые сформировали его как композитора. Прежде всего Баха. Муж в свое время прошел через период авангардистского творчества, что было вполне естественным процессом; он тогда создал собственную систему записи музыки. Эмоционально я очень связана с сочинениями его первого периода, такими, как «Фонограммы», «Скорбная элегия жертвам Хиросимы»: ведь это было начало нашего знакомства. Особые чувства я испытываю к «Страстям по Луке», которые муж посвятил мне. Очень люблю все его оратории.

Я испытываю глубочайшую привязанность ко всем его сочинениям: ведь я присутствовала при их рождении. Для меня большое счастье, что я могу быть верной спутницей в его творческих исканиях.

— *Ваша фамилия стала «фирменным знаком» цикла «Концерты великих исполнителей. Приглашает Эльжбета Пендерецкая». Как зародилась их идея?*

— На каком-то этапе своей жизни я решила, что хотела бы иметь свое собственное занятие. Быть может, эта потребность была продиктована желанием доказать, что я могу создать что-то свое, проявить себя как организатор, отвечать от начала до конца за свой собственный замысел. К моему великому удивлению, муж одобрил эту идею и ободрил меня: «Ты должна это сделать, я уверен, что у тебя получится. Ты ведь участвуешь во всех моих делах, организуешь мои концерты, выполняешь секретарские обязанности». Так родилась идея заняться организацией концертов. Прежде всего мне хотелось пригласить к нам выдающихся исполнителей, которые долгое время обходили Польшу стороной. Граница гастролей этих артистов заканчивалась перед «железным занавесом», за которым мы жили в то время. И мне хотелось, чтобы Польша стала центром музыкальной культуры нашей части Европы. Чтобы сюда, как в Париж, Лондон или даже Прагу, приезжали знаменитости. Так и родилась идея цикла «Концерты великих исполнителей. Приглашает Эльжбета Пендерецкая».

— *Свой цикл вы начали в апреле 1997 г. с выступления Мстислава Ростроповича. Приезд в Польшу этого гениального музыканта совпал с его 75-летием. Вы пригласили и его семью: приехали его жена Галина Вишневецкая, величайшая оперная певица XX века, его дочь, внуки, зять. Концерт Ростроповича стал большим событием в музыкальной жизни страны.*

— Мне хотелось донести до сведения польской публики, что у одного из гениальнейших музыкантов XX века есть польские корни. Думаю, это было необычное торжество, которое осталось в памяти не только поклонников Ростроповича, но и всех, кто неравнодушен к высокому искусству. Да, это был великий концерт и великий день со Славой!

— *Вы директор совета по программе фестиваля «Краков-2000». Расскажите, пожалуйста, об этом интересном событии. Какое место было отведено музыке в рамках фестиваля?*

— Музыке было отведено значительное место. Согласно опросу общественного мнения, из десяти опрошенных трое знало о существовании нашего фестиваля, а 49% респондентов ассоциировали этот фестиваль с музыкой. В 1998 г. я руководила музыкальными мероприятиями «Года Кшиштофа Пендерецкого», проводимого в рамках подготовки к «Кракову-2000». В этом году в Кракове прошел очередной цикл «Концертов великих исполнителей», в апреле состоялся Бетховенский фестиваль. Музыки было много. Следует также сказать об интересном фестивале «Бархатный занавес», его директором является музыкальный критик Анджей Хлопецкий. На этом фестивале была представлена современная музыка Восточной и Центральной Европы. Композиторы, живущие в этой части Европы, специально писали сочинения к фестивалю.

— *Судя по всему, ваша жизнь насыщена работой. А что же главенствует в списке ваших занятий?*

— Первое место отводится музыке моего мужа, его работе. Поэтому прежде всего необходимо создать мужу условия для работы и отдыха. Мне в равной степени дороги и творческий труд моего мужа, и наша семья. Я стремлюсь поддерживать традиции нашей семьи. Самые важные события в семье — два великих праздника: Рождество и Пасха. Мы всегда их проводили в семейном кругу, с детьми, с нашими родителями, пока те были живы. Я считаю, что необходимо продолжать семейные традиции, чтобы затем передать эстафету нашим детям.

— *Унаследовали ли дети дарования своих родителей: музыкальный талант отца или менеджерский — матери?*

— У детей были большие музыкальные способности. Дочь играла на четырех инструментах, сын учился играть на фортепьяно. Дочь хорошо играла на виолончели, Ростропович говорил, что из нее может вырасти выдающаяся виолончелистка. Но она не хотела упражняться. К тому же муж считал, что двоих музыкантов в одной семье — в то время еще был жив мой отец — вполне достаточно. На юные плечи и так падает бремя ответственности быть ребенком выдающегося композитора. Думаю, поэтому муж не хотел, чтобы дети входили в музыку как профессионалы. Дочь закончила факультет

романской филологии, работает преподавателем и переводчиком, любит свое дело. Сын долго искал себя. Он закончил польскую филологию, затем факультет психологии, массу дополнительных курсов. Теперь учится на медицинском факультете. Думаю, он готовит себя к поприщу психиатра, психоаналитика. Эти долгие поиски позволят ему найти то дело, которое принесет полное удовлетворение.

— *Музыкальный мир России считает Пендерецкого крупнейшим авторитетом в современной музыке. Вас тоже хорошо знают в кругах российской интеллигенции. В 1998 г. вашему мужу и вам посвятили телевизионную программу «Царская ложа», в длинном интервью вы прекрасно говорили по-русски. Вас что-нибудь связывает с Россией?*

— Глубокая эмоциональная связь с русскими музыкантами. Вспоминаю наше первое путешествие в Россию в 1966 году. В те трудные времена у российских композиторов, коллег моего мужа, не было возможности выезжать на Запад, делиться своим композиторским опытом. Им приходилось создавать музыку для замкнутого круга слушателей. Помню наши первые контакты с выдающимися музыкантами: Святославом Рихтером, Давидом Ойстрахом, Дмитрием Шостаковичем. Прекрасный дирижер Игорь Мравинский всегда приглашал моего мужа выступать в стенах Ленинградской филармонии и принимал участие в его концертах. Эти воспоминания незабываемы и уже стали частью истории.

Нельзя не вспомнить о российской публике — какая это прекрасная публика! Как она восторженно слушала и реагировала на музыку!

Мы бывали и в Москве, и в тогдашнем Ленинграде. Муж туда ездил в поисках музыкальных тем к своей «Заутрене», дирижировал на концертах. Его избрали почетным профессором Московской консерватории. Все это нас глубоко связало с Россией.

Сегодня многие из тех, с кем мы познакомились в те далекие времена, разъехались по всему миру. Мы иногда приезжаем в Россию, но это уже совсем другая страна. Может, мы смотрим на нее по-другому, а может, сейчас действительно нет в России того прежнего накала музыкальной жизни, потому что все в разъездах, все гастролируют. Многие замечательные исполнители переселились на Запад, а теперь понемногу возвращаются назад.

Возвращаясь к воспоминаниям о наших первых контактах с музыкантами из СССР, я бы хотела вспомнить три камерных фестиваля, организованных в Люблинах — нашей семейной усадьбе. Мы приглашали русских, литовских, украинских композиторов и исполнителей представить свое творчество. С тех времен нас связывают дружеские отношения со Спиваковым, Жислиным. Мы знакомы с Темиркановым, Гергиевым. Я могла бы перечислить целую плеяду выдающихся исполнителей.

— *Вы — из тех немногих импресарио, кто приглашает русских певцов и музыкантов в Польшу. Поклонники Мстислава Ростроповича, Максима Венгерова, Ольги Бородиной считают эти концерты важными музыкальными событиями последних лет. Вы были инициатором польской постановки (в Познанском оперном театре) оперы «Галина» Марселя Ландовского, рассказывающей о судьбе Галины Вишневской. Вы прилагаете много усилий, чтобы познакомить польскую публику с русскими музыкантами, — это преднамеренная стратегия в вашей работе?*

— Приглашение звезд такого формата требует больших финансов на гонорары. Мне удается добыть необходимые деньги. Скрипача Максима Венгерова мы слышали в августе с Английским камерным оркестром, которым он к тому же дирижировал. Я рассчитываю снова пригласить Ольгу Бородину. В России сейчас столько прекрасных певцов! Я бы хотела пригласить Галину Горчакову выступить с сольным концертом. Думаю о дуэте Дмитрия Хворостовского с Чечилией Бартоли. Хотелось бы представить польской публике молодых пианистов из России — среди них так много выдающихся...

— *Есть ли у вас какой-нибудь рецепт, как добиться успеха на профессиональном поприще?*

— Такого рецепта нет. Надо обладать характером и стимулами движения вперед. Самое важное качество — трудолюбие. С тех пор, как я решила заняться организаторской деятельностью, я лишилась личной жизни. Но эта работа приносит мне удовлетворение и, надеюсь, доставляет радость другим. Большую часть своей работы я делаю на общественных началах. Сейчас я сформировала небольшое бюро «Music & Art Special Project». Чтобы организовать концерты, я должна работать как юридическое лицо. Но моя работа для фестиваля «Краков-2000», Бетховенские фестивали — это дар моему городу. Я хочу, чтобы Краков, *genius loci* польской культуры, стал еще и важным музыкальным центром.

— *Чего вам пожелать в новом тысячелетии?*

— Я хочу и в дальнейшем осуществлять свои замыслы, которые доставляют мне большую радость. Когда ко мне подходят люди и благодарят за концерт, я вижу, что эта благодарность искренняя. Ко мне часто обращаются со словами: «У нас нет финансовой возможности поехать в Нью-Йорк, Лондон или Париж. Но теперь мы слушаем ту же музыку, какая звучит в главных концертных залах мира. Это большое счастье!» Поэтому я мечтаю найти спонсоров, которые помогли бы мне осуществить мои планы. Я бы хотела по-прежнему совмещать свою работу с жизнью и творчеством моего мужа. Я благодарна ему за то, что он так одобрительно отнесся к моей деятельности. Он меня воодушевляет, постоянно поддерживает, дает мудрые советы. Благодаря всему этому, быть может и я смогу после себя оставить какой-то след.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

- Я.Ю.Липский:** два патриотизма
В.Бересь Газетный киоск
Д. Ольбрыхский: Как ужиться с соседом?
А. Ермонский: Вы Гомбровича не читали?
Е.Стемповский об интеллигенции
Я. Видацкий: О Юлиуше Меровшевском
М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге
Р. Пшибыльский: Об И.Бродском, А.Ахматовой, О.Мандельштаме
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к концу столетия с
П.Герцем, Б.Скаргой и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Твардовского, Шимборской, Бялошевского и др.
в переводах
Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского,
Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша» распространяется безвозмездно.

Допущен к распространению на территории Российской Федерации решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
(Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № 77-1063** от 03 ноября 1999 г).

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА
ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвящённый современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Новый ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культура, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвящённый современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, её теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax 6082488, tel. 6082374